

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Власть и элиты **Power and elites**

Том 6
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2019

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.М. Флягин, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Flyagin, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дука А.В.</i> Российские властные группы в (не)политическом пространстве. Вместо предисловия	5
Российская элита в поисках (само)определения	
<i>Масловский М.В.</i> Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности	15
Российская власть и ее оппоненты	
<i>Соловьев А.И.Г.</i> гражданские лидеры в политическом пространстве современной России (субъективные заметки)	32
<i>Пустовойт Ю.А.</i> «Контрэлита»: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе	48
Карьерные пути российской элиты	
<i>Покатов Д.В.</i> Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп	71
<i>Тев Д.Б.</i> Карьера после ухода из Правительства РФ: некоторые характеристики	98
Элиты российских регионов	
<i>Быстрова А.С.</i> Тенденции формирования российской элиты Севастополя: пять лет после присоединения к Российской Федерации	139
<i>Дука А.В.</i> Новый нобилитет российских регионов	169
Власть и элиты в российских городах	
<i>Витковская Т.Б.</i> Политическое пространство промышленных городов Урала: крупные предприятия в политике и управлении	197
<i>Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.</i> Конфигурация основных акторов в малом российском городе и лидерство: векторы перемен	216
Сведения об авторах	239

CONTENTS

<i>A. Duka</i> . Russian power groups in the (non)political space. Instead of a foreword	5
Russian elite in search of (self)definition	
<i>M. Maslovskiy</i> . Civilizational discourse of the Russian political elite in the context of interpretations of modernity.	15
Russian authorities and its opponents	
<i>A. Solovyev</i> . Civic leaders in the political space of modern Russia (subjective notes)	32
<i>Yu. Pustovoyt</i> . "A counter-elite": local power and its opponents in the Siberian megapolis	48
Career paths of the Russian elite	
<i>D. Pokatov</i> . Recruiting of modern Russian political elite as political and administrative-corporate elite groups rotation.	71
<i>D. Tev</i> . Career after leaving the government of the Russian Federation: some characteristics	98
Elites of the Russian regions	
<i>A. Bystrova</i> . Formation trends of the Russian elite of Sevastopol: five years after joining the Russian Federation.	139
<i>A. Duka</i> . New nobility of the Russian regions	169
Power and elites in Russian cities and towns	
<i>T. Vitkovskaia</i> . Political space of the industrial cities of the Ural region: large enterprises in policy and management	197
<i>A. Chirikova, V. Ledyayev</i> . Leadership and power in a small Russian town: vectors of change	216
Contributors	240

РОССИЙСКИЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ В (НЕ)ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

А.В. Дука

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.1>

Аннотация. Дается краткое изложение статей номера журнала и их интерпретация. В представлении автора, одна из центральных проблем, которой в той или иной степени касаются исследователи, — специфичность отечественного политического процесса. Речь идет не об особом историческом пути (хотя это и обсуждается), а о качественной идентификации политики. Другая проблема — процессы деполитизации политического пространства и политических акторов. Немаловажное значение здесь имеют институциональные ограничения профессиональной деятельности региональных депутатов. Существенным представляется фрагментированность профессионального сообщества экономических акторов, трудности представительства их интересов в официальных политических институтах. В не меньшей степени это касается и иных социальных групп, что связано с неразвитостью гражданского общества. Не менее проблематичны сюжеты, касающиеся рекрутирования административной и политической элит, их карьер, а также оппозиции и контрэлит.

Ключевые слова: цивилизация, гражданские лидеры, лидерство, властные группы, элита, контрэлита, элитные семьи, оппозиция, рекрутирование, деполитизация, плутократия, карьера, политическое пространство, правительство, Севастополь, главы регионов.

Шестой том издания «Власть и элиты» выходит в двух выпусках. Постепенно мы переходим к журнальному формату. При этом тематическая направленность сохраняется. Сохраняется и полипарадигмальность, и полидисциплинарность. Но это не означает, что нет ориенти-

ров. Даже субъективные заметки в нашем издании характеризуются научной объективностью. Во всяком случае наши авторы к этому стремятся, даже несмотря на свои политико-идеологические пристрастия. Изучать и свидетельствовать — задача и призвание социального ученого. В этом отношении «Власть и элиты» не только для читателя нынешнего дня.

Полипарадигмальность издания предполагает встречу текстов, имеющих подчас противоположные теоретические основания интерпретации анализируемых явлений. На наших страницах читатель с этим столкнется. Например, не все авторы однозначно понимают «политику» и «политическое». Если для одних российское политическое пространство является само собой разумеющимся делом и фоном для размышлений, то для других оно проблематично. Как утверждают наши коллеги, «в современной России не может сформироваться институционализированное политическое поле, а вместо него сложилась деформированная неполитическая зона власти» [Конституирование 2018: 79]. Один из авторов настоящего выпуска мог бы в ответ сказать, что существует еще и латентная сфера политики [Соловьев, Миллер 2017]. Однако вопросы всё равно остаются. Существуют расхождения и относительно цивилизации, элит и многого другого. Тем не менее в этой письменной научной дискуссии есть место взаимопониманию. Различия нас не разъединяют, а совместное обсуждение проблем объединяет.

Открывает выпуск статья *М.В. Масловского* «Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности». Автор вводит читателя в мир интерпретаций идейных эволюций российской элиты и состояния российского общества. Кто мы такие, что у нас есть и что у нас происходит — эти вопросы вызывают дискуссии не только в нашем Отечестве, но и среди зарубежных исследователей. Консервативный поворот, наблюдаемый последние полтора десятилетия в России, происходит не только в головах элиты. Консервативные тенденции можно наблюдать в массовом сознании и поведении россиян как на этнокультурной периферии (где можно увидеть одновременно и очевидную социетальную рецессию, обращение к архаичным формам социального взаимодействия), так и в центре страны.

Автор вполне правомерно пишет, что «анализ цивилизационного дискурса российской элиты оказывается недостаточным для раскрытия специфики консервативного идеологического поворота». Безусловно,

это проблема более общая. Здесь, как представляется, существует реакция на кардинальные реформы и на тотальную (охватывающую все стороны общежития) встречу с западным миром. В нашей истории уже были аналогичные идейные повороты и столкновения, и были объяснения. Можно привести в качестве примера реформы Петра I. В.О. Ключевский так описывал реакцию в послепетровское время: «Недовольство реформой Петра и причины: 1) наплыв иноземцев, нашествие сатаны и агтелов его <...>; 2) привычка к подражанию, утрата самобытности национальной; 3) материалистический и насильственный характер реформы» [Ключевский 1989b: 415–416]. Что касается встречи с новым миром, то историк писал: «Заимствуемая цивилизация оставалась у нас без домашних источников питания, не получала самостоятельной обработки, не выходила из тесного общественного круга, имевшего средства выписывать или вывозить из-за границы, и, с одной стороны, поддерживала нашу зависимость от Западной Европы, заставляя нас обновлять заимствуемый культурный запас все новыми и новыми привозами, не делая в него своих вкладов, а с другой — питая духовное бездействие, приучая искать готового без собственного труда, т.е. жить чужим умом. <...> и этим надолго установилось наше неправильное отношение к западноевропейской цивилизации» [Ключевский 1989a: 426–427]. С известными поправками очень похоже на нынешний день в интерпретации некоторых аналитиков и публицистов. Как видим, объяснение посредством межцивилизационных взаимодействий в российской общественной мысли имеет большую историю. Это говорит не только об определенной «современности» авторов прошлого, но и о существенности и длительности проблемы цивилизационного (само)определения. Конечно, не обходится без ностальгии, о чем пишет М.В. Масловский. Но и она — интерпретация прошлого в нынешних условиях.

А.И. Соловьев в своей статье «Гражданские лидеры в политическом пространстве современной России (субъективные заметки)» поднимает важную проблему: насколько новые гражданские лидеры демократической ориентации готовы стать профессиональными политиками, насколько они понимают механизмы современной российской политики. Сложности для понимания и включения в политический процесс (не протестный, а связанный с принятием решений) увеличиваются в связи с неблагоприятным институциональным дизайном и активным противодействием властных групп какому бы то ни было участию

оппозиции в реальном отпращивании власти. Более того, как отмечает Александр Иванович, неформальные структуры, отношения, связи, сети задают правила, которые не всегда ясны, но без понимания которых и без включения в которые политическая активность может стать не только неэффективной, но и маловероятной. А еще утончается средний класс, что подрывает социальную базу демократической оппозиции. Анализ, сделанный автором, может показаться оптимистичным для властей предрежащих — им сейчас новые альтернативные лидеры не угрожают. Но с точки зрения перспектив тех же нынешних элит это не так уж и позитивно. Безальтернативность порождает стагнацию, застой. А.И. Соловьев заканчивает свой текст вопросом, на который сейчас никто не сможет ответить: «Но кому из них удастся настроиться на длительную политико-просветительную работу, сохранив при этом необходимые морально-этические нормы демократических лидеров, не поддавшись на давление властей и искушение коррупционеров?». Наше недавнее политическое прошлое не предполагает позитивного ответа. Еще свежи в памяти бывшие молодые лидеры, ставшие сегодня кто консерватором, кто мракобесом, а кто коррупционером. Но социальное время не стоит на месте. У каждого поколения своя социализация.

В статье Ю.А. Пустовойта «“Контрэлиты”: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе» показывается на городском уровне возможности и результаты оппозиции. Текст перекликается с предыдущей статьей. Но выводы не столь пессимистичные. Хотя тезис автора: оппозиция «не обладает признаками контрэлиты» (что означает для него отсутствие возможностей смены повестки дня) — не открывает положительных перспектив. Причем если системная оппозиция обладает ресурсами, но не готова что-то принципиально менять, то несистемная оппозиция ориентирована на изменения политики в городе, у нее новые ценности, но нет ресурсов. Но более важным представляется зафиксированная Юрием Александровичем большая ориентация на уличный протест, чем на переговоры с властью. Непосредственное действие иногда оказывается более эффективным, чем конвенциональные формы политического участия. Однако в данном случае институциональные и организационные ресурсы власти определяют результат противостояния. Еще одно существенное замечание автора статьи: предлагаемые несистемной оппозицией ценности не согласуются с существующим устроением, «плохо вписываются в действующую

повестку дня». Это корреспондирует с сюжетом статьи М.В. Масловского.

Исследование *Д.В. Покатова* направлено на изучение рекрутирования современной российской политической элиты как ротации политической и административно-корпоративной элитных групп. Дмитрий Валерьевич предлагает рассматривать эволюцию политического элитного рекрутинга в рамках трех базовых этапов: первый («формально-свободной циркуляции») охватывает ельцинский период — с 1991 по 2000 г.; второй, «регулируемой ротации» — с 2001 по 2011 г.; третий, названный «корпоративно-персонократической стабилизации», начался в 2011 г. и продолжается до сего времени.

Автор связывает особенности рекрутирования российских элит с цивилизационным типом развития. Здесь он идет вслед С.Г. Кирдиной, увязывая отечественные особенности с восточной цивилизационной матрицей. Существенно, что для этого типа развития характерна «унитарно-централизованная политическая система». Конечно, изменения происходят, тем более наблюдаются серьезные структурные сдвиги, но рамки уже заданы. И они определяют возможные видоизменения. Однако Дмитрий Валерьевич фиксирует сближение с номенклатурными практиками. Действует «колея». И в этой логической схеме автор допускает вольность. Изменение все-таки, по его представлениям, возможно. За счет трансформации «профессионально-личностного потенциала элитных групп», а также развития структур гражданского общества. Здесь надо заметить, что, во-первых, элитные группы не свободны от фундаментального воздействия базовых институтов и структур, во-вторых, гражданское общество также определяется институциональной матрицей (если мы следуем заявленной выше концепции).

Д.Б. Тев сосредоточил свое внимание на карьере членов федерального правительства после того, как они оттуда ушли. Автор дал скромный подзаголовок своей статье: «некоторые характеристики». Характеристик в действительности много, и они дают очень хорошую картину относительно того, кем становятся высшие российские бюрократы. Таких исследований в нашем Отечестве немного. У нас обычно исследуют пространство рекрутирования. Но немаловажный вопрос и о полуправительственных местах — где они и что с ними. С ответом на эти вопросы связана одна из кардинальных проблем бытования элит: насколько они укоренились наверху. То есть сформировалась ли у нас послесоветская элита, насколько она устойчива и каков ареал элитного

обитания, какова степень вертикальной и горизонтальной интеграции. Словом, насколько элиты институционализировались. Денис Борисович обсуждает эти проблемы в более широком контексте — институциональные и структурные характеристики современного российского капиталистического общества. В статье фиксируется, что высшая административная элита сегодня значительно профессионализировалась. Показывается также ее доминирующая роль в отечественной политике. Если сравнивать с постправительственными карьерами администраторов развитых стран, то оказывается, что она в меньшей степени ориентирована на политическую карьеру в парламентах различного уровня. Это, конечно, говорит о значении и значимости наших представительных органов. Центральный вывод исследования — устойчивость членства в элитном сообществе, что косвенно может свидетельствовать о высокой степени институционализации.

В статье А.С. Быстровой анализируется становление региональной исполнительной власти в новом субъекте федерации — городе Севастополе. Прошло пять лет. За это время три главы исполнительной власти ушли в отставку, сейчас у руля четвертый. Сменилось несколько составов правительства. Очевидно, что вхождение в российскую политику идет не просто для граждан нового субъекта федерации, для региональной элиты и для федерального центра. Автор подробно анализирует характеристики высших администраторов Севастополя, их карьерные пути. Складывается впечатление хаотичности в подборе кадров, назначении, целеполагании федеральной власти. Ведь каждое назначение должно что-то означать, не может каждый быть эффективным во всем. Но, наверное, сказывается кадровый голод. Внутри Севастополя он объясним — долгое состояние второстепенного (а в чем-то и чужого) украинского региона. Но для Российской Федерации, которая сделала ставку на фактически внешнее управление и имеет вроде бы достаточное число «эффективных менеджеров», это труднообъяснимо. Однако если обратить внимание на эффективность в других регионах и в управлении различными секторами нашей страны, то понимание возникнет. Ситуация усугубляется продолжающимся взаимным непониманием исполнительной и представительной ветвей власти в регионе. Вывод автора о неустойчивом характере административной элиты региона вполне согласуется с эмпирическим материалом.

А.В. Дука поднимает несколько важных для российской политики и властных групп вопросов. Во-первых, как это ни парадоксально,

деполитизация политической сферы. Исследователи отмечают: «Последние годы мы наблюдали стремительный процесс деполитизации, который развернулся в культуре, СМИ, обществе, захватив, наконец, саму партийную систему и ритуал выборов. Политическое стремительно маргинализуется, уходя на периферию и освобождая место какому-то иному феномену, в отношении которого распространенные политологические категории представляются не вполне нерелевантными» [Куренной 2009: 86]. Тренд к деполитизации части политической жизни (и как процесс, и как интенция властных групп) наметился давно. Здесь, с одной стороны, стремление вынести за рамки политики опасных для власти вопросов. Так, призыв прокурора Крыма избегать политизации Дня памяти жертв депортации — «18 мая памятный день, который должен проводиться спокойно, без политизации и спекуляции» [Поклонская 2016] — связан со сложной обстановкой в регионе и вокруг него. Но сам призыв, конечно, трудновыполним. Само событие политическое и таковым будет долго. Так же как и суждение президента Латвии Валдиса Затлерса, высказанное на конференции «Оккупация, коллаборационизм, сопротивление: история и восприятие истории»: «Политизировать можно лишь события будущего. Было бы очень хорошо, если бы политики занимались именно будущим, а не прошлым» [Президент 2009]. Последний пример демонстрирует неуникальность России. Страх перед политическим связан, по всей видимости, с недостаточной уверенностью в собственном контроле ситуации, непредсказуемости поведения граждан и зарубежных акторов, могущих повлиять на политическую ситуацию, а также с возвышающейся ролью административного начала. В российских регионах мы отчетливо наблюдаем снижение профессионализации и, как следствие, профессионализма представительных органов власти. Депутаты легислатур по факту перестают быть политическими деятелями, хотя остаются публичными персонами.

Во-вторых, происходит частичная политизация региональной экономической элиты, связанная с вхождением персон в политическое поле при сохранении основных позиций и интересов в экономическом. Это одновременно показывает слабость гражданского общества, возможности его структур представлять интересы различных категорий населения (включая бизнес-слои) в публичном пространстве, а также фрагментированность профессионального сообщества.

В-третьих, наблюдается внутрисемейная передача позиций в политико-административных институтах. Складываются элитные семьи,

использующие свой специфический символический и социальный капитал.

В статье *Т.Б. Витковской* «Политическое пространство промышленных городов Урала: крупные предприятия в политике и управлении» освещается важная тема: политическая активность крупных промышленных предприятий в городах. На уровне здравого смысла небольшие и средние промышленные города должны находиться под контролем расположенных в них мощных экономических субъектов. Исследование Татьяны Борисовны показало, что не всё так однозначно. Была проанализирована ситуация в 30 промышленных городах в трех уральских регионах (Свердловской и Челябинской областях и Пермском крае), где расположены 48 промышленных предприятий. Полученные результаты говорят о том, что в промышленных городах Урала существуют три модели политического участия крупных промышленных предприятий в местной политике. Во-первых, активное участие в городской политике, «захват» предприятием органов местного самоуправления. И эта модель реализуется достаточно редко, в отличие от двух других. Во-вторых, умеренная вовлеченность предприятия в городскую политику. В-третьих, отказ от участия в местной политике. Собственники и высший менеджмент предприятий достаточно прагматичны, участие в местном политическом процессе зависит от возможности реализации определенных интересов. Надо также иметь в виду, что существует и структурное влияние, к возможному мнению экономических боссов могут прислушиваться, даже если они ничего прямо не говорят.

Важный аспект затрагивают *В.Г. Ледяев* и *А.Е. Чирикова*, сравнивая властные отношения в Шуе и Кинешме, — длительность и укорененность исполнительной власти является существенным (но не единственным) фактором, влияющим на ее способность подчинять представительную власть. Устойчивость властных персон во властных структурах при прочих условиях задает основания для истеблишмента (establishment). Это английское понятие достаточно точно выражает данный аспект бытования и функционирования элит. Сильное лидерство, наряду с институциональными, структурными и культурными основаниями, задает фундамент властных элит на всех уровнях, одновременно выступая аналитическим каркасом для исследователей. Поскольку исследование проводилось в два этапа (в 2013–2015 и 2018–2019 гг.), можно было сравнить полученные результаты. Важным является зафиксированная исследователями изменчивость конфигурации властных

групп, их возможностей и активности. Исследование демонстрирует, что персональные качества очень важны, однако контекст и внешние ресурсы могут играть исключительную роль.

Читатель заметит, что все статьи оказываются внутренне связанными, хотя авторы по-своему анализируют и описывают российскую политическую реальность и деятельность властных групп. Конечно, мои комментарии могут задать акцент, который авторы не имели в виду, и связь, которую они не подразумевали. Думаю, что по мере чтения этого выпуска и читатели не удержатся от собственного прочтения и комментариев.

Литература

Ключевский В.О. Древняя и новая Россия // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989а. Т. 7. Специальные курсы (продолжение). С. 419–428.

Ключевский В.О. Опыт новой истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989б. Т. 7. Специальные курсы (продолжение). С. 412–419.

Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2018.

Куренной В.А. Государство как механизм деполитизации // Государство: научные тетради Института Восточной Европы. М., 2009. № 3. С. 86–101.

Соловьев А.И., Миллер Т.В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 212–232. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk_63_avgust_2017_g/pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/solovyov_miller.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

Источники

Поклонская: не надо политизировать День памяти жертв депортации // РИА «Новости». 17.05.2016. URL: <https://ria.ru/20160517/1435256897.html> (дата обращения: 10.11.2019).

Президент: не надо политизировать историю // Новостной портал DELFI (Латвия). 27.10.2009. URL: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/prezident-ne-nado-politizirovat-istoriyu.d?id=27650467> (дата обращения 11.11.2019).

RUSSIAN POWER GROUPS IN THE (NON)POLITICAL SPACE. INSTEAD OF A FOREWORD

A. Duka

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.1>

Abstract. *The text provides a summary of articles of the journal issue and their interpretation. In the author's view, one of the central problems that researchers are concerned to one degree or another is the specificity of the domestic political process. This is not about a special historical path (although this is being discussed), but about a qualitative identification of Russian politics. Another problem is the processes of depoliticization of political space and political actors. Moreover, institutional restrictions on the professional activities of regional deputies are of no small importance. Significant in this context is the fragmentation of the professional community of economic actors, the difficulties of representing their interests in official political institutions. This applies equally to other social groups, which is due to the underdevelopment of civil society. No less problematic are the stories associated with the recruitment of administrative and political elites, their careers, as well as opposition and counter-elites.*

Keywords: *civilization, civil leaders, leadership, power groups, elite, counter-elite, elite families, opposition, recruitment, depoliticization, plutocracy, career, political space, government, Sevastopol, heads of regions.*

References

- Klyuchevskiy V.O. Drevnyaya i novaya Rossiya [Ancient and new Russia]. In: Klyuchevskiy V.O. *Collected Works* in 9 vols. Moscow: Mysl', 1989a, vol. 7, pp. 419–428. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. Opyt novoy istorii [Essay on new history]. In: Klyuchevskiy V.O. *Collected Works* in 9 vols. Moscow: Mysl', 1989b, vol. 7, pp. 412–419. (In Russian)
- Konstituirovaniye sovremennoy politiki v Rossii: institutsional'nyye problem* [Institutionalization of modern politics in Russia: institutional problems]. Ed. by S. V. Patrushev, L. Ye. Filippova. Moscow: ROSSPEN, 2018. (In Russian)
- Kurennoy V.A. Gosudarstvo kak mekhanizm depolitizatsii [The state as a mechanism of depoliticization], *Gosudarstvo: Nauchnyye tetradi Instituta Vostochnoy Yevropy* [State: Scientific notebooks of the Institute of Eastern Europe], 2009, no. 3, pp. 86–101. (In Russian)
- Solovyov A.I., Miller T.V. Latentnaya sfera politiki: versiya teoreticheskoy identifikatsii [Latent Policy Area: An Attempt at Theoretical Identification], *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [Public administration. E-Journal], 2017, 63, pp. 212–232. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__63._avgust_2017_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/solovyov_miller.pdf (accessed: 12.11.2019). (In Russian)

РОССИЙСКАЯ ЭЛИТА В ПОИСКАХ (САМО)ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ МОДЕРНОСТИ

М.В. Масловский

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.2>

Аннотация. *Рассматривается цивилизационный аспект консервативного идеологического поворота в российском обществе 2010-х годов. Отмечается, что тезис об уникальной цивилизационной идентичности России занимает одно из центральных мест в дискурсе политической элиты в указанный период. Выделены различные подходы к анализу такого дискурса, представленные главным образом в работах зарубежных исследователей. Особое внимание уделено тем из них, в которых присутствует социологический анализ социальных групп, выступающих носителями различных версий консервативной идеологии. Вместе с тем подчеркивается, что изучение цивилизационного дискурса российской политической элиты оказывается недостаточным для раскрытия специфики консервативного поворота. Показано, что цивилизационная тематика может быть соотнесена с определенными вариантами интерпретации модерности. Обосновывается использование понятия интерпретации модерности для изучения идеологических течений в современном российском обществе.*

Ключевые слова: *политическая элита, идеология, консерватизм, цивилизация, модерность.*

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения многих исследователей, обращавшихся к анализу идеологических течений в российском обществе, в 1990–2000-е годы

едва ли можно было говорить о широком распространении в стране какой-либо целостной идеологии. В этот период проявилась своего рода усталость от идеологий, коль скоро «марксизм-ленинизм превратился в фарс, фашизм ассоциировался с ужасами Второй мировой войны, а либерализм рассматривался многими как заговор Запада с целью разрушения страны» [Hanson 2010: xxv]. Тем не менее консервативные тенденции присутствовали в дискурсе российской политической элиты уже в первой половине 2000-х годов. Отмечалось, что признаки «неотрадиционалистского поворота» можно было обнаружить в 2004–2005 гг. в ходе подготовки к празднованию 60-летия победы в Великой Отечественной войне [Гудков 2014: 172]. Консервативная риторика значительно усилилась в 2012 г. в ходе российской президентской кампании, а затем в 2014 г. на фоне вооруженного конфликта в восточной части Украины.

В целом консервативный идеологический поворот сопровождался подчеркиванием уникальной российской цивилизационной идентичности. С 2012 г. в дискурсе российской политической элиты получает распространение тезис о России как «государстве-цивилизации». При этом взаимодействие с Западом приобрело «более ограниченный, “селективный” и ревизионистский характер» [Прозорова 2014: 66]. В последние несколько лет различные аспекты российского консервативного поворота стали предметом изучения значительного числа зарубежных исследователей [Bernsand, Törnquist-Plewa 2019; Chebankova 2016; Laruelle 2019]. При этом довольно подробно рассматривались цивилизационные подходы в российской научной литературе [Scherrer 2013; Mjør 2017]. Немалое внимание уделялось также и цивилизационному дискурсу политической элиты [Katzenstein, Weygandt 2017; Linde 2016; Tsygankov 2016].

Для анализа цивилизационного аспекта различных идеологических подходов ряд исследователей используют понятие цивилизационного национализма. В частности, М. Ларюэль проводит разграничение между националистическими течениями «сверху» и «снизу», которые могут быть как взаимно усиливающими, так и конкурирующими. Кроме того, национализм может выступать в «цивилизационной» и «ксенофобской» версиях. В свою очередь, в российском обществе цивилизационный национализм может принимать различные формы в зависимости от акцента на имперском или советском периоде истории страны [Laruelle 2014: 273]. В работах отечественных исследователей

также рассматривались разнообразные типы цивилизационного национализма [Верховский, Паин 2010]. Однако это понятие отражает лишь некоторые стороны консервативного идеологического поворота в современной России, но не позволяет в полной мере раскрыть его особенности. Как будет показано в статье, анализ цивилизационного дискурса российской элиты может быть дополнен концепцией интерпретации модерности.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО «КОНСЕРВАТИВНОГО ПОВОРОТА»

Еще в 1990-е годы цивилизационный дискурс в российской политике испытал влияние концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Она обсуждалась как в научной литературе, так и в политической публицистике, а также нередко упоминалась представителями политической элиты. Как полагает А. Цыганков, восприятие тезиса Хантингтона во многом определялось идеологическими установками российских авторов, ссылавшихся на него. Так, сторонники либеральных идей, как правило, негативно оценивали тезис о столкновении цивилизаций. В то же время представители «государственнических» идеологических течений в основном соглашались с указанным тезисом, но, в отличие от Хантингтона, чаще подчеркивали «евразийский», а не православный характер российской цивилизации [Tsygankov 2003: 63–65]. Вместе с тем в условиях консервативного поворота 2010-х годов роль концепции Хантингтона в конструировании российской цивилизационной идентичности была не столь значительной.

Некоторые зарубежные комментаторы выделяют «евразийский» компонент консервативного поворота и его отражение в российской внешней политике. В частности, американские политологи П. Катценштейн и Н. Вейгандт характеризуют «геополитическую» и «цивилизационную» версии неоевразийства, ведущими представителями которых выступают, по их мнению, А. Дугин и Л. Гумилев [Katzenstein, Weygandt 2017: 429–432]. Как считают американские исследователи, эти две версии неоевразийства оказывали непосредственное воздействие на внешнюю политику России по крайней мере с 2014 г. Однако их утверждения о влиянии идей представителей данного идеологического течения на международную политику российского государства оказываются во многом декларативными. Неоднократно отмечалось, что «евразийский

выбор» не является достаточно привлекательным для российской элиты, а носители такого дискурса остаются маргиналами [Laruelle 2016: 280].

Интерпретацию цивилизационного поворота в российском политическом дискурсе, опирающуюся на анализ ряда опубликованных документов, предлагает шведский исследователь Ф. Линде. По его мнению, в качестве точки отсчета следует взять 2007–2008 г., когда в публичных выступлениях российских политиков зазвучала тема «цивилизационного многообразия» в современном мире. «Коль скоро российское правительство сделало выбор в пользу цивилизационного дискурса, который подчеркивал нормативный плюрализм, оказалось логичным, что в конечном итоге оно примет доктрину, акцентирующую существование особой российской цивилизации, которая в ключевых аспектах отличается от Запада» [Linde 2016: 618–619]. С точки зрения этого исследователя, в 2012–2014 гг. в дискурсе российской элиты проявились черты «цивилизационного национализма».

Как признает Линде, едва ли можно говорить о единстве взглядов представителей политической элиты по вопросу о российской цивилизационной идентичности. Он готов также допустить, что цивилизационный дискурс мог «адаптироваться к различным обстоятельствам и аудиториям» [Linde 2016: 624]. Но все же, согласно Линде, существовала общая линия развития цивилизационного дискурса с 2007–2008 до 2012–2014 гг. При этом действовала определенная логическая последовательность принятия российской элитой различных элементов цивилизационного подхода. Тем самым на первый план в предложенном им анализе выходит своего рода гегельянская схема развития идей в соответствии с их внутренней логикой, получающих затем воплощение в политической деятельности. По-видимому, такая схема не учитывает в полной мере действие различных политических сил, обладающих собственными интересами.

Элементы социологического подхода присутствуют в анализе консервативного поворота, предложенном шведской исследовательницей Л. Йонсон. С ее точки зрения, необходимо уделять больше внимания различным «идеологическим сообществам», являющимся носителями консервативных идей. Если первоначально такие сообщества считаются маргинальными, то с течением времени их идеи могут быть подхвачены политическими элитами либо лоббистскими группами, близкими к правящей элите [Jonson 2019: 14]. Йонсон выделяет несколько консервативных идеологических течений, существовавших в 1990–

2000-е годы. Она ссылается, в частности, на таких авторов, как С. Кара-Мурза, А. Проханов, Е. Холмогоров, А. Дугин. Кроме того, исследовательница отмечает роль РПЦ в распространении консервативных идей. Как подчеркивает Йонсон, хотя в 2000-е годы в России существовали разнообразные консервативные течения, «все они разделяли идеи антилиберализма, “антизападничества”, патриотизма, веру в мощное государство, сильного лидера, авторитарное и иерархическое общество, моральное возрождение, центральную роль религии и Sonderweg, основанный на национальной исключительности» [Jonson 2019: 28–29].

Согласно Йонсон, если в 1990-е годы консервативные идеи формулировались в небольших сообществах критиков ельцинского режима, то в 2000-е годы произошла институционализация консерватизма с возникновением дискуссионных клубов и аналитических институтов на основе прежних менее формальных объединений. Деятельность консервативных «идеологических сообществ» не привела к формированию социальных движений, но предлагаемые ими идеи оказались востребованы властной элитой. С возвращением В.В. Путина на пост Президента в мае 2012 г. «его политическая повестка испытала влияние со стороны этих новых союзников» [Jonson 2019: 30]. По мнению Йонсон, данная повестка ориентировалась на внедрение консервативных ценностей и маргинализацию либеральной мысли. При этом «выбор бренда авторитарного консерватизма, идейно связанного с политическим наследием Европы периода между мировыми войнами и современными европейскими “новыми правыми”, может быть объяснен лишь влиянием идей радикальных консервативных сообществ» [Jonson 2019: 30].

Следует отметить, что в работе Йонсон, как и в публикациях ряда других западных исследователей, присутствует склонность к преувеличению непосредственного влияния идеологических конструкций на проводимый политический курс. Необходимо учитывать, что использование той разновидности цивилизационного дискурса, которая получила отражение в тезисе о «государстве-цивилизации», стало результатом вполне прагматического выбора. Отмечалось, что как православный, так и евразийский цивилизационный дискурс используется государственной властью «инструментально, в качестве риторического инструмента для формирования российских ценностей в желательном для Кремля направлении» [Tsygankov 2016: 154].

М. Ларюэль подчеркивает, что российские власти не остановили свой выбор на «славянофильской» версии цивилизационного подхода,

коль скоро внешняя политика страны не могла основываться на понятии славянской солидарности, а этноцентричное определение российской идентичности было неприемлемым в многонациональном государстве. Вместо этого в официальном дискурсе получили распространение ссылки на православную религиозную традицию и проводились параллели с Византийской империей как оплотом данной традиции, противостоявшим Западу [Laruelle 2016: 293]. По мнению Ларюэль, версия консерватизма, получившая распространение с 2012 г., служит формированию статуса России как «другой Европы», идущей особым путем. Как подчеркивает исследовательница, существовали три варианта выбора российской цивилизационной идентичности: «быть европейской страной, следующей западным путем развития; быть европейской страной, следующей незападным путем развития; или быть неевропейской страной» [Laruelle 2016: 278]. Очевидно, российской элитой был сделан выбор в пользу второго варианта. При этом сегодняшняя Россия «претендует на то, чтобы быть выразителем подлинных европейских ценностей, которые, как утверждает, утрачены Западом» [Sakwa 2017: 7].

Ларюэль определяет идеологический дискурс российской политической элиты как «моральный консерватизм» и выделяет определенные преимущества, которые дает использование подобной идеологии по сравнению, например, с более четко выраженной версией национализма. Как полагает исследовательница, моральный консерватизм «пользуется поддержкой молчаливого большинства, уважает общественные иерархии, не ставит под сомнение легитимность Кремля, стигматизирует сексуальные меньшинства, которые являются не столь угрожающими, как этнические меньшинства, и не обладает дестабилизирующим потенциалом» [Laruelle 2013: 4]. Кроме того, данная версия идеологического дискурса не оказывает глубокого воздействия на социальные практики, что делает ее вполне совместимой как с достаточно свободными нравами российского общества в целом, так и с «ретрадиционализацией» в мусульманских регионах. В конечном итоге, с точки зрения Ларюэль, консервативный поворот не связан с какими-либо намерениями преобразования российского общества, поскольку российская элита рассматривает консервативный дискурс как «орудие сохранения status quo» [Laruelle 2013: 4].

Согласно Ларюэль, было бы упрощением рассматривать продуцирование идеологического дискурса российской элитой как «нечто

целостное либо, наоборот, бессвязное» [Laruelle 2017: 3]. Исследовательница использует метафору «экосистемы» для обозначения различных групп интересов, продвигающих консервативную идеологию. Она рассматривает «Кремль» как состоящий из нескольких идеологических экосистем, каждая из которых включает «специфические институты, финансовых доноров, покровителей, символические отсылки, агентов идеологических изменений и медиаплатформы» [Laruelle 2017: 1]. С точки зрения Ларюэль, можно выделить три основные экосистемы: во-первых, военно-промышленный комплекс, который охватывает все силовые ведомства, а также государственную и получающую военную промышленность; во-вторых, сферу влияния Русской православной церкви, включающую Московскую патриархию, православных бизнесменов, агентов идеологических изменений и православные организации гражданского общества; в-третьих, президентскую администрацию. Добавим, что последняя в значительной мере выражает идеологическую позицию российской политической элиты в целом. Военно-промышленная экосистема и сфера влияния РПЦ выдвигают более последовательную идеологическую повестку, различным образом используя те или иные элементы цивилизационного дискурса. Президентская администрация является «наименее идеологически жесткой и наиболее способной к адаптации в новых контекстах» [Laruelle 2017: 4], но при этом в наибольшей степени формирует дискурс политической элиты.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МОДЕРНОСТИ

Возможности использования понятия модерности применительно к российскому обществу подробно рассматривались в социологической и исторической литературе [Браславский 2010; Подвойский 2013; Дэвид-Фокс 2016]. В рамках широкого социологического течения, связанного с изучением различных типов современного общества, немецкий социолог П. Вагнер сформулировал концепцию модерности как «опыта и интерпретации» [Wagner 2008]. С его точки зрения, недавняя история может быть представлена как чередование интерпретаций современного общества, отличавшихся региональным разнообразием и опиравшихся на более ранний опыт столкновения с модерностью. Вагнер рассматривает главным образом период с 1960-х годов до настоящего времени. Он подчеркивает, что в начале указанного периода преобладавшие интерпре-

тации модерности отличались рядом сходных черт в западных демократиях, социалистических режимах советского типа и авторитарных государствах третьего мира. Для всех из них было характерно стремление к «стабилизации экономических и политических отношений, ограничению культурных различий и “замораживанию” существующей ситуации, допускающему лишь равномерные и предсказуемые изменения» [Wagner 2015: 115].

Согласно Вагнеру, со второй половины 1960-х годов в мире сложилась принципиально новая ситуация. Особое внимание он уделяет последствиям роста активности социальных движений, пик которой пришелся на 1968 г. Как отмечает немецкий социолог, события этого года представляли собой «сочетание политической революции, которая не удалась, и культурной революции, которая завершилась успехом» [Wagner 2002: 38]. В то же время Вагнер сосредоточивает внимание на социокультурных и политических процессах, происходивших в западных обществах. Однако если в странах Запада 1968 г. ознаменовал начало масштабных культурных изменений, в конечном итоге отразившихся и в политической сфере, то в бывшем социалистическом лагере за подавлением предпринятой в Чехословакии попытки создать «социализм с человеческим лицом» последовал период «нормализации», растянувшийся на два десятилетия.

Новый этап в противостоянии различных интерпретаций модерности начинается на рубеже 1980–1990-х годов. Получает все более широкое распространение «социальное воображаемое», основанное на идеях глобализации и индивидуализации. С таких позиций между отдельным индивидом и глобальным уровнем практически отсутствуют какие-либо промежуточные институты. Вместе с тем, как утверждает Вагнер, подобная интерпретация модерности оказывается во многом неадекватной, о чем свидетельствуют экономические кризисы, экологические проблемы, конфликты по поводу исторической справедливости, обращение вспять процессов демократизации [Wagner 2015: 117].

Вагнер стремится противопоставить неолиберальному видению модерности альтернативные интерпретации, предполагающие активное политическое участие широких слоев населения и преодоление разного рода исторических несправедливостей. В данной связи он ссылается на процессы демократизации в ряде стран Латинской Америки и Южной Африке. Хотя он допускает, что интерпретации модерности могут направляться существующими элитами, стремящимися сохранить свою

власть [Wagner 2015: 127], основной акцент он делает на более «прогрессивных» примерах. По-видимому, Вагнер не осознает в полной мере возможных масштабов консервативной реакции, направленной на закрепление существующей интерпретации модерности и нередко сопровождающейся возрождением архаических идеологических конструкций. Но в любом случае сама идея столкновения интерпретаций модерности и общие принципы их анализа, предложенные Вагнером, заслуживают серьезного внимания. Можно говорить о различных интерпретациях модерности как в межгосударственных отношениях, так и в рамках современных идеологических течений в российском обществе.

Столкновение интерпретаций модерности очевидно присутствует в сегодняшних отношениях России со странами Запада. Так, Ричард Саква указывает, что в период с 1989 по 2014 г. эти отношения могут быть охарактеризованы как «холодный мир», когда сохранялись структуры и аттитюды холодной войны. С точки зрения Саквы, новая конфронтация между Россией и Западом, начавшаяся в 2014 г., представляет собой «постидеологическую холодную войну», поскольку речь идет о столкновении различных версий капиталистической модерности [Sakwa 2015: 566]. Однако необходимо уточнить, какого рода модерность сложилась в России в постсоветский период. Как отмечалось в данной связи, в российском обществе можно наблюдать черты «вестернизирующей модернизации, советской модернизации, некоторые антимодернистские и традиционалистские тенденции в форме панславизма и неоевразийства, а также новые варианты модернизации, представленные так называемой группой БРИКС» [Kivinen, Cox 2016: 4]. Подробный анализ особенностей постсоветской российской модерности выходит за рамки задач статьи.

В то же время понятие интерпретации модерности может быть востребовано для анализа различных версий консервативного дискурса российских элит. Если вновь обратиться к выделенным М. Ларюэль «идеологическим экосистемам», следует прежде всего указать на преемственность по отношению к советской версии модерности в рамках военно-промышленной экосистемы. Несмотря на внутренние противоречия и конфликты в данной среде, ее представители разделяют повестку сохранения определенной степени идеологического контроля над обществом. «Большинство из них верит в систему, вдохновляемую идеями советского типа, в условиях которой людей побуждают проявлять “здоровый патриотизм”, а молодежь воспитывается в военно-

патриотическом духе. Некоторые более радикальные группы, как Изборский клуб Александра Проханова и партия “Родина” Дмитрия Рогозина, выступают за возрождение “красной” идеологии, сочетающей ностальгию по советскому периоду со славянофильской и православной тематикой» [Laruelle 2017: 3].

В любом случае можно говорить лишь о частичной преемственности данной «экосистемы» по отношению к советскому прошлому. При этом предложенный Ларюэль анализ вполне соответствует современному пониманию роли исторического наследия коммунистического периода в сегодняшних обществах. В новейших исследованиях такое наследие не рассматривается как культурная программа, однозначно определяющая развитие посткоммунистических обществ в заданном направлении. Как подчеркивают С. Коткин и М. Бейсинджер, «не все глубоко укорененные формы исторического опыта влияют на последующее поведение; историческое наследие обычно взаимодействует с другими причинными механизмами и процессами; множественные формы наследия могут взаимно усиливаться или противоречить друг другу; большая часть повседневного поведения может быть связана скорее с контекстом, чем с историческим наследием» [Kotkin, Beissinger 2014: 8–9].

На первый взгляд, соотнесение сферы влияния РПЦ, в которой наиболее широко распространен цивилизационный дискурс, с интерпретациями модерности не столь очевидно. Ларюэль отмечает, что сфера влияния православия, как и военно-промышленная экосистема, уходит корнями в советское прошлое. По мнению исследовательницы, сегодняшняя православная сфера имеет истоки в деятельности так называемой «Русской партии» в некоторых советских структурах в 1960–1980-е годы. Однако представляется, что в данном случае необходим более широкий взгляд на взаимоотношение религиозной сферы и современных социальных процессов, который может опираться на понятия интерпретации модерности.

С точки зрения П. Бергера, характерное для православной религиозной традиции представление о гармоничном единстве между обществом, государством и церковью является «вызовом для принятия либеральной демократии, которая расценивается как лишь чуть более предпочтительная, чем анархия» [Berger 2005: 442]. Бергер признает, что сходные трудности испытывала католическая церковь до Второго Ватиканского собора (1962–1965). Но в дальнейшем принятая на этом соборе доктрина *aggiornamento* — обновления церковного учения

по проблемам свободы совести и прав человека — способствовала процессу демократизации. При этом, как указывает Х. Казанова, сакрализация церковью дискурса о правах человека стала важнейшим фактором демократизации в католических странах [Casanova 2011: 262]. Фактически «третья волна» демократизации в 1970–1980-е годы была главным образом католической. По мнению Казановы, понятие *aggiornamento* может послужить основой для модели адаптации религии к условиям современности, вполне применимой и к другим религиозным традициям.

Однако в России постсоветского периода РПЦ придерживалась политики, существенно отличавшейся от католической версии *aggiornamento*. Для описания доктрины РПЦ в отношении понятий демократии и прав человека скорее применимо определение «цивилизационного национализма» [Верховский, Паин 2010; Suslov 2014: 71–74]. Эта идеология связана с представлениями об «особом пути» России как хранительницы традиций православной цивилизации, которая противопоставит прежде всего секуляризованному, антитрадиционалистскому Западу, стремящемуся к универсализации собственного дискурса о правах человека. Таким образом, православная версия цивилизационного национализма также включает в себя специфическую интерпретацию современности.

Более широкая «идеологическая палитра», которую использует политическая элита, выстраивая консервативный дискурс, включает, согласно Ларюэль, три важнейших элемента: во-первых, ностальгию по советскому прошлому, прежде всего брежневского периода; во-вторых, государствоцентричное видение российской истории; в-третьих, образ глобализированной, но культурно разнообразной России, сочетающей статус великой державы с либеральными экономическими ценностями (при полном неприятии политического либерализма). Последний из указанных элементов содержит заимствования из разных областей, в том числе «американских политических кампаний и маркетинга, западного постмодернизма, американского неоконсерватизма, консюмеризма, нарративов глобализации и трансформаций в Китае» [Laruelle 2017: 4]. Иными словами, данная «идеологическая палитра» содержит элементы интерпретации как советской версии современности, так и современных глобальных процессов.

Как полагает Ларюэль, западные комментаторы, как правило, преувеличивают значение «доктринального контента режима», не учитывая более широкий социокультурный контекст «консервативного поворота».

«Значительно более важным, чем обсуждение истеблишментом статуса Александра Дугина или Ивана Ильина, является “отражательная” способность режима. Последний черпает вдохновение из многих популярных субкультур: криминальной и тюремной культуры, боевых искусств, традиции стёба (пародии) и карнавализации, неолиберальных потребительских практик и позднесоветской культуры. Режим использует их в своих целях, стараясь соответствовать запросам общества и продвигая широкую культурную гегемонию в свою пользу» [Laruelle 2017: 5]. Тем самым понятие интерпретации модерности также не может полностью охватить социальный контекст формирования консервативной идеологии. Но в любом случае оно включает более широкий круг элементов такого контекста, чем понятие цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представление о России как особой цивилизации выступает одним из аспектов более широкого консервативного идеологического поворота 2010-х годов. Следует отметить, что анализом особенностей данного поворота занимаются, как правило, политологи, исследователи международных отношений и в значительно меньшей степени социологи. Тем не менее можно выделить и социологические подходы в новейших исследованиях этого феномена. Представляют интерес работы зарубежных авторов, в которых рассматриваются идеологические и структурные предпосылки консервативного поворота, связанные с деятельностью разного рода «идеологических сообществ» в 1990–2000-е годы. Кроме того, как демонстрирует М. Ларюэль, можно выделить различные группы интересов, являющиеся носителями консервативной идеологии в сегодняшнем российском обществе. Деятельность представителей такого рода «идеологических экосистем» требует дальнейшего социологического изучения.

В то же время анализ цивилизационного дискурса российской элиты оказывается недостаточным для раскрытия специфики консервативного идеологического поворота. Однако собственно цивилизационная тематика, по-видимому, может быть соотнесена с теми или иными вариантами интерпретации модерности. В конечном итоге различные «идеологические экосистемы», продвигающие цивилизационный дискурс, предлагают и собственные интерпретации модерности. В случае военно-промышленного комплекса речь идет главным образом о реа-

нимации некоторых черт советской системы. РПЦ отличает установка на отказ от политики в духе *aggiornamento* и противопоставление ценностей православной цивилизации универсалистским устремлениям западной модерности. Политическая элита, с одной стороны, использует ностальгию широких слоев населения по советскому периоду, а с другой — по-своему интерпретирует глобальные процессы, связанные с распространением в современном мире различных версий капиталистической модерности.

Литература

Браславский Р.Г. Социологические модели современного российского общества: от глобальной модернизации к глобальной модерности // Петербургская социология сегодня. 2010. Т. 1. С. 7–29.

Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

Гудков Л.Д. Ресентиментный национализм // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4. С. 163–226.

Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44.

Подвойский Д.Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 3–13.

Прозорова Ю.А. Постсоветские трансформации в России: цивилизационно-аналитический подход // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6. С. 56–67.

Berger P. Orthodoxy and Global Pluralism // *Demokratizatsiya*. 2005. Vol. 13, № 3. P. 437–447.

Bernsand N., Törnquist-Plewa B. Introduction: Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia // *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia* / ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019. P. 1–10.

Casanova J. Cosmopolitanism, the Clash of Civilizations and Multiple Modernities // *Current Sociology*. 2011. Vol. 59, № 2. P. 252–267.

Chebankova E. Contemporary Russian Conservatism // *Post-Soviet Affairs*. 2016. Vol. 32, № 1. P. 28–54.

Hanson S. Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany and Post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Jonson L. Russia: Culture, Cultural Policy and the Swinging Pendulum of Politics // *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia* / ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019. P. 13–36.

Katzenstein P., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits its Foreign Policies // *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15, № 2. P. 428–442.

Kivinen M., Cox T. Russian Modernization: A New Paradigm // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68, № 1. P. 1–19.

Kotkin S., Beissinger M. The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda // *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe* / ed. by M. Beissinger, S. Kotkin. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1–27.

Laruelle M. Conservatism as the Kremlin's New Toolkit: An Ideology at the Lowest Cost // *Russian Analytical Digest*. 2013. No. 138. P. 2–4.

Laruelle M. Russian Nationalism and Ukraine // *Current History: A Journal of Contemporary World Affairs*. 2014. Vol. 113. P. 272–277.

Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilization // *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15* / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 275–297.

Laruelle M. The Kremlin's Ideological Ecosystems: Equilibrium and Competition // *PONARS Eurasia Policy Memo*. 2017. No. 493. P. 1–6. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peprm493_Laruelle_Memo_Nov2017_0.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

Laruelle M. Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines and Political Battlefields. London: Routledge, 2019.

Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // *Russian Review*. 2016. Vol. 75, № 4. P. 604–625.

Mjør K. A Morphology of Russia? The Russian Civilisational Turn and its Cyclical Idea of History // *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation* / ed. by K. Lehtisaari, A. Mustajoki. London: Routledge, 2017. P. 44–58.

Sakwa R. The Death of Europe? Continental Fates after Ukraine // *International Affairs*. 2015. Vol. 91, № 3. P. 553–579.

Sakwa R. Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of the World Order. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Scherrer J. The “Cultural/Civilizational Turn” in Post-Soviet Identity Building // *Power and Legitimacy: Challenges from Russia* / ed. by P.-A. Bodin, S. Hedlund, E. Namli. London: Routledge, 2013. P. 152–168.

Suslov M. “Holy Rus”: The Geopolitical Imagination in Contemporary Russian Orthodox Church // *Russian Politics and Law*. 2014. Vol. 52, № 3. P. 67–86.

Tsygankov A. The Irony of Western Ideas in a Multicultural World: Russians' Intellectual Engagement with the ‘End of History’ and ‘Clash of Civilizations’ // *International Studies Review*. 2003. Vol. 5, № 1. P. 53–67.

Tsygankov A. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Turn to Distinct Values // *Problems of Post-Communism*. 2016. Vol. 63, № 3. P. 146–158.

Wagner P. The Project of Emancipation and the Possibility of Politics or What's Wrong with Post-1968 Individualism // *Thesis Eleven*. 2002. Vol. 68, № 1. P. 31–45.

Wagner P. *Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity, 2008.

Wagner P. *Interpreting the Present: A Research Programme // Social Imaginaries*. 2015. Vol. 1, № 1. P. 105–129.

CIVILIZATIONAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN POLITICAL ELITE IN THE CONTEXT OF INTERPRETATIONS OF MODERNITY

M. Maslovskiy

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.2>

Abstract. *The article discusses the civilizational aspect of the conservative ideological turn in Russian society of the 2010s. It is argued that the idea of Russia's unique civilizational identity occupies one of the central places in the discourse of the political elite during that period. Different approaches to analysis of such discourse are singled out. Particular attention is devoted to those approaches that include elements of sociological analysis of the social groups acting as carriers of different versions of conservative ideology. At the same time it is emphasized in the article that studying the civilizational discourse of the Russian political elite proves to be insufficient for revealing the peculiarities of the conservative ideological turn. It is demonstrated that civilizational discourse can be related to specific interpretations of modernity. The article substantiates using the concept of interpretation of modernity for the study of ideological currents in contemporary Russian society.*

Keywords: *political elite, ideology, conservatism, civilization, modernity.*

References

Berger P. Orthodoxy and Global Pluralism. *Demokratizatsiya*, 2005, 13 (3), pp. 437–447.

Bernsand N., Törnquist-Plewa B. Introduction: Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia. In: *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*. Ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019, pp. 1–10.

Braslavskiy R. Sotsiologicheskie modeli sovremennogo rossiiskogo obshchestva: ot global'noi modernizatsii k global'noi modernosti [Sociological Models of Contemporary Russian Society: From Global Modernization towards Global Modernity]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St.-Petersburg Sociology Today], 2010, vol. 1, pp. 7–29. (In Russian)

Casanova J. Cosmopolitanism, the Clash of Civilizations and Multiple Modernities. *Current Sociology*, 2011, 59 (2), pp. 252–267.

Chebankova E. Contemporary Russian Conservatism. *Post-Soviet Affairs*, 2016, 32 (1), pp. 28–54.

David-Fox M. Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al'ternativnaya ili perepletennaya? [Modernity in Russia and the USSR: Absent, Common, Alternative or Entangled?] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2016, 4, pp. 19–44. (In Russian)

Gudkov L. Ressentimentnyi natsionalizm [Resentment Nationalism]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii* [Herald of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], 2014, 3–4, pp. 163–226. (In Russian)

Hanson S. *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany and Post-Soviet Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Jonson L. Russia: Culture, Cultural Policy and the Swinging Pendulum of Politics. In: *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*. Ed. by N. Bernsand, B. Törnquist-Plewa. Leiden: Brill, 2019, pp. 13–36.

Katzenstein P., Weygandt N. Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*, 2017, 15 (2), pp. 428–442.

Kivinen M., Cox T. Russian Modernization: A New Paradigm. *Europe-Asia Studies*, 2016, 68 (1), pp. 1–19.

Kotkin S., Beissinger M. The Historical Legacies of Communism: an Empirical Agenda. In: *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. Ed. by M. Beissinger, S. Kotkin. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 1–27.

Laruelle M. Conservatism as the Kremlin's New Toolkit: An Ideology at the Lowest Cost. *Russian Analytical Digest*, 2013, 138, pp. 2–4.

Laruelle M. Russian Nationalism and Ukraine. *Current History: A Journal of Contemporary World Affairs*, 2014, 113, pp. 272–277.

Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilization. In: *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15*. Ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016, pp. 275–297.

Laruelle M. The Kremlin's Ideological Ecosystems: Equilibrium and Competition. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2017, 493, pp. 1–6. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepm493_Laruelle_Memo_Nov2017_0.pdf (accessed: on 15.06.2019).

Laruelle M. *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines and Political Battlefields*. London: Routledge, 2019.

Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 2016, 75 (4), pp. 604–625.

Mjør K. A Morphology of Russia? The Russian Civilisational Turn and its Cyclical Idea of History. In: *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. Ed. by K. Lehtisaari, A. Mustajoki. London: Routledge, 2017, pp. 44–58.

Podvoisky D. Tropami moderna: sotsiologicheskie variatsii na temu [Paths of Modernity: Sociological Variations on a Theme]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], 2013, 10, pp. 3–13. (In Russian)

Prozorova Yu. Postsovetskie transformatsii v Rossii: tsivilizatsionno-analiticheski podkhod [Post-Soviet Transformations in Russia: Civilizational Analysis Perspective]. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* [Emergency Ration: Debates on Politics and Culture], 2014, 6, pp. 56–67. (In Russian)

Sakwa R. The Death of Europe? Continental Fates after Ukraine. *International Affairs*, 2015, 91 (3), pp. 553–579.

Sakwa R. *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of the World Order*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Suslov M. “Holy Rus”: The Geopolitical Imagination in Contemporary Russian Orthodox Church. *Russian Politics and Law*, 2014, 52 (3), pp. 67–86.

Scherrer J. The “Cultural/Civilizational Turn” in Post-Soviet Identity Building. In: *Power and Legitimacy: Challenges from Russia*. Ed. by P.-A. Bodin, S. Hedlund, E. Namli. London: Routledge, 2013, pp. 152–168.

Tsygankov A. The Irony of Western Ideas in a Multicultural World: Russians’ Intellectual Engagement with the ‘End of History’ and ‘Clash of Civilizations’. *International Studies Review*, 2003, 5 (1), pp. 53–67.

Tsygankov A. Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin’s Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*, 2016, 63 (3), pp. 146–158.

Verkhovskii A., Pain E. Tsivilizatsionnyi natsionalizm: rossiiskaya versiya “osobogo puti” [Civilizational nationalism: the Russian version of “special path”]. In: *Ideologiya osobogo puti v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya* [Ideology of the special path in Russia and Germany: sources, contents, consequences]. Ed. by E. Pain. Moscow: Tri kvadrata, 2010, pp. 171–210. (In Russian)

Wagner P. The Project of Emancipation and the Possibility of Politics or What’s Wrong with Post–1968 Individualism. *Thesis Eleven*, 2002, 68 (1), pp. 31–45.

Wagner P. *Modernity as Experience and Interpretation: A New Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity, 2008.

Wagner P. Interpreting the Present: A Research Programme. *Social Imaginaries*, 2015, 1 (1), pp. 105–129.

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ

ГРАЖДАНСКИЕ ЛИДЕРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (субъективные заметки)

А.И. Соловьев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.3>

***Аннотация.** Раскрывается авторское видение особенностей позиционирования новых гражданских лидеров демократической ориентации в политическом пространстве современного российского общества. Описываются условия и перспективы их дальнейшего роста в качестве профессиональных политиков. Констатируя ограничения, накладываемые правящим режимом на публичную сферу политики, автор отмечает, что в этих условиях от лидеров требуются ответы как на стратегические, так и на оперативные вызовы, зависящие при этом от понимания ими приоритетов конвенциональных или неконвенциональных методов политической деятельности. В этом контексте обосновывается, что от новых политических лидеров требуется должный уровень профессионализма, прежде всего предполагающий понимание ими соотношения между механизмами представительства гражданских интересов и ролью референтных группировок правящего класса, контролирующей значительный объем принимаемых в государстве решений и распределение основных общественных благ и ресурсов. В силу этого лидеры должны не только осуществлять нормативно обусловленные акции в публичном пространстве политики, но и стараться, используя противоречия в отечественном истеблишменте, налаживать конструктивные контакты с различными сетевыми ассоциациями правящей элиты, способными использовать протестные настроения для определенной трансформации правящего режима. В то же время автор приходит к выводу, что качественные изменения в политической системе и правящем режиме современного российского общества, несмотря на активность демократических лидеров и протестные выступления, могут состояться лишь на следующем этапе российской истории.*

Ключевые слова: политическое пространство, механизмы представительства гражданских интересов, принятие государственных решений, правящий режим, гражданские лидеры, референтные группировки правящего класса.

Современная стадия развития политического процесса дает все основания для того, чтобы глубже понять перспективы развития публичного пространства в российском обществе, возможности общественно-политической активности граждан. В этом смысле принципиальной проблемой становится вопрос позиционирования демократически ориентированных гражданских лидеров, их возможностей и способностей аккумулировать требования тех групп населения, которые хотели бы скорректировать социально-экономический курс правительства, добиться обновления институтов власти.

Как показывает опыт, сложившийся в настоящее время институциональный дизайн оказался явно недостаточным как для презентации, так и для удовлетворения интересов самых широких социальных групп. Социально-экономические последствия утвердившегося типа власти оказались удручающими с точки зрения как распространения бедности, так и закрепления катастрофических разрывов в уровне жизни различных слоев населения, распространения масштабной коррупции в аппарате управления, избирательного и политизированного применения законодательства и т.д. В последнее время общество стало все чаще сталкиваться с фактами открытого глумления над беднеющим населением чиновников, отказывающихся признавать в согражданах людей, обладающих равными с ними социально-политическими правами и возможностями.

Коротко говоря, новым гражданским лидерам приходится действовать в неблагоприятной институциональной и морально-политической среде, в решающей степени сформированной целенаправленной политико-организационной и информационно-символической деятельностью властей. После всплеска протестной активности в конце 2011 — начале 2012 г., заставшего власти врасплох¹, правящий режим предпринял ряд системных мер по сохранению политического порядка,

---

¹ Не случайно в то время устами пресс-секретаря Президента было даже объявлено, что В.В. Путин, бывший в то время лидером «Единой России», является независимым политиком, представляющим интересы не правящей партии, а всех россиян.

ужесточив условия проведения массовых мероприятий и крайне расплывчато обозначив границы дозволенной населению «политической» активности. Вкупе с традиционной политизированностью судебной системы и исключительной ролью силовых структур был создан весьма крепкий фундамент для самовоспроизводства правящего режима, экранящего любые попытки населения лишить его должной легитимации за счет легальных и конвенциональных действий. Опробованные в прошедшие годы методы устрашения и точечных репрессий против отдельных политических деятелей, агрессивная пропаганда и попытки дискредитировать саму идею несогласия с позициями властей сегодня активно дополняются новыми инструментами и технологиями противостояния с несистемной оппозицией. Ну а реакция властей на протестные акции летом 2019 г. в Москве не просто подтвердила непримиримость режима к несистемной оппозиции, но и показала его исключительную изобретательность относительно преследований протестующих, не останавливающихся даже перед ограничениями российской Конституции¹.

Именно в этой политической атмосфере новым гражданским лидерам и предстоит выстраивать свою политическую траекторию, искать социальную опору своим требованиям и призывам, в том числе обна-

---

¹ Как указывается в открытом письме российских юристов, написанном по итогам событий лета 2019 г. в Москве, ряд судов и органов исполнительной власти, оценивая эти протестные акции, принимали явно неправомерные решения. В этой связи подписанты ссылались на Конституционный суд, который в своих комментариях по аналогичного рода акциям специально указывал, «что исполнение властями правил, регулирующих порядок публичных собраний, не должно быть самоцелью и не должно создавать скрытые препятствия для реализации защищаемой [Европейской] Конвенцией свободы мирных собраний», что «для ограничения политических выступлений или выступлений по иным важным вопросам общественной жизни необходимы веские причины», что «в правовой системе России преступлению — в отличие от иных правонарушений — должна быть присуща криминальная общественная опасность», что «проведение демонстрации без предварительного согласования необязательно оправдывает карательные меры, применяемые властями за участие в публичном мероприятии». Кроме того, «публичные власти должны проявлять определенную толерантность по отношению к мирным собраниям даже тогда, когда они могут вызвать некоторое нарушение обыденной жизни, включая помехи уличному движению, поскольку иначе свобода собраний лишилась бы своего существа» [Российские юристы 2019].

руживая точки соприкосновения позиций стремительно уменьшающегося среднего класса (заинтересованного в существенных политических изменениях) с интересами экономически бедствующей части населения (мало политизированной и во многом сохраняющей стандарты патриархальной политической культуры). Стоит на повестке дня и поиск компромисса с парламентскими партиями и их лидерами (с учетом того, что эти политические силы и особенно их первые лица являются органической частью истеблишмента и не заинтересованы в увеличении рисков, ставящих под вопрос завоеванные ими позиции).

Учитывая (нелинейный) постсоветский опыт развития, сейчас трудно сказать, будут ли на политической арене закреплены уже относительно известные в обществе (и отдельных регионах) люди или же влияние на граждан обретут новые личности, которым суждено пройти классический путь от активиста к политику. Активисты (согласимся в данном случае с Джеймсом Розенау) — это те люди, «которые не просто мобилизуют других» (побудить других действовать во имя достижения поставленных целей стремятся и политики, а также «воспитатели» и «руководители организаций»), но делают это непрофессионально, на безвозмездной основе [Rosenau 2008: 63]. В то же время обрести статус и компетенции лидера, профессионально занимающегося продвижением и защитой гражданских интересов, таким активистам весьма и весьма непросто. Новейшая политическая история страны буквально пестрит фамилиями людей, сумевших лишь на короткий срок мелькнуть на политическом горизонте, а потом окончательно сгинуть в неизвестность.

Формирование лидерских биографий прежде всего, предполагает понимание этими людьми стратегической линии своего политического восхождения. Например, в московских событиях лета 2019 г. позиция властей (откровенное игнорирование документально подтвержденных подписей граждан, слаженная работа судов и силовых структур по преследованию фигурантов «массовых беспорядков», дискредитация провластными массмедиа несогласных и устрашение потенциальных участников протестов, избирательное правосудие и пр.), по сути, создала для будущих лидеров принципиальную развилку: пытаться переиграть власть в публичном пространстве, используя установленные ею правила, или же отдать предпочтение неконвенциональным методам протеста. Понимая при этом и то, что если на муниципальном уровне режим еще допускает оппозиционных деятелей (учитывая крайне огра-

нические полномочия этих структур), то на более высоком уровне (представительных органов крупных городов, Государственной Думы, позиций губернаторов) такие попытки становятся принципиально неприемлемыми.

Однако, какой бы путь ни был ими избран, представителям гражданских интересов (или тем, кто считает себя таковым) следует сосредоточиться на ряде других принципиальных и технологических задач, от решения которых и будут зависеть их лидерские перспективы.

Прежде всего, как ни странно это прозвучит, особенно для людей уже действующих в политическом пространстве, им следует хорошо осознать особенности политического пространства, в котором им предстоит действовать, а соответственно и свои возможности. Понятно, что единственным вектором их активности является продвижение по линии формирования представительных институтов. Однако в современных российских условиях их политическая роль весьма минимизирована и даже условна. Не только в силу ограничений, накладываемых президентской формой правления, но и в целом, в силу очевидных преимуществ органов исполнительной власти, обладающих решающей ролью в управлении государством.

Более того, сердцевиной системы применения власти и управления государством выступают механизмы принятия государственных решений, от которых зависят возможности сколько-нибудь существенных перемен и где даже органам исполнительной власти не всегда принадлежит решающая (а подчас даже заметная) роль, причем как в оперативном, так и в стратегическом измерениях управленческих действий. Ведь, как показывает опыт, публичная деятельность институтов, осуществляемая на основе норм и законов, чаще всего *сопровождает* решения, принимаемые в скрытой от общества форме референтными ассоциациями (сетевыми коалициями) правящего класса. В этом смысле результаты любых информационных, организационных и даже масштабных публичных акций неизбежно упираются в те неформальные структуры правящего класса (и их коммуникации), которые производят решающие указания и приводят в действие институты государства. Таким образом, пока не будет изменено положение «руководящих» сетевых коалиций (создающих собственные «узлы решений», вынесенные за рамки официальных структур), от которых зависит реальное распределение благ и ресурсов, можно утверждать, что ничего политически опасного для властей происходить не будет.

Другими словами, новым демократическим лидерам предстоит действовать в условиях колонизации власти и государственного управления сетевыми ассоциациями правящего класса, которые по-своему организуют политическое пространство, создавая защитные механизмы именно в сфере постановки реальных государственных целей, определяющих ход общественных событий. В силу этого сформировавшаяся система власти (отражающая доминирование определенных кланов, клиентел, парантел в российском истеблишменте) способна с легкостью переносить отставки отдельных, в том числе формально значимых, фигур и даже результаты различных выборов, которые не способны поколебать их властные позиции.

С учетом сказанного становится понятно, что любой непрофессионализм людей (не осознающих соотношения сетевых коммуникаций референтных группировок элиты со стандартными процедурами представительной демократии) при всем благородстве их помыслов не поможет им добиться результата (а при определенных обстоятельствах способен даже нанести ущерб интересам стоящих за ними людей).

Требования политического профессионализма позволяют выделить два основных варианта возможных действий гражданских лидеров: или им нужно включаться в действующие политические механизмы и пытаться установить деловые контакты с сетевыми коалициями и ресурсно обеспеченными группами правящей элиты (также заинтересованными в определенных изменениях), или же попытаться сделать действующие «узлы» принятия решений по возможности дисфункциональными (например, за счет информационного освещения активности «сетевых феодалов», создания новых медиаструктур, ужесточения гражданского контроля за публичными институтами и особенно судебными органами и т.д.).

При этом следует принимать во внимание и то, что формы противодействия несистемной оппозиции со стороны властей постоянно совершенствуются. К примеру, даже последние региональные выборы показали, что наряду с традиционными инструментами административного давления (отсечением кандидатов за счет различных уловок, инсценировок, провокаций и иных приемов, которые так или иначе создают для властей проблемы и провоцируют трения с обществом) правящий режим успешно провел апробацию электронных форм голосования (которые фактически проводят не избиркомы как коллективные органы, а Департамент информационных технологий, у которого суще-

ствуют свои возможности для влияния на ход и результаты выборов)¹. Нет сомнения, что такую систему, предварительно «доработав», впоследствии распространят на всю электоральную территорию страны.

Пытаясь наладить контакты с сетевыми структурами элиты, новоявленные лидеры должны искать практические выходы на эти структуры, находить союзников в истеблишменте, использовать в своих интересах внутренние трения между сегментами правящего класса. Учитывая амбициозность любых элитарных кругов, в их внутренних отношениях всегда можно найти «трещинки», свидетельствующие о внутренних разногласиях и недовольстве положением находящихся на политической периферии маргинальных элит. Одним словом, шансы такой стратегической линии состоят во взаимной заинтересованности сторон, т.е. обнаружении той низко позиционированной группировки элиты, которая сможет использовать протестную волну в целях повышения своего статуса и тем самым способствовать изменению конфигурации властных отношений. Правда, вопрос о том, какую роль в таком случае будут играть гражданские лидеры, остается открытым.

Однако в этом варианте есть ряд существенных препятствий. Прежде всего, маргинальные элитарные группировки подвержены страху, как из-за возможных потерь своего пусть и незавидного, но все-таки относительно влиятельного положения в верхах, а также из-за контроля спецслужб, действующих в интересах доминирующей группировки. Существенно и то, что гражданским лидерам сегодня практически невозможно добиться хоть какого-то существенного влияния в силовом секторе правящего режима. Ну и, наконец, надо иметь в виду, что препятствием для налаживания контактов с элитарными сетями могут служить идейные разногласия или непримиримость морально-этических установок оппозиционных сил, их политический альтруизм, неумение искать временные компромиссы. Одновременно следует отметить и то, что активизация внутри элитарных трений, попытки «рас-

---

¹ Узнать же, кто и как действительно проголосовал (что, впрочем, нарушает тайну электоральных предпочтений избирателя и создает предпосылку для административного давления на него), можно только по запросу суда, который, однако, может и не согласиться с требованиями проигравшей стороны открыть результаты голосования. В любом случае надо иметь в виду, что сегодня универсальной и пользующейся доверием населения распределительной системы, где избиратель может узнать, учтен ли его голос, пока не существует.

шевелить» правящие круги могут обернуться ростом активности вполне реакционных сил, которые обладают не меньшим стремлением к усилению своего влияния на рычаги власти и управления (и которые, возможно, находятся на более короткой дистанции по отношению к центрам принятия решений).

В то же время стратегия продвижения гражданских лидеров, связанная с попытками адаптации, поиска компромисса с действующими властями, постепенное включение в нижние этажи управления, как показывает практика, не приводит к влиянию на центры принятия решений (которые подчас закрыты даже от нижестоящих сегментов правящего класса) и изменению перераспределительной политики государства. Более того, пока нет закона об оппозиции, правящий режим будет и дальше использовать все правовые инструменты для вытеснения ее несистемных сегментов на обочину политической жизни. Существенным фактором, ограничивающим возможности несистемной оппозиции, является и отсутствие ситуации, которая, хотя и свидетельствует о наличии протестных настроений в различных регионах, все же не способна в настоящее время спровоцировать массовые протесты. Так что, хотя «верхи уже не могут» осуществлять эффективное управление, массы все еще «не хотят» ввязываться в открытое соревнование с властью. И даже международное общественное мнение (реагирующее на жесткость действий по отношению к несистемной оппозиции) не сможет стать ограничителем действий властей.

Помимо определения стратегических векторов своего политического продвижения, демократическим лидерам предстоит ответить и на, условно говоря, *технологический* вызов. Прежде всего, способны ли новые гражданские лидеры сформулировать подлинно политическую программу действий, не сводимую к борьбе с коррупцией, недовольству отдельными решениями властей (например, пенсионной реформой), кадровым назначениям и аллергическим реакциям на отдельных лиц в действующем правительстве и т.д.? И будет ли разработка программы связана с созданием новых организационных структур, направленных на встраивание в существующий институциональный дизайн? Или расчет делается на пусть и систематическое использование отдельных политических скандалов или кризисных событий в качестве основного триггера изменений?

По сути, это вопросы, оттеняющие долгосрочные претензии гражданских лидеров, аффилированных с различными формами демокра-

тических протестов, которым надо выстраивать не только отношения с властью, но и с системной оппозицией, а также с гражданскими защитниками правящего режима, которые стремятся придать протестным настроениям иную политическую направленность. Причем понимание характера решения этих задач осложняется и тем фактом, что демократически настроенные лидеры нередко используют политическую площадку для саморекламы или же разогрева своего политического нарциссизма. Опыт постсоветского развития демонстрирует немало фактов, когда под давлением власти немало перспективных лидеров частично или полностью меняли политическую окраску. В любом случае демократическим гражданским лидерам еще предстоит побороться даже не за усиление своего влияния на население, а за их понятную людям политическую идентификацию. Причем с учетом того, что это борьба будет проходить и с более организованными (системной оппозицией), и с заранее более сильными в информационно-символическом пространстве и технологически оснащенными соперниками.

Существенен и вопрос о том, смогут ли различные, но в равной степени амбициозные гражданские лидеры (хотя и подпитываемые общедемократическими убеждениями о ценности идейного разнообразия в политической жизни общества) достичь того уровня консолидации, который позволил бы им играть на общегосударственной арене политически заметную роль? В 1990-е годы этого не получилось. Да и акции за допуск к выборам независимых кандидатов в августе 2019 г. в Москве показали, что на пике этих волнений не оказалось никого, кто бы мог олицетворять собой гражданский протест не то что в федеральном масштабе, но даже в столичном городе. Так что и сегодня остается вопрос о завоевании конкретными людьми позиций региональных или федеральных лидеров на основе консолидации совместных действий с другими гражданскими силами.

Третий, не менее важный аспект «технологического» вызова предполагает ответ на вопрос о том, какие политические роли могут исполнять претендующие на известность и руководство различными политическими потоками гражданские лидеры? Кто из них будет претендовать на роль «теоретиков», «организаторов» или «администраторов» протеста (Г. Лассуэлл)? Ведь практика показывает, что пересечение границы между спорадической активностью и профессиональной деятельностью скрывает множество противоречий как в процессе формирования «команды лидера» и ее связей со специалистами, так и в налаживании деловых

коммуникаций с другими фигурами, претендующими на те же позиции. Как показывает тот же опыт 1990-х, такая ситуация может вызывать серьезные конфликты внутри демократических сил. Особенно если учесть, что в этих отношениях свою роль играет и глубинная природная каузальность, способная спровоцировать эгоцентричную гражданственность, спроецированную на собственный успех, а не на принципы демократической гражданственности, предполагающей умение конкурировать и искать основания для компромиссов, а не для уничтожения союзников [Баталов 2018: 160–161]. А ведь, как известно, разобщенность «демократических» сил — наиболее показательная форма внутривнутриполитических коммуникаций протестующих. И это на фоне того, что федеральными и региональными властями ведется постоянная «персональная» работа с наиболее перспективными фигурами в Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Екатеринбурге и других городах, устранившая или ограничивающая их политические перспективы.

Коротко говоря, от суммарного решения стратегических и технологических задач зависят траектории поведения новых гражданских лидеров. Однако надо признать, что в целом их политические возможности (а вместе с ними и интересы несогласных и недовольных действующей властью людей) существенно ограничены. Несмотря на многочисленные презумпции качественного переустройства и даже революционных трансформаций в современной России, представляется, что они аттестуют весьма завышенные прогнозы, основанные скорее на политическом идеализме, а не на анализе имеющихся фактов. Ведь какие бы варианты современной версии отечественного революционаризма сегодня ни просчитывались, они не в состоянии конкурировать с пассивностью основной массы населения, эгоизмом правящего класса, силовыми ресурсами власти, сервизмом отечественных интеллектуалов, вовлеченных в мощный поток официальной пропаганды.

Одним словом, трезво оценивая ситуацию, можно предположить, что сегодня в стране возможны *две основные* тенденции в развитии политического процесса, каждая из которых создает для новых гражданских лидеров свои границы и возможности.

Первая тенденция предполагает продолжение и даже постепенное ужесточение ныне проводимой властями политики (особенно в кризисных для режима точках, в частности во время ключевых региональных и федеральных выборов). Правящий режим и дальше будет стремиться интегрировать интересы власти и общества на основе при-

нудительного регулирования их коммуникаций и сокращения поля публичной политики. Рассматривая государство и правящий режим как тождественные структуры, власти и дальше будут противоборствовать оппозиционным фигурам и настроениям под флагом угрозы «государственному строю» и «национальной безопасности». Такой формат политического курса сохранит разрыв между системной (находящейся под контролем властей и не желающей менять свои позиции в действующем режиме) и несистемной оппозицией. Это будет создавать постоянные трудности для консолидации последней.

Более того, как считает ряд аналитиков, власти будут и дальше поддерживать тот уровень бедности в стране, который заставит значительную часть населения бороться за непосредственные жизненные ресурсы, а не ставить перед собой политические задачи [Медведев 2019]. На этом фоне новым лидерам не следует рассчитывать на то, что правящий режим откажется от использования административного давления, судебных преследований и применения силовых ресурсов. Более того, сохранение нынешних политических тенденций способно привести к капсулированию правящего режима, его самозакукливанию, качественному усилению закрытости властей от внешнего мира¹. В этом случае гражданским лидерам «светит» лишь продолжение их скромного позиционирования на периферии публичной политики, олицетворяющего в глазах международного общественного мнения наличие «несистемной оппозиции», но которая на деле (под угрозами административного и уголовного преследования) не способна оказывать на власть существенного влияния.

Вторая тенденция эволюции политического процесса более «перспективна» для гражданских лидеров. Речь идет о стремлении неудовлетворенных своим положением сегментов (коалиций) правящего класса изменить расклад сил и конфигурацию распределения ресурсов

---

¹ Так, по мнению Е. Гонтмахера, сложившаяся «система, к сожалению, очень устойчива. Тут не надо строить иллюзий. Да, есть какие-то люди, которые протестуют, но там ведь все большая часть их уходит вниз, как было после 2011–2012 годов: либо в деградацию, либо уезжают, либо мирятся с этой ситуацией. “Буйных” остается все меньше и меньше. <...> Мы идем к закупорке... ситуации в России. Россия в таком виде может просуществовать очень долго. Другое дело, что она отъезжает не на 5, а на 125 место среди стран по качеству жизни, по качеству экономики, по всему: это просто глубокая периферия» [Медведев 2019].

в интересах доминирующих кланов. В этом случае низкостатусные коалиции способны при соответствующем развитии событий в той или иной степени опереться на недовольство населения, используя при этом репутационный капитал новых демократических лидеров в региональном или общегосударственном масштабе. В этом случае для таких политических фигур появляется шанс выйти в широкое публичное политическое пространство. Однако риск такого выхода состоит в том, что им не дадут добраться до рычагов принятия решений, сохраняя их на удаленных позициях от рычагов распределения общественных ресурсов. Другими словами, этих лидеров используют для прикрытия подлинной трансформации правящего режима, при котором ключевые места займут новые группировки правящего класса. Впоследствии же, скорее всего, найдут способ вообще удалить из политического пространства таких демократических выдвиженцев.

В любом случае можно констатировать, что конфигурация российского политического пространства демонстрирует свою хоть и относительную, но пока еще вполне надежную устойчивость. Так что новым демократическим лидерам вряд ли удастся изменить систему представительства социальных интересов или добиться существенного обновления политического режима. Тем более что у них пока отсутствуют и надлежащий опыт и соответствующие информационные и организационные ресурсы для организации масштабной политической активности населения в условиях авторитарного давления. Используемые ими интернет-коммуникации и новые социальные медиа также оказываются весьма ограниченными и не способны конкурировать с национальными телемедиа. Особенно в свете линии властей на защиту «отечественного интернета», а равно и применения технологий замалчивания, дезинформации и дискредитации новых лидеров. «Влезть в ящик» у несистемной оппозиции тоже не получается. Так что о широкой пропагандистской кампании, способной сыграть мобилизующую для населения роль, можно забыть. Тем более что партии «системной оппозиции» весьма недружелюбно настроены по отношению к профессиональным оппозиционерам. Ну а разнородность социальной базы тем более не внушает оптимизма с точки зрения консолидации разных потоков протестных движений¹.

---

¹ Конечно, в конфликтологии известно, что в критические периоды общественного развития численность населения, способного инициировать суще-

Одним словом, с имеющимися сегодня ресурсами и компетенциями гражданским лидерам на фоне вялотекущей напряженности будет невозможно достаточно долго поддерживать протестный потенциал населения (который даже в столичных регионах подвержен неизбежным спадам и переменам политического вектора). При этом узкая политическая повестка и недостаточность программной платформы, ориентированной на местные проблемы, все еще не являются источником мобилизации населения в других регионах. Да и межтерриториальные связи новых лидеров обладают крайне низким уровнем координации. Поскольку у них нет организации, соответствующей масштабу желательных действий (а минимальные по численности штабы и волонтеры не способны компенсировать этот организационный дефицит), то и результаты их деятельности остаются весьма незначительными.

В то же время, учитывая желание лидеров «оседлать» волну недовольства, скорее всего, в ближайшем будущем речь пойдет о поиске новых технологий противоборства (таких как «умное голосование»). Однако для аккумуляции протестных настроений в течение относительно длительного времени наличие таких приемов будет явно недостаточно. По крайней мере систематические разоблачения чиновников со стороны ФБК не влекут особо тревожных для властей последствий, которые попросту не замечают этой компрометирующей информации. Да и по более серьезным поводам власть демонстрирует полное отсутствие политической воли, способной запустить механизмы парламентских расследований, прокурорских проверок и пр.

Конечно, надо понимать, что интенсивность и содержательное разнообразие тактик как со стороны несистемной оппозиции, так и властей будут различаться в зависимости от территориальных особенностей и временного контекста. Однако в целом предлагаемая властями политическая повестка, скорее всего, сохранит идеологию противостояния «пятой колонне» и, как следствие, поддержание атмосферы недоброжелательства и напряженности в стране. Правящие круги уже показали многие технологии астротурфинга: возникновение парал-

---

ственные перемены, снижается с традиционных пяти-семи до 1,5 %. Думается, однако, что для российских условий эти «закономерности» не работают. В этой связи уместно вспомнить, что все качественные перемены в общественной и политической жизни страны, за исключением начала XX в, были инициированы исключительно внутриэлитарными конфликтами.

лельных партийных структур (как уже было с «Единой Россией») и «ангажированных... созданных... государством фиктивных ассоциаций и организаций гражданского сектора» [Зайцев 2014: 11], поощрение провластных «комиссаров» и использование так называемых «татушек» (не имеющих статуса активистов, но добросовестно выполняющих задачи власти), активное использование сервильных интеллектуалов и селебрити, поддерживающих любые акции властей, организующих нужный набор «патриотических» подписантов (которые, впрочем, подчас превращаются в рассадников мракобесия). Да и в целом политическая риторика российской власти отличается «пропагандистскими оттенками времен холодной войны, поиска “врагов народа”, охоты на “ведьм”, борьбы с диссидентством и инакомыслием, разоблачения “агентов” и пособников Запада» [Зайцев 2014: 10].

Такая линия в целом сохранит действующий формат выборов (как переназначения проправительственных фигур), продолжит дальнейшую дискредитацию многих государственных институтов и в конечном счете углубит гражданский раскол в обществе. Однако позволит сохранить действующий режим и его основные направления деятельности на достаточно продолжительное время.

Коротко говоря, с какими бы надеждами определенная (пусть и политически продвинутая) часть гражданского населения ни относилась бы к новой генерации лидеров, сегодня они фактически не опасны для действующей власти, которая точечными методами постепенно вытесняет их наиболее опасных представителей на политическую периферию. Не забывая при этом как о поощрении проправительственных гражданских структур (которые также стремятся использовать в своих интересах протестные настроения), так и о построении доверительных отношений с общественностью (например, за счет смены непопулярных фигур).

В целом представляется, что на фоне вялотекущего политического процесса, хотя и отмечаемого взрывными эффектами недовольства в столицах и некоторых регионах, сегодня все же доминирует логика рутинизации протестов. Таким образом, в среднесрочной перспективе, видимо, можно будет наблюдать, с одной стороны, постепенную консолидацию и попытки организационного оформления протестов, интенсификацию сопутствующего информационного давления на власти, выдвижение авторитетных лиц для руководства процессом. С другой стороны, мы увидим стремление властей деконсолидировать несистемную оппозицию,

политически устранить лидеров протестов и пропагандистски дискредитировать саму идею несогласия с политической линией верхов. В этом смысле наиболее вероятной стратегией новых демократических лидеров станет корректное оппонирование системе в публичной сфере, не нарушающее главных политических запретов и табуированных сюжетов, в то время как наиболее острая критика властей переместится в пространство неформальных гражданских коммуникаций.

Конечно, это не будет касаться всех лидеров, некоторые из которых наверняка будут пытаться «расширить» свое присутствие в публичном пространстве. Но вряд ли это подвигнет режим на необходимые изменения. В целом же представляется, что ни нынешняя протестная волна, ни новые гражданские лидеры не будут в состоянии даже в среднесрочной перспективе изменить авторитарный вектор развития страны. Так что задача его трансформации будет перенесена на следующий этап российской истории.

В этом смысле задача новых гражданских лидеров состоит в подготовке социально-политической почвы для демократического переустройства политико-правовой системы, в конечном счете способной ограничить сетевые формы давления на центры принятия решений и усилить роль публичных институтов государственного управления. Но кому из них удастся настроиться на длительную политико-просветительскую работу, сохранив при этом необходимые морально-этические нормы демократических лидеров, не поддавшись на давление властей и искушение коррупционеров?

Литература

Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М.: Аспект пресс, 2018.

Зайцев А.В. Институализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014.

Rosenau J. People Count! Networked Individuals in Global Politics. Boulder: Paradigm Publishers, 2008.

Источники

Медведев С. Властям РФ не нужна и не выгодна борьба с бедностью, им нужны люди «на макаронках» // NEWSru.com. 13.09.2019. URL: blog.newsru.com/article/13sep2019/makaroshki (дата обращения: 13.09.2019).

Российские юристы обратились к главе КС РФ Валерию Зорькину в связи с делом Константина Котова // NEWSru.com. 17.09.2019. URL: <https://www.newsru.com/russia/17sep2019/kotovzorkin.html> (дата обращения: 18.09.2019).

CIVIC LEADERS IN THE POLITICAL SPACE OF MODERN RUSSIA. SUBJECTIVE NOTES

A. Solovyev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.3>

Abstract. *The article reveals the author's vision of the positioning of new civic leaders of democratic orientation in the political space of modern Russian society. Conditions and prospects of their further growth as professional politicians are described. Stating the restrictions imposed by the ruling regime on the public sphere of politics, the author notes that in these conditions, the leaders are required to respond to both strategic and operational challenges, depending on their understanding of the priorities of conventional or unconventional methods of political activity. In this context, it is argued that the new political leaders need a proper level of professionalism, first of all, assuming an understanding of the relationship between the mechanisms of representation of civil interests and the role of reference groups of the ruling class, controlling a significant amount of decisions taken in the state and the distribution of basic public goods and resources. Because of this, leaders should not so much carry out normative actions in the public space of politics as try, using the contradictions in the domestic establishment, to establish constructive contacts with various network associations of the ruling elite, able to use the protest moods for a certain transformation of the ruling regime. At the same time, the author comes to the conclusion that qualitative changes in the political system and the ruling regime of modern Russian society, despite the activity of democratic leaders and protests, can take place only at the next historical stage of Russian history.*

Keywords: *political space, mechanisms of representation of civil interests, state decision-making, ruling regime, civil leaders, reference groups of the ruling class.*

References

Batalov E.Ya. *Antropologiya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Anthropology of International Relations]. Moscow. : Aspekt Press, 2018. (In Russian)

Rosenau J. *People Count! Networked Individuals in Global Politics*. Boulder: Paradigm Publishers, 2008.

Zaytsev A.V. *Instituzializatsiya dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: komparativnyy analiz* [Institutionalization of dialogue between the state and civil society: comparative analysis]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2014. (In Russian)

«КОНТРЭЛИТА»: МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ В СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ¹

Ю.А. Пустовойт

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.4>

Аннотация. Рассматривается взаимодействие властных групп и оппозиции в рамках концепции городских режимов. Опираясь на положения К. Стоуна, даны основные характеристики сложившейся в мегаполисе коалиции власти. Протестная активность анализируется на основе идей Дж. Голдстоуна: оцениваются эффективность правления, мера недовольства элит и степень идентичности протестующих. На основе результатов выборов 2019 г., наблюдений и интервью рассмотрены две группы оппозиции действующей в городе модели власти: системной, представленной политическими акторами, которые ориентированы на заданные федеральным центром правила политической активности, и несистемными игроками, утверждающими альтернативные ценностные приоритеты и цели. В настоящий момент ни одна из выделенных категорий не обладает признаками контрэлиты и институциональными организационными и ресурсными возможностями для смены повестки дня.

Ключевые слова: городской режим, оппозиция, политическая элита, контрэлита, город, протест, протестное сообщество, Сибирь.

«Танцы на минном поле», — образ, который складывается при погружении в материал, связанный с политическими процессами в городах Сибири. Метафора танца подчеркивает неявность и неочевидность целей акторов, а минное поле напоминает об отставках, потерях репутации, административных и уголовных делах как для носителей власти, так и для их оппонентов, все чаще и чаще проводящих публичные протестные мероприятия различного масштаба и по различным поводам.

В научном дискурсе рост и специфика уличной активности начали обсуждаться примерно с середины 2000-х, когда поводом послужила монетизация льгот, и затем ряд исследований был сделан после извест-

---

¹ Исследование проводится в рамках поддержанного РФФИ проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18-011-0866.

ных событий 2011 и 2017 гг. Анализ публикаций, связанных с этой областью проблем, проведен А.А. Желниной и Е.В. Тыкановой. На основе разбора академической дискуссии, ведущейся вокруг локального низового активизма, и через введение понятия «гражданская инфраструктура» (совокупность формальных технологий и неформальных практик) они делают вывод о наличии определенного перекоса в городских исследованиях. В фокусе внимания чаще оказываются большие формальные гражданские инфраструктуры или активистские группы, реже — взаимодействие акторов на различных политических аренах [Желнина, Тыканова 2019: 178]. Именно проблемы отношений между сложившимися «на местах» властными коалициями и различными протестными объединениями предлагается рассмотреть в этом материале. Его эмпирической базой послужили экспертные интервью, наблюдения, анализ итогов голосования и публикаций, отражающие формирование и развитие властных коалиций в сибирских городах (сопоставлялись контрастные случаи Новокузнецка и Новосибирска), дополненные с 2018 г. беседами с лидерами и участниками протестных объединений. Обычно интервью состояло из пяти ключевых блоков (биографии, проблемы города, оценка организации протеста, мотивация участников, перспективы на будущее), аудиозапись прослушивалась каждым из участников исследовательской группы, полученные сведения обсуждались и верифицировались. Всего за 2018 г. собрано 46 интервью в Новосибирске, Томске, Барнауле, Кемерово, Новокузнецке и Абакане. Получен опыт наблюдения девяти митингов, восьми фокус-групп. В 2019 г. схема интервью была переработана, дополнена «картой протеста», и исследование проводилось только в Новосибирске.

Первоначальные версии вопросов «Кто хозяин?» и «Как создается протест?» были сформированы на начальных этапах исследовательской работы. По мере погружения в теоретический материал и в ходе сбора данных по сибирским городам и весям они приобретали самые разные очертания и трансформировались во множественные «Почему?», «Зачем?», «Кто виноват?», «Что делать?» и прочие иногда наукообразные, иногда публицистические высказывания. Активная кадровая работа центральных органов власти по назначениям, смене и последующей легитимации через выборы своих кандидатур в местные органы власти, изменение пенсионного возраста и прочие социально и политически малоодобряемые широкими слоями населения мероприятия серьезно увеличили число и разнообразили социальный состав протестующих.

Это одновременно и радовало, и огорчало членов исследовательской группы (и как ученых, и как граждан), так как рост эмпирических данных (числа акций, объединений, повесток...) отнюдь не означал их творческого осмысления и перевода в формат более или менее состоятельной теории. Здесь, опираясь на рамочные теоретические положения современной макроистории и концепцию городских режимов, мы рассмотрим процесс формирования «контрэлиты» в Новосибирске, ее ключевые компоненты, идеологические приоритеты и возможные сценарии. Предлагаем следующий порядок исследовательских вопросов. Можно ли считать оппозицию действующей власти «контрэлитой»? Есть ли у этих групп шанс на занятие ключевых позиций в сложившейся системе управления? Означает ли эта победа смену действующей «повестки дня»?

Для нас феномен элиты и ее структурные, институциональные и культурные основания совпадают с предложенными А.В. Дукой и А.И. Соловьевым концептами, в которых элиты возникают как ответ на потребность сложного общества в иерархизации управления с последующим институциональным закреплением привилегированных позиций через асимметрию норм и легитимацию статуса путем предопределения публичных символов в общественном дискурсе, обеспечивающих собственное доминирование и политическое господство [Дука 2015: 14–73; Соловьев 2015: 152–171]. В макроисторическом подходе удачное и непротиворечивое сочетание подходов П. Бурдьё, И. Валерстайна и М. Манна дано Г. Дерлугяном, который рассматривает элиту как группу, обладающую капиталом высокой концентрации, а капитал как «способ накопления и сохранения успеха, достигнутого вчера, в предшествующих раундах социальной игры с тем, чтобы воспользоваться преимуществом в будущем раунде». Элитный статус ситуативен и может быть утрачен, вследствие чего его владельцы всячески стремятся его диверсифицировать, закрепить в виде престижной репутации (символический капитал), связях (социальный), деньгах и собственности (экономический), признанных культурных компетенциях (дипломы, звания, книги). Формы капитала соответствуют источникам социальной власти, выделенных М. Манном: военной, экономической, культурно-идеологической и политико-административной [Дерлугян 2013: 213–217].

Еще одними важными теоретическими рамками для нас выступает концепция городских режимов Кларенса Стоуна, где режим определя-

ется как «совокупность договоренностей или отношений (формальных и неформальных), с помощью которых осуществляется управление общностью». Они и реализуются в действиях акторов, образующих правящую коалицию — «неформальную, но относительно стабильную группу, имеющую доступ к институциональным ресурсам, обеспечивающим им устойчивую роль в принятии решений» [Ледяев 2012: 74]. Режим не имеет очевидной субординации, построен на неформальных отношениях, стабилен, имеет кросс-секторальный характер и определяется своей повесткой дня (agenda) — набором целей и программ, отражающих коалиционный характер власти и ресурсы ее субъектов. «Режим представляет собой кросс-секторальную коалицию, т.е. коалицию между акторами, представляющими публичные структуры власти (представители администрации, депутаты, чиновники), и акторами так называемого частного сектора (бизнес, НКО, гражданские организации)». «Среди этих параметров наиболее важными являются: (1) роль коалиции и ее участников в принятии и непринятии важнейших для локального сообщества решений, (2) характер взаимоотношений внутри коалиции, (3) повестка и (4) стабильность коалиции (режима)» [Чирикова, Ледяев 2017: 126].

Соответственно та группа, которая претендует на власть — контрэлита, должна сформировать альтернативную повестку и иметь в своем распоряжении как определенные формы капитала, так и его объемы в том количестве, которое позволяет оспаривать доминирующие позиции. Понятие повестки как договоренностей по поводу фундаментальных ценностей, целей и программ здесь выступает в качестве главного признака, так как позволяет отличать контрэлиту от более широкого феномена — оппозиции, включающей в себя весь спектр оспаривающих конкретные властные решения активных субъектов и претендующей на занятие каких-либо конкретных должностей в рамках действующей коалиции или перераспределения ресурсов в пользу тех или иных бизнес-структур.

На федеральном уровне провозглашение альтернативной повестки в своем предельном измерении означает революцию как преобразование политических институтов и новое обоснование политической власти через мобилизацию масс и неинституционализованные действия. При описании динамики политической борьбы в качестве главного источника вдохновения мы опирались на теоретические положения Дж. Голдстоуна, его работу о революциях четвертого поколения.

На основе синтеза основных направлений анализа революций, социальных движений и протестов делается вывод о том, что в современном мире стабильность режима следует считать неочевидным состоянием, революционные процессы здесь рассматриваются как итог взаимодействия многочисленных сил, в котором важное место занимают проблемы идентичности, идеологии и лидерства. Прогноз экстраординарных событий различных масштабов от государственно-национальных до организационных (тюремный бунт) может объясняться одной моделью, в основе которой эффективность правления (способность государства воспроизводить социальные институты и соответствовать культурным ожиданиям), мера недовольства и степень конкуренции элит, представления протестующих о режиме, включающих степень идентичности и наличие альтернативной идеологии [Голдстоун 2006: 101–103].

Проблема нахождения адекватных количественных показателей выходит за рамки нашего текста, и здесь мы ограничимся лишь некоторыми критериями, позволяющими нам оценивать предложенные американским исследователем Дж. Голдстоуном факторы по трехбалльной шкале: степень благополучия, эффективность правления (оценка «1» — максимальная, «2» — средняя, «3» — минимальная), мера недовольства элит («1» — минимальная, «2» — средняя, «3» — высокая), степень идентичности протестующих («1» — минимальная, «2» — средняя, «3» — высокая). Таким образом, чем больше оценка, тем выше нестабильность, в городах получивших оценку «9», оппозиция действующей власти имеет серьезные шансы на победу в ходе либо честной и справедливой электоральной кампании, либо массовых протестов.

Рассмотрим последний показатель (степень идентичности) подробнее. Американский исследователь обращает внимание на то, что традиционное наличие формальных организаций (партий и объединений) не является ни необходимым, ни достаточным условием для появления чувства преданности и энергии, требуемой для рискованных коллективных усилий. «По-видимому, протестная идентичность — чувство привязанности и преданности к протестной группе имеет в своей основе три источника. Во-первых, принадлежность к группе в значительной степени оправдывает и легитимизирует недовольство и гнев отдельных лиц, вызванные существующим порядком. Во-вторых, группа, если она обеспечивает конкретные выгоды, либо предпринимает результативные действия, защищая своих членов и добываясь перемен,

наполняет своих участников чувством силы, независимости и эффективности, тем самым завоевывая их коллективную приверженность (Knoke, Lawler). В-третьих, само государство может создать или укрепить чувство оппозиционной идентичности, назвав какую-либо группу своим врагом либо предприняв действия против этой группы, тем самым продемонстрировав, что та не может рассчитывать на защиту и справедливость государства. В результате она остается в глазах своих членов единственным источником справедливости и защиты. Иными словами, протестная группа вербует сторонников, провозглашая себя носителем тех качеств, которые ожидаются от государства, а именно справедливости и эффективности» [Голдстоун 2006: 76]. Принесем извинения за длинную цитату, необходимость которой связана с тем, что в ней приводятся критерии, служащие вполне операционными маркерами формирования протестной идентичности: эмоциональная выразительность, рациональный интерес (возможность увеличения капиталов) и «образ врага». Будем считать, что максимальная оценка «3» означает, что политические соперники рассматриваются как «враги» в том значении, которое придавал этому понятию К. Шмитт [Шмитт 1992: 37–92], что протестные действия, выражаемые в крайней экспрессивной форме (гнев), увеличат объем капиталов у протестующих и, по их мнению, повысят их положение в социальной иерархии.

К сказанному добавим, что, по мнению Голдстоуна, создание и сохранение протестной идентичности должно опираться на культурные рамки, идеологию и лидерство. Первые должны содержать фоновые традиционные ценности, мифы и сюжеты, вторые — переформулировать их так, чтобы они звучали в унисон с актуальными проблемами, вдохновлять широкие круги сторонников, постулировать неизбежность успеха и убеждать людей в слабости и неэффективности власти, третьи — сочетать достоинства народно (пророки) и прагматично (полководцы) ориентированных вождей, обладающих качествами справедливости и эффективности. Правильный баланс и наличие лидеров «посреднического» типа, сочетающих в себе и организацию, и идеологию на низовом уровне, где в качестве организаторов чаще всего выступают женщины, позволяет приводить мечты и планы в реальность. Соглашаясь со сказанным, отметим, что эти показатели (культурные рамки, идеология, лидерство) играют важную для итога, но второстепенную на начальном этапе роль, так как влияют на происходящее уже в ходе конфликта. Они зависят от конкретных решений ключевых

актеров, выбранных ими стратегий и способности к мобилизации, концентрации ресурсов, организационных качеств и доступности каналов коммуникации.

НОВОСИБИРСК: СТАБИЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ

Новосибирск — третий по численности город России (1 618 039 чел.), самое населенное муниципальное образование. Это один из наиболее благополучных сибирских городов и один из самых неустроенных. По данным исследований Института STRELKA, здесь есть достаточный объем средств, позволяющий решать любые кризисные ситуации, и достаточная доля безвозмездных поступлений [Богатство и самостоятельность 2017]. Для сравнения, те же показатели набирают Томск, Красноярск, Иркутск. Индекс качества городской среды определяет ее как плохую (141 балл), правда, в других крупнейших городах Сибири — Красноярске (131 балл) и Омске (118 баллов) — ситуация с комфортом еще хуже. В крупных лучше: в Иркутске (171 балл), Томске (155 балл), Кемерово (154 балла) [Индекс качества 2019].

Сухая статистика (2017 г.) говорит о среднемесячной зарплате в 41 884 руб., средней пенсии в 13 541,53 руб., 72,2 врача на 10 000 населения, 26 950 преступлений (8070 раскрыто), инвестиции в основной капитал (млн руб.) 66 091,5, оборот розничной торговли 196 075,2. Сравним с Красноярском (ближайшим по численности населения — 10 91 600 чел.): зарплата 44 384,3 руб., пенсия 14 316,0, 76,4 врача на 10 000 населения, 21 440 преступлений (7738 раскрыто), инвестиции в основной капитал 83 217,7 млн руб., оборот розничной торговли 114 713,9 [Индекс качества 2019]. Стоимость сибирского квадратного метра жилья самая большая в Новосибирске (68,2 тыс. за кв. метр), далее идут Иркутск (64,9 тыс. за кв. метр), Красноярск (65,5 тыс. за кв. метр) и Томск (55,7 тыс. за кв. метр) [Цены на жилье 2019]. В антинаркотическом рейтинге регионов (лучший показатель 1 (Архангельская область), худший — Приморский край — 85), Новосибирская область (69 место) выглядит сопоставимо с Омской (68) и скорее неблагополучной по сравнению с Томской (51), Иркутской (60) областями и Красноярским краем (52) [В России составлен... 2019]. В Новосибирске расположены два вуза, входящие в топ-100 (на 10 и 32 месте) и шесть школ (11, 22, 48, 61, 76, 79 места). Ближайшим конкурентом по куль-

турному капиталу выступают Томск с пятью вузами (7, 13, 40, 49, 76) и одной школой (9) и Красноярск — один вуз (21) [Топ-100 2019] и три школы (55, 71, 100) [Рейтинг школ 2019].

Таким образом, в первом приближении мы видим относительно благополучный крупный торговый город без явно выраженной промышленной составляющей, с показателями выше среднего экономического, скорее низкого социального (уровень преступности и наркомагии) и высокого культурного капитала, который в предложенной нами системе оценок получит «1».

2019 г. Коалиция власти. В Сибири остались три города, в которых мэра города избирают в ходе прямых выборов (Новосибирск, Томск, Абакан). Совет депутатов города Новосибирска — представительный орган муниципального образования города Новосибирска, обладающий правами юридического лица, — избран 13 сентября 2015 г. и состоит из 50 депутатов: 32 выдвинуты «Единой Россией» (33 депутатское объединение), 12 КППРФ (12), 2 — ЛДПР (2), 1 — СР и 3 самовыдвиженца, двое не входят в депутатские объединения. У совета серьезные исключительные компетенции и широкие полномочия (принимать и менять Устав, рассматривать, изменять и принимать отчет по бюджету, утверждать структуру мэрии и пр.). Выборы обычно проходят с достаточно высокой конкуренцией, и большой разрыв между кандидатами скорее исключение, чем правило. Голоса подсчитываются честно, нарушения есть, но не выходят за рамки обычных.

Общие параметры и неформальные правила режима мегаполиса были сформированы во второй половине 1990-х годов теми группами, которые сумели победить на первых выборах главы города. Ключевую роль в победе играли поддержка федерального центра, стремящегося уравновесить влияние губернаторов лидерами местных органов власти, управленческий прагматизм и наличие опыта работы в исполнительных органах власти. Большая часть ключевых политических акторов сегодня — люди из 1990-х или следующие «правилам, сложившимся в 90-е». Обычно, рассматривая ключевые этапы формирующейся коалиции, многие эксперты отмечают два содержательных момента: роль мэра города, губернатора двух сибирских регионов, представителя президента в СФО и уже пенсионера В.А. Толоконского (первый серьезный успех — победа на выборах мэра города 1996 г.) и влияние на городскую политику конфликтов между криминальными группировками «спортсменов» и «воров», «первомайцев» и «ленинцев». Главным местом вой-

ны «города» и «криминального мира» была Гусинобродская барахолка — крупнейший теневой рынок Сибири, попытки реформирования которой стоили жизни двум вице-мэрам и привели к нескольким крупным судебным процессам (самым известным было «дело Солодкина», в котором прослеживается больше политическая, чем криминальная составляющая [Демидов 2018: 38–41]).

К 2014 г. криминальные страсти поутихли, и борьба экономических, силовых и административных влиятельных групп перешла в электро-ральную плоскость. На выборах 6 апреля побеждает единый кандидат от оппозиции коммунист А. Локоть, в пользу которого снимают несколько кандидатов. Он обеспечен скрытой поддержкой элит, ориентированных на занимавшего уже должность полпреда в СФО В.А. Толоконского [Тагаева 2014]. 6 октября 2017 г. в Новосибирскую область назначается новый губернатор А. Травников, которому необходимо через год участвовать в конкурентных выборах и которого ставший советником мэра города Виктор Толоконский считает «не лучшим решением президента». Он поддерживает губернаторские амбиции своего нового начальника [Толоконский о Травникове 2017]. В дело вступает «тяжелая артиллерия» в лице Администрации Президента, Толоконский лишается работы, а мэр города заключает пакт с губернатором о фактической поддержке коммуниста губернатором и «Единой Россией» [Анатолий Локоть... 2018].

Покончив с формальной и исторической стороной, перейдем к результатам наших исследований, построенных на анализе публикаций, интервью и наблюдениях [Пустовойт 2019: 104–119]. Структура власти в Новосибирске выглядит без явно выраженного центра интеграции или контроля. Эксперты выделяют несколько групп с сопоставимыми ресурсами, способных блокировать опасные для них действия других групп [Четыре масти 2017]. В интервью долгое время подчеркивалась доброжелательность и воспитанность новосибирского ОМОНа на митингах как одна из ключевых характеристик местных силовиков. Городские средства массовой информации (наиболее популярные и с высоким рейтингом НГС, «Тайга-инфо», «Коммерсант-Новосибирск») подчеркивают свою независимую позицию и время от времени служат площадкой для обсуждения актуальных проблем и общественных инициатив [Топ-20 2019]. Местная политическая жизнь изобилует интригами, публичными скандалами, отставками и возбуждением уголовных дел против чиновников самых разных уровней. В ходе беседы при работе

с карточками наши эксперты помещали мэра города в центр, окружая его администрацией и депутатами, над ним размещали губернатора и региональные структуры, параллельно располагали силовые и бизнес-иерархии, нередко подчеркивая дистанцирование от политики первых и представительство в законодательных органах вторых, отмечали ситуационность и временность союзов.

«В Новосибирске сложилась система сдержек и противовесов, и никто не нарушает это равновесие. Строители даже строят в разных концах города и покупают материалы у разных заказчиков». «Активность снизу дозволяется — можно петь и плясать». «Новосибирск — красный город, причем в обоих смыслах этого слова и как коммунистический, и как ментовской». «Заговоры — неотъемлемая черта жизни города. Вот (называет фамилию) с конца 90-х одних свергает, других назначает». «Реально в городе две партии — партия мэра и партия губернатора». «Там две партии в горсовете — строители и дорожники». «Мы почему своего на митингах добились — у нас в оргкомитете было четыре бывших чиновника администрации».

Сложился ли в Новосибирске режим, понимаемый в рамках, предложенных К. Стоуном? Пока это остается открытым вопросом (ключевая характеристика режима — стабильность), но если необходим определенный ответ, то скорее да, чем нет. Представители действующей власти вне зависимости от своей партийной принадлежности знают друг друга, совместно участвуют во многих полуформальных мероприятиях (здесь показательны юбилеи и дни рождения), принадлежат разным поколениям политиков и соблюдают взятые на себя внутрикорпоративные обязательства. Кроме этого, многие приходятся друг другу родственниками, однокурсниками, одноклассниками или просто занимались вместе в одной спортивной секции, а потом вместе стали депутатами в одном районе. Например, в материале «Власть здесь неслучайно»: новосибирская элита отпраздновала тридцатилетие клуба “Успех” в театре», подробно рассказывается о посещении известными городскими и областными политиками и бизнесменами 30-летнего юбилея спортивного клуба карате [«Власть здесь неслучайно» 2019].

На выборах мэра города Анатолий Локоть набирает 50,25 % голосов (в абсолютных цифрах теряет 40 тыс. избирателей относительно выборов 2014 г.), его выдвижение поддерживают (кроме губернатора) спикер ЗАКС А. Шимкив (ЕР) и председатель горсовета Д. Асанцев (ЕР). Программа действующего главы города звучит как «Новосибирску —

динамичное развитие» и включает (видимо, продолжая партийную традицию) в себя отчет по проделанной работе и семь направлений дальнейшей работы: «комфортный город», «транспортная доступность», «развитие социальной сферы», «спортивный город», «культура и история» и т.д. Публичных дискуссий не было, дебаты на муниципальном радио велись всего с тремя оппонентами, два из которых в сумме не набрали двух процентов, а скандальный вопрос о покупке из бюджета квартир в долгострое Новомарусино третьего, лидера ЛДПР, был проигнорирован [Кто выиграл 2018]. На выборы потрачено 9 712 858,92 руб., из которых около 86 % партийные средства и остальное — пожертвования граждан. Суд отказался удовлетворить иск кандидата от «Справедливой России» В. Козодоя об отмене регистрации действующего мэра за использование газет, финансируемых из бюджета города в агитационных целях [Суд в Новосибирске... 2019]. Существенных отличий кампании оппозиционного коммуниста от кампаний, проводимых «партией власти», не было, большинство голосов действующий мэр набирает в овечьих легендами 1990-х Первомайском районе, обычно активно голосующем за кандидатов от «Единой России». В настоящий момент мы оцениваем конфликт элит как минимальный (1). Есть недовольные группы, но в целом все конфликты решаются в электоральном, неформальном или правовом поле. Существует некоторое равновесие между центрами силы.

Что касается групповой идентичности, то она построена на рациональных целях, а не на идеологических ценностях. В интервью приоритет личных интересов и преданность патрону над идеалами, принципами и партийной идентификацией обычно не особо скрывается. *«Все в курсе и все в доле, другие туда не попадают», «Первая встреча была конструктивная. Он меня спросил: “Что тебе надо?” — Я говорю: “Не понял”. А он-то школу большую прошел: партийную, руководящую и административную. Я только потом понял, что значит “что ТЕБЕ надо...”». «Не все сторонники мэра из КПРФ и не все противники из “Единой России”». «Пока не выяснит, в чем личный интерес, — ничего делать не будет». «Система сложилась раньше. Первое, что меня поразило в Совете, что идет неприкрытое лоббирование частных интересов».*

Таким образом, система неформальных правил, реконструированных в интервью, во многом совпадает с механизмами «политической машины», описанных Дж. Скоттом. Она построена на личных интересах участников коалиций, а не на доминировании политических прин-

ципов и идеологий. В основе коалиций — партикуляристские вознаграждения и персонализированный обмен, а не разделяемые классовые или профессиональные ценности [Скотт 2016: 242–278]. Политическая жизнь города характеризуется межпартийными переходами, наличием родственников в конкурентных партиях и солидарными голосованиями за инициативы политических оппонентов [Как депутаты 2016]. Внутренние правила игры предельно рациональны, и повседневная механика взаимодействий вполне укладывается в объяснительную модель «скрытого сговора», предложенную К. Титаевым на базе идей Ж. Тироля [Титаев 2014]. Сговор, предполагающий добровольность вхождения участников в группу, повторяющиеся взаимодействия, нанесение ущерба третьим лицам, не явен, не проговорен. Выход из него означает потерю конкурентных преимуществ. Поэтому не особо удивляет «ведение» (возможно, скрытое финансирование) избирательных кампаний «политических оппонентов» мэрией города [Документы 2018]. Быть в правящей коалиции выгодно, и идеологические баталии ведутся в основном с либеральными несистемными оппонентами. Например, по поводу фестиваля левой прессы «День правды», посвященного дню рождения Сталина, депутат ЗАКС Новосибирской области А. Жирнов определяет политических противников следующим образом: *«Люди устали от бесконтрольного разграбления страны. Устали от яхт, офшоров и вил, покупаемых потерявшими страх и совесть чиновниками и бизнесменами на народные деньги... А имя Сталина еще живо в памяти народа как пример того, что государство может существовать без олигархии и коррупции. И именно поэтому либералы боятся Сталина как огня. Именно этим объясняется столь бурная и местами неадекватная реакция либеральной общественности.*

И опять разговоры про 1937-й год, что коммунисты хотят вернуть репрессии и прочее. Вы сами верите в этот бред, господ либералы? Более того, остервенелость и злость в ваших словах, переходящая рамки приличия, создает ощущение, что вы готовы растерзать всех пришедших на “День Правды” или сжечь, как в одесском доме профсоюзов. Ну, убейте меня, ватника. Успокойтесь. Уважайте чужие взгляды» [Сталинская правда 2019].

К этому можно добавить, что члены фракции КПРФ являются лидерами по доходам в Горсовете (первое и третье места), возглавляя строительные компании [Сведения о доходах 2015]. Таким образом «коалиция власти» представляет собой объединение людей, занимаю-

щих ключевые позиции в системе областного и городского управления, прежде всего строительного и торгового бизнеса, активно участвующих в развитии городского пространства, руководствующихся неолиберальными принципами в экономике и использующих любые идеологические нарративы, способные дать необходимый эмоциональный эффект.

«Правильная» (системная) оппозиция. В эту группу мы объединили акторов, которые имеют официальный политический статус: депутатскую должность, членство в партии или общественной организации, опыт административной работы в органах власти. Они неотъемлемый элемент политической жизни: участвуют в избирательных кампаниях, выступают или становятся объектом внимания средств массовой информации, организуют уличные акции и, как правило, время от времени находясь в центрах скандалов, практически не подвергаются репрессиям. Обычно в своих выступлениях они критикуют конкретные решения, обвиняют конкретных чиновников или руководителей бизнес-структур, предлагают изменения в структуре аппарата, смену отдельных приоритетов развития или подрядных организаций. В этой электоральной кампании наиболее запомнившийся и относительно результативный вызов действующей власти бросили четыре жителя мегаполиса.

Евгений Лебедев (ЛДПР) — 9,35 % голосов. Программа «Пути развития Новосибирска» содержит административную реформу (сократить и преобразовать), предложения по развитию городской инфраструктуры, транспорта и ЖКХ [Евгений Лебедев 2019]. Бюджет избирательной кампании (8 426 000) сформирован на 100 % из партийных средств, большая часть которых потрачена на «родной» Дзержинский район, в котором кандидат получил большинство голосов.

Наталья Пинус — 8,28 % голосов. Выдвинута от Российского общенародного союза (лидер Сергей Бабурин). Свое выдвижение (человека из Советского района, Академгородок, Верхняя зона) от традиционно ратующей за свободу творчества, одной из самых высоконравственных, духовных и православных партий (по крайней мере эти элементы регулярно присутствуют в партийных обращениях) сама она объясняет сугубо «техническими» причинами [Наталья Пинус 2019]. Обширная программа из двадцати пунктов «за все хорошее» содержит пожелания и обращения активных жителей, для которых город и существует. В агитационном плане одна из самых сильных кампаний: плакаты, выступления и листовки. Собрано 7 196 701 руб. (практически все потрачено), из которых 2 000 000 руб. — собственные средства, осталь-

ные — частные пожертвования «академовских» предпринимателей [Кто дал денег 2019]. Традиционно в нем кандидат набрала больше голосов, чем по городу.

Данияр Сафиуллин — 7,32 % голосов. Выдвинут «Родиной», бывший заместитель мэра, генерал-лейтенант. В центре внимания кандидата — городское хозяйство, бюджетная политика и различные конкретные предложения по развитию города. Впечатляющий плакатный масштаб агитации, под которую собраны сопоставимые с действующим мэром 10 438 500 руб., из которых частными лицами вложено около 9 млн, остальное добрано юридическими лицами. Большая часть голосов получена в Калининском районе (10 %), где представители «Родины» обычно побеждают.

И наконец, «кандидат от оппозиции № 1» Олег Викторович («Партия дела») с 0,43 % голосов. Бюджет в 4 199 645,00 руб. образовался в основном за счет пожертвований частных лиц. Самые неэффективные вложения в пересчете на один голос. Гвоздь программы — сделать Новосибирск городом федерального значения и беречь архитектурные памятники.

Тем не менее если мы посмотрим в сумме на то, что объединяет этих четырех человек, получавших четверть голосов избирателей и 30 млн руб. на проведение кампаний, то за административно-хозяйственной повесткой просматривается общая национально-патриотическая платформа.

В той или иной степени кандидаты, особенно когда выступают от лица своих объединений, активно используют эмоционально-экспрессивную лексику, активно обращаются к рациональным интересам избирателя (фокус внимания — социальные проблемы и их решение) и в качестве основного врага определяют «местных коррумпированных чиновников», «Москву», «Запад», «либералов», «олигархов», «реформы». В митинговых страстях черпают вдохновение в советских военно-промышленных победах и достижениях и клеймят правительство за пенсионную реформу и антинародную политику. Так как представители этой группы, сосредоточиваясь на локальных проблемах, обычно в публичных выступлениях не касаются идеологических вопросов, в целом придерживаясь «государственно-патриотического» дискурса, то оценим степень идентичности «2». Здесь больше экспрессии, чем у «властных коалиций», и чаще появляется «образа врага», а при проведении митингов активно используются недемократические методы, выделенные

Ч. Тилли: повторение обычных способов действий властей, одинаковый внешний вид, подчеркивающий корпоративный характер, локализация непосредственно у территориальных центров власти, оскорбительная символика для демонстрации обид, апелляция к могущественным покровителям для защиты от местных врагов [Тилли 2010: 50–51]. Таким образом, «правильная оппозиция» — это не столько «контрэлита», сколько кадровый резерв и средство контроля федерального центра над местными властными группами. Они идеологически атакуют их либо с «левых» (социальных), либо с «правых» (националистических) позиций, отлично ориентируясь в местных бизнес-группах, способны оказывать давление на местные власти при принятии решений, связанных с распределением бюджетных средств. Свой альтернативной повестки здесь нет.

«Неправильная» (несистемная) оппозиция. Второе место на выборах с 18,56 % голосов занимает самовыдвиженец и координатор штаба А. Навального Сергей Бойко, вложив в проект относительно скромные 2 370 922,39 рублей (из которых 487 600 — собственные средства и остальное — пожертвования от граждан). Программа кандидата, опубликованная на сайте и оформленная в лучших традициях нейролингвистического программирования, уложена в шесть направлений: «Пыль, транспорт, потоп, застройка, снег, культура» — и детально расписана в формате «проблема — причина — решение» [Сергей Бойко 2019]. Такой успех на фоне выборов в московскую мэрию был обусловлен несколькими факторами: отличная организация сбора подписей (с записью на камеру и двойным контролем оформления), агитация через социальные сети, а главное умение работать с улицей позволили мобилизовать сторонников. Идеологически близкие «Яблоко» и «Либертарианцы» открыто поддерживали выдвижение кандидата и принимали участие в уличных мероприятиях. А. Мазур, руководитель аналитического отдела «Тайга-инфо», задолго до начала выборов начал цикл передач, посвященный росту общественной активности, и традиционную критику действующего мэра, что обеспечивало несистемных политиков каналом массовой коммуникации в городе и регионе [НТН и Тайга.инфо 2018]. Митинги, организуемые штабом Навального в Новосибирске, обычно одни из самых массовых в сибирских городах, хорошо организованы, с контролируемой повесткой: лишние не допускаются, используемая символика оговаривается, спектр высказываний точно укладывается в заявленную тему митинга.

Несистемная оппозиция не пользуется особым интересом у бизнеса и не вызывает гнева у правоохранителей. Показательны фрагменты из интервью одного из координаторов штаба.

«Город скучный. В (городе) не принято настолько правоохранительным органам оголтело нарушать закон, как в других окрестных городах, то, за что в других городах можно там сесть за решетку, у нас может пройти совершенно незамеченным. Не знаю, почему. Может, потому что мы город науки и культуры. И менты безобразничают только под сильным давлением из Москвы, напомним самый громкий эпизод прошлого лета, когда был приказ изъять тираж газет Алексея Навального. 120 000 экземпляров мы привезли в штаб из типографии, и вот они пришли и забрали. Они совершенно не хотели этого делать, но федеральная установка противостоять, в том числе изымать тираж, и вот они пришли этот несчастный тираж изъять, мы сказали, вы сюда не зайдете, дверь закрыта, и с 9:00 утра до 6:00 вечера эти несчастные полицейские толпились у нас на крылечке, ничего не могли сделать. Они были страшно недовольны и удручены и всё. Мы ходили снимали их на телефон, выкладывали в социальные сети, весь город уже ржал над этим делом. Вот ну и кончилось потом тем, что они всё-таки выполнили приказ любой ценой ворваться. Не нашли ничего лучшего, как найти в здании бомбу, а дальше вся улица была оцеплена, приехала куча машин, минёров, собак, Скорой помощи, пожарных, и так далее, людей в масках. Они всех отогнали, включая нас, выломали дверь и украли тираж газет. Это было ещё более позорное явление, как я знаю, 7 рапортов после этого безобразия было брошено на стол об увольнении. Люди сказали: “Мы давали присягу не этому безобразию...”».

«Бизнес-сообщества, конечно, самая трусливая часть общества. Это их мотивация, заложенная в нехватку уже много лет. Ну вот (Фамилия), когда выдвигался ходил по бизнесменам с целью организовать финансирование, было предсказуемо, хотя неприятно. Всё говорили, да денег дадим. Но пусть только тебя зарегистрируют. Вот и я думаю, сейчас так будет, выдвинем своего кандидата в мэры, регистрируют тебя, вот и приходи».

Несистемная оппозиция, провозглашая альтернативную систему ценностей и формулируя иную повестку дня, что-то близкое экологической повестке американских прогрессивных режимов среднего класса (человеческого капитала) [Ледяев 2012: 168–171], могла бы попасть под категорию контрэлиты, но не имеет ресурсного обеспечения. В нашей систе-

ме оценок по степени идентичности набирает еще меньше баллов, чем системная. Нет экспрессии, ресурсов и «образа врага» — «1». Тем не менее репрессивные кампании в отношении штаба Навального стали проводиться регулярно, и мероприятия, осуществляемые либеральной общественностью, время от времени срываются [Силовики... 2019].

ВЫВОДЫ

В настоящий момент после заключения «пакта» между губернатором области и мэром города, «Единой Россией» и КПРФ модель власти в городе попадает под большинство признаков городского режима К. Стоуна и «машины роста» (Х. Молоча и Дж. Логана). Есть общая «повестка дня», связанная со стратегией развития города, отождествляемая с расширением возможностей прежде всего крупных бизнес-структур, есть общие неформальные правила, приоритет экономических интересов над идеологическими позициями. Внутренняя жизнь регулируется патрон-клиентскими организационными принципами «политической машины» (Дж. Скотта) и сговора (К. Титаева, Ж. Тироля). Насколько он стабилен, покажет время. Хотя большинство комментаторов считает, что выборы в горсовет усилят идеологическую конкуренцию и нарушат пакт, считаем, что, если наша гипотеза верна, этого не произойдет в силу прежде всего договоренностей по конкретным бизнес-проектам и соотношения депутатов останутся в близких пропорциях. Это не исключает частных подвижек в отдельных округах, но в целом доминирующие группы сохраняют свое влияние. Изменения возможны только в случае масштабных федеральных потрясений в системе власти или экономики.

Оппозиция, представленная двумя (системным и несистемным) эшелонами, пока не содержит признаков контрэлита. Системная оппозиция, располагая определенными ресурсами (экономическая состоятельность и более высокий уровень протестной идентичности), не имеет альтернативной «повестки дня». Несистемная оппозиция, в целом ориентированная на альтернативную повестку (рост человеческого капитала через развитие системы права, политической и экономической конкуренции), в настоящий момент не имеет ресурсов. Рассматривая ее шансы в оптике структуры политических возможностей (Д. Макадам), отметим, что ее успеху не способствует закрытость политических институтов (открытых для «правильных» объединений), стабильность сложившихся эли-

тарных групп, отсутствие союзников (большая часть электората в силу возраста и особенностей социализации стойко придерживается государственно-патриотических позиций и дорожит относительным благополучием, финансирование из иностранных источников запрещено, а местные серьезно ограничены), склонность государства к репрессиям (точечные жестокие персональные акции показали свою эффективность и имеют сильный демонстративный эффект).

Сложившаяся в России система формирования бюджета городов, даже в относительно благополучных урбанистических центрах, делает их постоянно зависимыми от федеральных структур, что значительно снижает возможности самореализации проживающего в них образованного среднего класса. Действующая власть скорее подвергается моральному осуждению у групп, ориентированных на либеральные ценности: нет артикуляции экономических и классовых интересов. Невысокая идентичность обуславливается еще тем, что на локальном уровне политические оппоненты не рассматривают друг друга как «враги» и сформированная городская коалиция власти сохраняет сложившиеся демократические традиции честных выборов. Парадоксально, но по нашим наблюдениям и оценкам большую степень протестной идентичности можно отметить у системной оппозиции, особенно у государственно-патриотических объединений. Здесь поведение лидеров вполне укладывается в модели рационального выбора, стратегии направлены на получение контроля над ресурсами и соответствуют сложившемуся репертуару коллективных действий — обращения, пикеты, собрания (Ч. Тилли). На наш взгляд, проблема в том, что содержательно все предлагаемые символические конструкции сформулированы в прошлом, говорят о прошлом и объясняют сегодняшние проблемы прошлыми неудачами. В общем, вспоминая работу А. Юрчака, это «навсегда, пока не закончится».

Новые по повестке и степени идентичности протестные политические сообщества (неправильная оппозиция) скорее построены на ценностях и могут вполне быть описаны (по крайней мере активное ядро) в рамках подходов А. Турена и Л. Тевено. Они дорожат своим правом на самоопределение, возможностью выбирать и больше ориентированы на уличный протест, чем на кулуарные договоренности. Провозглашаемые ценности плохо вписываются в действующую повестку дня. Отсюда на митингах и мероприятиях можно увидеть одни и те же лица. Импульс общественной активности (здесь биографические сюжеты

активистов содержат обычно описание травматического опыта) не рационализируется и не переводится в конкретные цели, публичную артикуляцию и ценностную повестку. Учитывая отсутствие финансирования и эффективные репрессии, сложно ожидать быстрых побед и успехов, несмотря на привлекательность, современность и гуманизм высказываемых идей. Возможно, «новым сообществам» следует расширить репертуар действий, ориентируясь на рост организаций в сфере культуры, просвещения и социальной помощи, снижая уличную активность (выступая только в случаях явных нарушений прав человека), усиливая работу с избирателями в межэлекторальный период. Скорее опыт польской «Солидарности», а не 1968 г. в перспективе даст возможность решения институциональных проблем.

Литература

- Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
- Демидов В. В. Правоприменение в России на фоне дела Солодкиных. Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2018.
- Дерлугян Г Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
- Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты. Т. 2. / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 14–73.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. Социология города // Журнал социологии и социальной антропологии 2019. Т. 22, №. 1. С. 162–192.
- Ледяев В. Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012.
- Пустовойт Ю. А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08> (дата обращения 22.10.2019).
- Скотт Дж. Коррупция, политические машины и политические изменения // Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 242–278.
- Соловьев А.И. Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства // Власть и элиты. Т. 2 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2015 С. 152–171.
- Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг.: пер. с англ. М.: Олимп-бизнес, 2007.
- Чирикова А.Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.

Источники

Анатолий Локоть уволил Виктора Толоконского // Коммерсантъ. № 95 от 04.06.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3649508> (дата обращения: 22.10.2019).

Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым. 2017 год // STRELKA KB. URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/> (дата обращения: 22.10.2019).

В России составлен антинаркотический рейтинг регионов. URL: <https://www.protivnarko.ru/v-rossii-sostavlen-antinarkoticheskiy-reyting-regionov/> (дата обращения: 22.10.2019)

«Власть здесь неслучайно»: новосибирская элита отпраздновала тридцатилетие клуба «Успех» в театре // TAYGA.INFO. 09.02.2019. URL: <https://tauga.info/144956> (дата обращения: 22.10.2019).

Документы двум группам кандидатов в мэры Новосибирска могли готовиться одними командами. В шаблонах финансовых отчетов претендентов обнаружены существенные совпадения. // TAYGA.INFO. 10.09.2018. URL: <https://tauga.info/148031> (дата обращения: 22.10.2019).

Евгений Лебедев: как развиваться городу — решают его жители! // Сибирский край. URL: <http://sibkrai.ru/news/2126/925916/> (дата обращения: 22.10.2019).

Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования. // ДОМ. РФ. URL: <https://xn--d1achkm1a.xn--d1aqf.xn--p1ai/search/city/7> (дата обращения: 22.10.2019).

Как депутаты горсовета проголосовали за повышение тарифов ЖКХ // Сибкрай.ru. 13.12.2016. URL: <http://sibkrai.ru/news/1/884548/> (дата обращения: 22.10.2019).

Кто выиграл и проиграл из-за выборов мэра Новосибирска // TAYGA.INFO. 09.09.2018. URL: <https://tauga.info/148712> (дата обращения: 22.10.2019).

Кто дал денег кандидатам в мэры Новосибирска? // Бузотер-медиа. 30.07.2019. URL: <https://buzoter.media/kto-dal-deneg-kandidatam-v-mjery-novosibirska/> (дата обращения: 22.10.2019).

Наталья Пинус идет в мэры Новосибирска от «Российского общенародного союза» // TAYGA.INFO. 24.08.2019 URL: <https://tauga.info/147184> (дата обращения: 22.10.2019).

НТН и Тайга.инфо запускают телепрограмму «Чё» о новосибирской политике // TAYGA.INFO. 10.10.2018 URL: <https://tauga.info/142945> (дата обращения: 22.10.2019).

Рейтинг школ России по конкурентоспособности выпускников // RAEX. URL: https://raex-rr.com/education/schools/rating_of_schools_by_graduates_competitiveness (дата обращения: 22.10.2019).

Сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за период с 1 января 2015 г. по 31 декабря 2015 г. // Ново-

сибирск.ру. URL: https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/75e/dohod_deputatov_2015.pdf (дата обращения: 22.10.2019).

Сергей Бойко. Программа // Сайт Сергея Бойко. URL: <https://sergeyboyko.info/program/> (дата обращения: 22.10.2019).

Сибирский федеральный округ // Регионы России Основные социально-экономические показатели городов 2018. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14t/Main.htm (дата обращения: 22.10.2019).

Силовики проводят обыск у экс-кандидата в мэры Новосибирска // Коммерсант. 12.09.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4089318> (дата обращения: 22.10.2019).

Сталинская правда // TAYGA.INFO. 11.09.2019. URL: <https://tayga.info/146969> (дата обращения: 22.10.2019).

Суд в Новосибирске отказался снять кандидатуру действующего мэра Локтя с выборов // INTERFAX.RU. 29.08.2019 URL: <https://www.interfax.ru/russia/674346> (дата обращения: 22.10.2019).

Тагаева Л. Победа коммуниста Локтя в Новосибирске может обернуться отставкой полпреда // Republic. 9.04.2014. URL: <https://republic.ru/posts/1/1082058> (дата обращения: 22.10.2019).

Титаев К. Скрытый сговор // Ведомости. 30.10.2014. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/10/30/skrytyj-sgovor> (дата обращения: 22.10.2019)

Толоконский о Травникове: «Решение президента было не лучшим» // РБК. 12.12.2017. URL: <https://www.rbc.ru/nsk/12/12/2017/5a2f6a4d9a794710538f9365> (дата обращения: 22.10.2019).

Топ-20 самых цитируемых СМИ Новосибирской области // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6694/> (дата обращения: 22.10.2019).

Топ-100 вузов России 2019 // RAEX. URL: https://raex-rr.com/education/universities/top-100-universities_of_russia?fbclid=IwAR2ugQNvx6KtozuWKuv6IFtMxL70aQIZKPOSN7kuGE9s6kBlN1UcZlAF7UE (дата обращения: 22.10.2019).

Цены на жилье по крупным городам России. Рейтинг стоимости квадратного метра // СДЕЛКА-Омск. URL: <http://sdelka-omsk.ru/articles.php?num=9743> (дата обращения: 22.10.2019).

Четыре масти Новосибирской власти. Часть 1. Бубны // ФедералПресс. 12.07.2017. URL: <http://fedpress.ru/article/1818291> (дата обращения: 22.10.2019).

«A COUNTER-ELITE»: LOCAL POWER AND ITS OPPONENTS IN THE SIBERIAN MEGAPOLIS

Yu.A. Pustovoyt

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.4>

Abstract. *The focus is on the interaction of power groups of the opposition, considered in the framework of the concept of urban regimes. Based on the provisions of K. Stone, the main characteristics of the coalition of power that has developed in the megapolis are given. The protest activity is considered on the basis of the ideas of J. Goldstone, where the effectiveness of government, the measure of dissatisfaction of the elites and the degree of identity of the protesters are evaluated. Based on the results of the 2019 elections, observations, and interviews, two opposition groups of the urban's current model of power are considered: the systematic one, represented by political actors focused on the rules of political activity set by the federal center, and non-systemic players who approve alternative value priorities and goals. At present, none of the selected categories possesses the signs of a counter-elite and institutional organizational and resource-based opportunities for changing the agenda.*

Keywords: *urban regime, opposition, political elite, counter-elite, city, protest, protest community, Siberia.*

References

Chirikova A.E., Ledyayev V. G. *Vlast' v malom rossiiskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: HSE, 2017. (In Russian)

Goldstone J. K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya [On the theory of the fourth-generation revolution], *Logos*, 2006, 5, pp. 58–103. (In Russian)

Demidov V. V. *Pravoprimenenie v Rossii na fone dela Solodkinyh* [Law enforcement in Russia against the backdrop of the Solodkin case]. Novosibirsk: Agentstvo «Sibprint», 2018. (In Russian)

Derlugyan G. *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temy* [How does this world work? Outlines on Macro-Sociological Themes]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2013. (In Russian)

Duka A.V. *Osnovaniya funktsionirovaniya vlastnyh elit* [Reasons for Power Elites' Functioning]. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 2. St. Petersburg: Intersotsis, 2015, pp. 14–73. (In Russian).

Ledyayev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. (In Russian)

Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of political], *Voprosy sotsiologii* [Questions of sociology], 1992, 1, pp. 37–67. (In Russian)

Solov'ev A. I. Pravyashchaya elita Rossii: k voprosu o mekhanizmah i tekhnologiyah politicheskogo gospodstva [Russian Ruling Elite: the mechanisms and the technologies of political domination]. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 2. St. Petersburg: Intersotsis, 2015, pp. 152–171. (In Russian)

Skott. J Korrupciya, politicheskie mashiny i politicheskie izmeneniya [Corruption, political machines and political changes] *Patron-client relations in history and modernity: reader* Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2016, pp. 242–278. (In Russian)

Tilly Ch. *Bor'ba i demokratiya v Evrope, 1650–2000 gg.* [Contention and Democracy in Europe, 1650–2000]. Transl. from English to Russian. Moscow: Olimp-biznes, 2007. (In Russian)

Zhel'nina A.A., Tykanova E.V. Sociologiya goroda [Sociology of the city]. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2019, 22 (1), pp. 162–192. (In Russian)

КАРЬЕРНЫЕ ПУТИ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

РЕКРУТИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАК РОТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНО- КОРПОРАТИВНОЙ ЭЛИТНЫХ ГРУПП

Д.В. Покатов

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.5>

Аннотация. *Анализируются особенности одного из важнейших в плане формирования качественного состава политической элиты процессов ее рекрутирования. Выявляются базовые тенденции этого процесса как на федеральном, так и на региональном уровне, а также закрепляющиеся формы и практики политического элитного рекрутинга. Автор выделяет и дает характеристику трем базовым этапам политического рекрутинга: I — «формально-свободной циркуляции» (1991–2000); II — «регулируемой ротации» (2001–2011); III — «корпоративно-персонократической стабилизации» (2011 — н.в.). Рассматривается одна из базовых тенденций, которая фиксируется на всех этапах политического элитного рекрутинга и детерминирована как объективно-политическими условиями, так и социально-психологическими факторами, закрепляющимися типами карьерных практик, — переход от формально-свободной циркуляции к во многом формальной смене элитного состава, ротации.*

Ключевые слова: *политическая элита, административно-корпоративная элита, рекрутирование, циркуляция элит, ротация, карьера, карьерные практики.*

В условиях сохраняющегося в российском обществе мобилизационного типа общественного развития с характерным для него доминированием политических институтов и структур в общественной жизни роль политической элиты по-прежнему остается ведущей. Не случайно

в центре внимания как представителей научных кругов, так и различных общественных слоев и групп остается профессионально-личностный потенциал элиты, от которого зависит как ее функционирование, так и векторы общественного развития. Формирование базовых основ профессионально-личностного потенциала элиты закладывается в ходе процесса элитного рекрутирования. К его анализу в разные годы обращались многие ведущие социологи, философы, политологи и элитологи (см., например: [Ашин 1998; Крыштановская 1995; Дука 2003; Понеделков 2010]). Вместе с тем следует признать, что многие аспекты данного процесса все еще требуют анализа, что в полной мере относится к социальным каналам рекрутирования элит, его механизмам, социальным практикам, этапам применительно как к федеральному, так и к региональному уровню.

Прежде чем перейти к рассмотрению процесса рекрутирования элиты, отметим, что само понятие рекрутирования весьма неоднозначно рассматривается в научной социально-философской, социологической и политологической литературе. Традиционно рекрутирование элит трактовалось как процесс их формирования, пополнения новыми членами [Политическая энциклопедия 1999: 340] либо как особый механизм отбора на руководящие должности в государстве и партии новых членов [Новейший... 2010: 318]. Вместе с тем политический рекрутинг нельзя сводить только к принципам и формам отбора кандидатов в состав политической элиты как особой относительно небольшой социальной группы, объединяющей выходцев из различных социальных слоев, профессионально занимающихся политической деятельностью и располагающих как статусными, так и иными возможностями для воздействия на общество (подробнее см.: [Покатов 2014: 19–20]). Рекрутирование политической элиты сегодня представляет собой более сложное и комплексное явление, которое предполагает учет того, каким образом кандидаты в элиту вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие посты, и взаимосвязь самой системы отбора кандидатов, ее принципов и механизмов и детерминируемых ими карьерных траекторий политиков.

В этой связи рекрутирование политической элиты можно, на наш взгляд, определить как исторически сложившуюся практику и способ взаимодействия индивидов, связанные с изменением их властно-политического статуса, и одновременно как особую форму их профессионально-политического карьерного роста. Таким образом, важным

здесь является не только процесс отбора кандидатов в элиту, его принципы и механизмы, достаточно хорошо рассмотренные в ряде исследований по элите, но и сравнительно слабо представленные в них особенности и модели карьерного роста политических деятелей, каналы рекрутации политических деятелей, серьезно трансформирующиеся от одного этапа к другому.

О самом процессе рекрутирования элит можно говорить применительно к российской действительности только к периоду начала 1990-х годов, когда происходит переход от авторитарной к демократической модели общественно-политического развития. Именно тогда начинают формироваться не только политические, но и субъективно-личностные факторы, связанные со стремлением политической активной части общества определить свои карьерные траектории и участвовать в политической жизни, что начинает проявляться в виде протоэлитной первичной циркуляции элитных групп. Как известно, один из создателей теории элит итальянский социолог В. Парето видел в процессе циркуляции основу социальной стабильности общества, сохранения его социального равновесия. В работе «Компендиум по общей социологии» ученый справедливо отмечал: «Правящий класс восстанавливается не только в отношении численности, но и, что более важно, в отношении качества за счет семей из низших классов, которые вносят в него энергию и те пропорции остатков, которые ему необходимы, чтобы сохранять власть. Этот класс восстанавливается также благодаря выходу из него наиболее деградировавших членов <...> где одно из этих движений прекращается или, еще хуже, где прекращаются оба этих движения, там правящая часть устремляется к своей гибели, которая нередко влечет за собой гибель всей нации. Мощная причина нарушения равновесия — это аккумуляция лучших элементов в низших классах и, наоборот, худших элементов в высших классах» [Парето 2008: 313–314].

Процесс рекрутирования элиты, начавшийся в российском обществе, по сути, с протоэлитной циркуляции, прошел несколько этапов, среди которых можно, на наш взгляд, выделить следующие периоды: I — формально-свободной циркуляции (1991–2000); II — регулируемой ротации (2001–2011); III — корпоративно-персонократической стабилизации (2011 — н.в.). Их начало соотносится, как правило, с важными социально-политическими событиями, в том числе с путчем августа 1991 г. и последовавшим за ним распадом союзного государства,

сменой в 2000 г. власти и переходом полномочий Президента РФ от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину, сложной общественно-политической обстановкой, сопутствующей президентским выборам 2012 г. и произошедшей вслед за этим трансформацией механизмов отбора в административную элиту.

Этап формально-свободной циркуляции элиты (1991–2000) представлял собой, по сути переходный период, в ходе которого наблюдается сосуществование сформировавшихся ранее форм и моделей рекрутирования господствовавшей ранее правящей властной группы и постепенно формирующих новых практик отбора в политико-административную элиту.

На первый взгляд, процессы элитного рекрутирования принимают динамичный характер, однако следует учитывать, что сдерживающим фактором оказывается цивилизационный тип развития, в значительной мере определяющий многие общественно-политические процессы, в том числе модель рекрутирования политической элиты. Здесь можно вспомнить описанные С.Г. Кирдиной на основе исследований типов цивилизаций С. Хантингтона пути эволюции многих обществ, определяемые типом институциональной матрицы, по-разному проявляющей себя в восточной и западной моделях общественной организации [Кирдина 2000: 5]. При этом западная модель основана на рыночной экономике, федеративно-субсидиарной (пропагандирующей ценности личности, ее прав и свобод) политической системе. Для восточной модели (куда можно отнести и Россию) характерными становились нерыночная экономика, унитарно-централизованная политическая система и доминирование коллективных ценностей [Кирдина 2000: 5]. В представлении С.Г. Кирдиной, с чем можно согласиться, типы матриц во многом определяют как тип господствующих в обществе норм и ценностей, так и саму систему власти и политического рекрутинга.

Так, в восточной модели закрепляется традиционализм с присущими ему доминирующими традициями, нравами, обычаями, особым типом властных отношений, названных М. Вебером традиционным господством, отличающимся верой в священность существующих продолжительный период порядков и властей.

В отличие от восточной, западная, легитимно-инновационная, модель, в которой отвергались традиционные ценности, способствовала формированию совершенно иного типа властных отношений и господства, во многом тяготеющего к формально-рациональным процедурам

и установлениям, деловой компетенции. Если в восточной модели доминирующее влияние на политику оказывали вождь, получивший власть по наследству, и особая социальная организация, то в западной — избранный в соответствии с легальными процедурами лидер, обладавший какими-либо харизматическими чертами.

Закрепившаяся в советский период модель рекрутинга правящего класса, которую условно можно определить как легально-номенклатурную, являясь, по существу, промежуточной между традиционалистской, присущей восточным обществам, и легитимно-инновационной, характерной для западных стран, отличалась ярко выраженным закрытым, недемократическим характером формирования, узким кругом селектората, из которого отбирались претенденты на высшие руководящие посты. Важнейшей ее особенностью постепенно стало наличие многочисленных формальных требований, предъявляемых к кандидатам (в том числе учет социального происхождения, партийности, стажа административной деятельности). Многие из них стали формироваться сразу после Октябрьской революции 1917 г. и сохранялись в видоизмененном состоянии до распада СССР в 1991 г. Так, руководитель Советского правительства В.И. Ленин в письме к будущему Председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову о работе статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б) от 14 февраля 1922 г. советовал ему «избавить себя от мелочей» и заняться целиком делом политсекретаря и заведующего направлением работы по организации и учету. При проведении этой работы, по его мнению, необходимо составить карточки на несколько сот (для начала) крупнейших работников партии с делением на пропагандистов, администраторов, агитаторов, преподавателей и так далее с отзывами об их работе. Они должны содержать сведения о пятилетнем стаже с указанием последних должностей. Отзывы должны, как считал В.И. Ленин, подписать как минимум от четырех до шести человек. Позднее он подчеркивал, что при отборе кандидата на руководящий пост необходимо учитывать его добросовестность, политические позиции, знание дела, административные способности [Ленин 1922: 392–393] В опубликованной в марте 1923 г. работе «Лучше меньше, да лучше» В.И. Ленин опять вернулся к вопросу о подборе кадров. Рассматривая вопрос о назначении служащих Рабкрина, он советовал обращать внимание на следующие обстоятельства. Прежде всего, кандидаты должны быть рекомендованы несколькими коммунистами.

Также они должны, в его представлении, «выдержать испытание на знание основ теории по вопросу о нашем госаппарате, на знание основ науки управления, делопроизводства и т.д.» [Ленин 1923: 394]. Кроме того, они должны «сработаться» с членами Центральной контрольной комиссии (ЦКК) и своим секретариатом, чтобы отвечать за работу всего аппарата в целом.

Таким образом, выделенные В.И. Лениным принципы изначально носили в основном политико-идеологический характер. Они ориентировались в первую очередь на консолидацию «правлящего класса». Хотя многие из них, в том числе знание основ теории управления, препятствовали прохождению в элиту представителей рабочего класса и крестьянства, В.И. Ленин неоднократно отмечал, что именно рабочий класс должен увеличить число администраторов из своей среды. На это же обстоятельство указывал и другой теоретик марксистской социологии — Н.И. Бухарин, считавший, что «не будь постоянного пополнения высшей школы рабочими», произошло бы перерождение правящего класса. По его мнению, «кадр» замкнулся бы в отдельный слой с тенденцией к образованию нового класса. В ряде своих работ он дополнил предложенные В.И. Лениным принципы подбора управленческих кадров, отметив, что в процессе отбора следует обращать внимание на добросовестное отношение кандидатов к своим обязанностям, включающее в том числе точное выполнение сроков повседневной работы, щепетильное отношение к государственному добру, творческую инициативу в деле улучшения работы, ее техники и организации [Бухарин 1989: 185].

Сформированные в самом начале советского государственного строительства номенклатурные принципы причудливым образом дошли до начала 1990-х годов и во многом сохраняются и сегодня, за исключением некоторых отживших себя постулатов (в частности, к ним можно отнести, учет социального происхождения, прежней партийной ориентации, замененной сегодня на иную, номенклатурного опыта и некоторых других).

Помимо многочисленных формальных требований, в рамках легально-номенклатурной системы обязательным было прохождение всех номенклатурных ступеней, что делало долгим и трудным путь номенклатурного работника к вершинам власти. Все господствовавшие в советский период механизмы и принципы политического рекрутирования во многом предопределяли и тип, и траекторию карьерного пути номен-

клатурного руководителя. Он в целом отличался от утвердившихся в западных обществах карьерных практик, где доминирующим оказывался естественный тип карьеры, который должен включать все необходимые ступени процесса подъема политика на вершину политической иерархии, начиная от ранней социализации и закрепления политических ценностей, норм, и ролей до так называемого этапа селекции (высшими элементами которого выступают получение квалификации и профессиональная ориентация) и вхождения в элиту [Endruweit 1986: 280]. Реально он воплощался в двух типах политической карьеры, первый из которых — бюрократический — начинается, как правило, с занятия скромного административного поста в общегосударственных или муниципальных органах и в середине карьерного пути осуществляется переход к политической деятельности, а второй — собственно политический — реализовывался преимущественно в культурной, научной, педагогической или юридической областях и сочетается, как правило, с активной деятельностью в различных общественных организациях. Продвижение в элиту происходит в данном случае не столько в профессиональной, сколько в общественной сфере [Ашин, Понделков, Игнатов, Старостин 1999: 222].

В отличие от западной модели, в советской легально-номенклатурной системе утвердились совершенно иные формы политических карьерных траекторий. Можно согласиться с Ю.В. Согомоновым в том, что для советской системы политического рекрутинга был характерен особый тип личности, который в условиях существовавшей дисциплинарной культуры выстраивал свою социальность и идентичность по принципу строгой самодисциплины и соответствия утвердившимся нормам [Согомонов 2000: 59].

В условиях сформировавшихся в СССР достаточно жестких правил отбора кандидатов в состав правящего класса сложились близкие по сути формы карьерной траектории, различающиеся только по ряду параметров, в том числе по способам социализации. Одна из таких форм отражала классический тип карьерного пути советского руководителя, поднявшегося с самых низов, прошедшего армию (войну), работу в трудовых коллективах на рядовых должностях, получившего образование в большинстве случаев в заочной или вечерней форме обучения либо благодаря системе высших партийных школ. Для другого направления был характерен в основном непрерывный цикл обучения — «школа — училище или техникум — вуз», а затем сразу

деятельность на руководящих должностях или в качестве специалистов [Мохов 2003: 190]. Также стала появляться своеобразная смешанная, или гибридная, форма, совмещавшая в себе этапы партийной и хозяйственно-административной чисто бюрократической карьеры.

Сохранение на данном этапе рекрутирования российской элиты уже в постсоветский период некоторых номенклатурных принципов отбора кандидатов и ряда карьерных траекторий привели к закреплению в составе политической элиты и прежних номенклатурных работников второго и третьего эшелонов. По данным отечественного элитолога О.В. Крыштановской, в начале 1990-х годов, сразу после распада СССР, половина глав администраций российских регионов была назначена из бывших руководителей органов исполнительной и представительной власти того или иного региона, еще примерно 20 % составляли работники советского аппарата низового уровня и лишь 30 % приходилось на долю так называемых «разночинцев», представленных в основном директорами местных предприятий, работниками научных учреждений, журналистами, врачами и т.п. [Крыштановская 2005: 66]. Также в правительственных структурах в начале и середине 1990-х годов выходцы из старой номенклатуры составляли 75 % от общего числа представителей элиты. При этом более половины из них попали в состав номенклатуры даже не при М.С. Горбачеве, а при Л.И. Брежнев [Крыштановская 1995: 65].

Вместе с тем нельзя отрицать и тот факт, что определенные изменения в процессе и механизмах рекрутирования политической элиты стали происходить. Под влиянием изменений во властных структурах в центре многие бывшие представители партийной номенклатуры стали выбывать из состава элитных групп. Иногда этот процесс, особенно до декабря 1991 г., носил характер добровольных отставок. Так, в Саратовской области бывший первый секретарь Саратовского обкома КПСС К.П. Муренин передал полномочия председателя Областного совета яркому представителю контрэлиты Н.С. Макаревичу. В своих воспоминаниях он отмечал, что понимал: творческой работы в новых условиях не получится [Муренин 2010: 554]. Поэтому он остановил свой выбор на кандидатуре популярного в то время представителя интеллигенции Н.С. Макаревича.

Одним из знаковых явлений первого периода элитного политического рекрутинга стал приход в политику группы интеллектуалов,

состоявших как из научных работников, так и из преподавателей вузов и образовательных школ. Данный процесс, как отмечали многие исследователи элитной проблематики, действительно должен быть характерен для элиты, учитывая как саму природу данной группы, так и предназначение научно-педагогической интеллигенции. Как справедливо отмечает Д.Б. Тев, ссылаясь на исследования, проведенные Э. Кингом и М. Доганом, профессия преподавателя и научного работника обеспечивает ряд ресурсов и возможностей, важных для успешной политической деятельности. В частности, важным преимуществом данных слоев, несомненно, являются их коммуникативные способности и дискурсивные практики, позволяющие более свободно действовать в открытом политическом пространстве. Также преимущества создают гибкие графики работы, относительно длительные отпуска и выходные. В отличие от других профессий, вузовская профессура и учителя могут совмещать свою основную деятельность с политической [Тев 2017: 99–100]. Эти обстоятельства, без сомнения, привели на первых порах к быстрому пополнению элитных слоев представителями научной и педагогической интеллигенции.

Отметим, что еще в период существования СССР, как отмечает В.П. Мохов, среди партийных работников получает распространение новая мода — защита кандидатских диссертаций. К 1990 г. среди секретарей райкомов, горкомов, окружкомов было 2,3 % работников, имевших ученую степень. Среди секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик таковых насчитывалось 24 % [Мохов, 2003: 185–186]. В составе ближайшего окружения Б.Н. Ельцина оказались известные ученые, общественные деятели. В высшей правящей элиты лица с учеными степенями составили 70,5 % (против 42,9 % в период правления М.С. Горбачева). В составе правительства того периода было 66,5 % лиц, имевших ученую степень. Партийно-политическая элита концентрировала около 62,9 % политиков с учеными степенями. Однако такая тенденция постепенно, особенно к третьему этапу рекрутирования, стала меняться. В частности, сегодня в составе правительства лица, имеющие ученую степень, составляют 37,5 %, тех, кого можно отнести к ученым, — 12,5 %, а преподавателей — только 9,3 %. В составе Государственной Думы таковых было соответственно 24,6, 6,4, 1,7 %. И только в составе Совете Федерации 50 % политиков, имеющих ученую степень, из них 4,7 % ученых и 5,2 % преподавателей (табл. 1).

Таблица 1

**Лица, имеющие ученую степень, научные работники
и преподаватели в составе элитных групп¹**

	Государствен- ная Дума, % (n=445)	Совет Федерации, % (n=170)	Администрация Президента, % (n=36)	Правитель- ство, % (n=32)
Преподаватели	2	5	3	9
Научные работники	6	5	19	13
Лица, имеющие ученую степень	25	50	33	38

В целом постепенный уход научно-педагогической интеллигенции из состава политической и административной элиты был неслучаен. Помимо отсутствия необходимых материальных ресурсов и связей, следует учитывать и несовместимость научной и политико-административной элитных групп. Достаточно верно, на наш взгляд, отметил эту дихотомию известный американский социолог Ч.Р. Миллс, писавший в своих работах, что статус ученого предполагает неразделенность жизни и работы. В связи с этим ученость — выбор того, как жить, и одновременно выбор карьеры. Интеллектуальный человек, как справедливо подчеркивал ученый, постоянно совершенствует свое мастерство [Миллс 1959: 107]. Конечно, нельзя не согласиться с Г. Селье в том, что ученому свойственна и такая черта, как тщеславие, стремление к признанию своих заслуг. Однако, как справедливо замечает автор, истинный исследователь весьма разборчив в отношении того, чьего признания он добивается и за счет чего ему хотелось бы стать знаменитым. Настоящий ученый не примет желанного признания ценой превращения в мелкого политика [Селье 1987: 168–169].

Приход в элиту новых социальных слоев и групп, трансформация прежних принципов номенклатурного отбора, отказ от необходимости прохождения всех номенклатурных стадий, привел на первом этапе рекрутирования элиты к значительному «омоложению» ее состава. При этом в составе различных групп политической элиты (как парламентской, так и элиты, представляющей исполнительную власть) появляются

¹ Подсчитано по: [Президент России; Правительство России; Государственная Дума; Совет Федерации].

политики моложе 30 лет. Средний возраст депутатов Государственной Думы составляет сегодня 52 года, а членов Правительства РФ — 48 лет¹. На региональном уровне в настоящее время, о чем уже говорилось выше, средний возраст деятелей, принадлежащих к различным сегментам политической элиты, равен 48–50 годам².

Отметим, что ещё в 1970–1980-е годы многие представители действовавшей тогда номенклатуры стали задумываться о политике «омоложения» кадров. Как свидетельствует бывший секретарь ЦК КПСС К.Ф. Катушев, работая в ЦК КПСС, ему приходилось выполнять поручения Л.И. Брежнева, у которого, по его словам, было намерение постепенно «омолаживать» состав руководства ЦК КПСС, привлекая в него секретарей обкомов с мест [Катушев 2010: 329]. Однако, как пишет он далее, намерениям Л.И. Брежнева не суждено было полностью осуществиться, так как ухудшилось его здоровье, а «старшие товарищи», члены Политбюро, ревниво следили за поведением «новопривлеченцев», и какое-либо их выступление в Политбюро или, более того, действие фактически рассматривались почти как покушение на прерогативы «старших товарищей» [Катушев 2010: 329].

В рамках рассматриваемого периода представители более молодых когорт в силу чинимых им препятствий также не всегда свободно могли попасть в состав административной элиты. Однако ввиду уменьшения различных фильтров этот процесс стал более динамичным, что и проявилось во втором и особенно третьем этапах политического рекрутирования.

В целом именно на первом этапе стали формироваться контуры модели рекрутирования политической элиты, которую условно можно определить как легально-корпоративную, причудливо сочетавшую в себе, о чем уже говорилось выше, черты, доставшиеся в наследство от легально-номенклатурной модели, и черты, сформировавшиеся в ходе модернизационных процессов, происходящих в современной России (подробнее см.: [Покатов, Антонова, Дыльева 2018: 420]).

---

¹ Подсчитано по: [Правительство России; Государственная Дума].

² Подсчитано по: [Официальный портал Правительства Саратовской области; Саратовская областная Дума; Волгоградская областная Дума; Кто есть кто в Саратовской области; Официальный портал Администрации Волгоградской области; Известные люди Юга России; Интернет-портал Самарской Губернской Думы].

Постепенно легально-корпоративная модель стала активно трансформироваться. Это особенно стало заметно на втором этапе рекрутирования элиты — «регулируемой ротации», начавшемся в 2000 г. и продолжавшемся до 2011 г.

В регионах стали проявляться такие ее формы, как старо- и неономенклатурные, во многом связанные с действовавшими в той или иной форме номенклатурными принципами отбора в элиту, а также корпоративно-профессиональная, ориентированная на отбор представителей, которые активно воплощали черты деполитизированной профессионально-политической прослойки и были выходцами из закрытого корпоративного сегмента, и кланово-профессиональная, представленная родоплеменными (тейповыми) или национально-земляческими образованиями, заинтересованными в пополнении элиты выходцами из таких же социальных слоев и групп.

При этом в данный период старо- и неономенклатурные модели рекрутирования политических элит, по сути, отодвигаются на второй и третий план. Резко снижается количество представителей старой советской номенклатуры в составе политической элиты в целом и региональной политической элиты в частности. Дело здесь не только в естественном процессе отмирания данной категории политиков, которым к началу 2000-х годов было 80 лет и более. Здесь нельзя не учитывать несовместимость их мировоззрения с новыми идеологическими постулатами, проповедуемыми представителями правящей элиты, а также ослабление имеющихся у них связей в высшем эшелоне власти. Как показал анализ биографий представителей политической элиты, в 2005–2008 гг. в ней осталось около 15,7 % выходцев из партийной и комсомольской среды. При этом в составе четвертой Государственной Думы к этой категории можно было отнести 14,5 % депутатов, а в пятой, избранной в декабре 2007 г., — 13 %. Среди сенаторов их доля составляла 19,6 %. К 2012 г. количество представителей бывшего господствующего класса в составе Государственной Думы РФ сократилось до 7,3 %, в Совете Федерации — до 4,2 %. В правительстве данная категория вообще отсутствовала¹.

На региональном уровне также наблюдалось резкое сокращение представителей бывшей номенклатурной элиты. Однако это зависело

---

¹ Подсчитано на основании биографий деятелей политической элиты, опубликованных в: [Мухин 2005; Вся Дума 2008; Щеголев 2007; 2009].

от региона. По данным, приведенным А.Е. Чириковой и В.Г. Ледяевым, в ряде регионов даже в начале 2000-х годов многие главы администраций рекрутировались почти в половине случаев (48,5 %) из председателей горисполкомов и райисполкомов, бывших первых секретарей (16,6 %). Традиционно большим оно было в бывших регионах «красного пояса». В Саратовской области этот показатель составлял 4 % партийных деятелей, занимавших видные номенклатурные должности. К ним добавлялись 4,9 % советских работников и 1,6 % политиков, начинавших свой трудовой путь в комсомоле [Чирикова, Ледяев 2017: 40–41].

При явном сокращении количества и влияния бывших номенклатурных работников пропорционально возрастали состав и влияние представителей административной элиты, прежде всего слоя так называемых «хозяйственников» и корпоративных кругов. Результаты авторского анализа 683 биографий представителей федеральной политико-административной элиты и 344 региональных политических деятелей, представляющих элиту трех регионов — Саратовской, Самарской и Волгоградской областей, в том числе 122 политических деятелей Саратовского региона, показали, что лидирующие позиции в составе политической элиты занимали хозяйственники и менеджеры (включающие бывших руководителей государственных предприятий ВПК и отчасти АПК, менеджеров фирм, работников федерального и регионального госаппарата), доля которых на федеральном уровне — 36,1 %. Даже по итогам прошедших 18 сентября 2016 г. выборов в Государственную Думу доля хозяйственников в ее составе равняется 28,8 %. На региональном уровне численность данной группы варьируется от 30 до 60 %. В Саратовской области в 1996 г. она составляла 55,2 %, а после избрания в 2005 г. губернатором Саратовской области П.Л. Ипатова увеличилась до 58,8 %. Сегодня данный показатель составляет в Саратовской области 42,6 %, в Самарской — 44,7 %, а в Волгоградской равняется 51,8 %¹.

Структурные изменения в экономике и социальной сфере привели к серьезной трансформации в этой категории политических деятелей. Она стала пополняться не только руководителями государственных

---

¹ Подсчитано по: [Официальный портал Правительства Саратовской области; Саратовская областная Дума; Волгоградская областная Дума; Кто есть кто в Саратовской области; Официальный портал Администрации Волгоградской области; Известные люди Юга России; Интернет-портал Самарской Губернской Думы].

промышленных и сельскохозяйственных предприятий (многие из которых в Саратовском регионе, о чем пойдет речь ниже, практически прекратили свое существование), но и негосударственных акционерных, совместных и частных предприятий, связанных с банковско-финансовым капиталом и сырьевым лобби. В составе, в частности, политической элиты Саратовской области находятся представители областной Торгово-промышленной палаты, руководители таких компаний, как ОАО «Газпромтрансгаз», ООО «Саратоворгсинтез», ООО НТЦ «Химинвест», ЗАО «Сарград», ОАО «Алмаз», АО «Саратовоблжилстрой», ТД «ТЦ-Поволжье» и многих других. Такая ситуация оказывается типичной не только для Поволжья, но и для многих других российских регионов. Так, рассматривая состав элиты Иркутской области, представленной в Законодательном собрании, авторы коллективной монографии «Законодательное собрание Иркутской области IV созыва: от назначения губернатора до проекта агломерации» отмечали, что 20 % ее состава представляют руководители крупных предприятий, 10 % — директора градообразующих предприятий. К их числу относятся такие крупнейшие комплексы, как ООО «Саянскимпласт», ЗАО «Илим ПАЛП Энтерпрайз», ОАО «СУАЛ-холдинг», иркутское представительство ЗАО «Ренова», ОАО «НПК «Иркут», ОАО Иркутскэнерго» и др. [Законодательное собрание... 2007: 41–45].

Как справедливо отмечает Я. Паппэ, после дефолта 1998 г. предприниматели и менеджеры из бизнес-структур стали активнее привлекаться на государственные должности как носители «некоего» важного опыта, навыков и технологий, которые не могут быть получены и освоены в процессе чисто административной карьеры, но тем не менее необходимы для успешной работы органов власти в условиях рыночной экономики [Паппэ 2005: 80].

Наметившаяся в 1990-е годы тенденция пополнения политической элиты в целом и региональной политической элиты в частности выходцами из бизнес-структур не только не преодолена, но и выступает в новом облики, серьезно видоизменяя облик самой элиты. Не случайно еще в XIX в. известный итальянский социолог В. Парето отмечал, что превалирование главным образом промышленных и коммерческих интересов пополняет правящий класс ловкими и хитрыми людьми со множеством инстинктов комбинаций и обедняет его в отношении гордых и твердых людей со множеством инстинктов сохранения агрегатов [Парето: 2008: 365].

Наряду с прослойкой «хозяйственников», начиная с конца 1990-х годов в составе обеих групп элит (как политической, так и административной) значительно выросло с 1 % в 1999 г. до 12 % в 2017 г. представительство «силовиков», включающих когорты армейских офицеров, офицеров ФСБ, правоохранительных органов и руководителей ВПК. В регионах этот показатель еще больше, например в Самарской области — 12,2 %. Лишь в Саратовской области он составляет сегодня 5,7 %. В ряде российских регионов, возглавляемых представителями «корпоративных кругов» (в том числе Волгоградской, Тульской, Ульяновской областях, Республиках Дагестан и Ингушетия и др.) он еще более увеличен.

Столь значительное продвижение «силовиков» на весьма видные позиции в составе политической элиты не могло не привлечь внимание исследователей, многие из которых связывают этот процесс с очевидным следствием прихода к власти В.В. Путина и имиджевыми преимуществами, которые имеют «люди в погонах» в условиях дисбаланса в социально-политической сфере [Туровский 2005: 146]. Однако, как представляется, не только эти обстоятельства детерминировали возрастание доли «силовиков» в элитных группах. Здесь, несомненно, свою роль сыграли и имеющиеся у них знания и опыт, а также общая усталость общества от неэффективных моделей управления, предлагавшихся представителями политической элиты 1990-х годов. Классик американской социологии Ч.Р. Миллс, оценивая присутствие военных и представителей корпоративных кругов в составе элитных групп, отмечал, что нет другой такой группы, которая имела бы подготовку, относящуюся одновременно к экономическим, политическим и военным делам; нет другой группы, которая имела бы такой длительный опыт, связанный с ответственными решениями; нет другой такой группы, которая, по его мнению, так охотно усваивала бы специальные знания других групп и с такой готовностью использовала бы эти знания в своем профессиональном деле [Миллс 1959: 273].

Тенденции увеличения различных прослоек административной элиты, напрямую связанные как с отходом в силу названных выше причин ряда социальных слоев от активной политической деятельности, так и предпринимаемыми представителями власти попытками усиления контроля за выборами, их отменой применительно к губернаторскому корпусу и затем введением процедуры избрания части депутатов по спискам, отразились и на закрепившихся в этот период карьерных стратегиях.

Доминировавший ранее административный карьерный тип стал существенно трансформироваться и дополняться новыми, выступившими основой для появления двух моделей политической карьеры современной политической элиты, которые условно, используя подход американского советолога К. Фармера, можно определить как «естественные» и «искусственные» [Farmer 1992: 3]. Первая, естественная, модель карьеры современного элитного деятеля, в наибольшей степени проявившаяся в 1990-е годы, включала в себя такие формы, как профессионально-личностную, в которой ведущее значение приобретали креативно-личностные характеристики, и административную, ориентированную на соответствие статусным показателям. Вторая, искусственная, модель, закрепившаяся в рамках следующего этапа рекрутирования, концентрировала командный и аутсайдерский (неспециализированный) тип.

Профессионально-личностный тип, характерный для естественной модели, был сравнительно инновационен и во многом связан с карьерой представителей молодежных возрастных когорт. Данный тип только зарождался в 1990-е годы и только начал проявлять себя в рамках второго этапа рекрутирования элиты.

Более типичной формой карьеры, относящейся также к естественной модели, является административная, которая включала в себя первоначально занятие какой-либо незначительной административно-управленческой должности, затем переход на более высокие позиции, вплоть до руководящих (директора предприятия, руководителя организации или учреждения) и, наконец, вхождение в состав административной и затем собственно политической элиты.

В целом постепенно закрепившиеся практики и механизмы рекрутирования политической и административно-корпоративной элиты подготовили переход к третьему этапу политического рекрутинга — «корпоративно-персонократической стабилизации», начавшемуся в 2011 г. и продолжающемуся в настоящее время. На данном этапе происходит изменение состава элитных групп, форм и механизмов рекрутирования и трансформируется характер политического рекрутинга.

Как и на предыдущем этапе, «регулируемой ротации» (2000–2011), практически не проявляли себя старо- и неономенклатурные типы элитного рекрутирования. Количество представителей бывшей партийной элиты снизилось до рекордно низкой отметки (для парламентской

элиты она равнялась 6,8 %, для федеральной элиты — 5,8 %, для региональной — от 1 до 4 % (применительно к регионам Среднего Поволжья)¹.

Из этнократической формы выделилась такая весьма специфическая разновидность, как семейно-клановая, при которой на второй план отступают как социально-политические, так и профессиональные составляющие, и принципы и первенствующее значение имеют родственные связи, как это происходит в некоторых регионах юга России.

Постепенно из двух конкурирующих прослоек политической элиты (политической и административно-корпоративной) на ведущие позиции выходит административно-корпоративная часть элиты. Позиции данной прослойки (где ведущими по-прежнему остаются «хозяйственники» и представители корпоративных кругов) особенно заметны в регионах, что отражает данные по трем областям Среднего и Нижнего Поволжья, представленные в таблице 2.

В целом сохранилось доминирование искусственной модели карьерного роста членов региональной элиты, включавшей как командную, так и аутсайдерскую (неспециализированную) разновидность. Естественный, профессионально-личностный тип был представлен весьма своеобразно только в некоторых регионах. В частности, в Саратовской области он проявился только после выборов сентября 2017 г., когда в состав областного парламента были избраны три оппозиционных политика, являющихся представителями молодежной возрастной группы (7 % от состава парламентской элиты региона)². Не лучше обстоят дела и в соседних регионах. В частности, в Волгоградской области только 8 % молодых политиков³.

В социально-демографическом плане продолжается тенденция «омоложения» состава элиты, которая связывается рядом авторов с наличием таких интегральных компонентов «пропуска» в элиту, как

---

¹ Подсчитано по: [Президент России; Правительство России; Государственная Дума; Совет Федерации; Официальный портал Правительства Саратовской области; Саратовская областная Дума; Волгоградская областная Дума; Кто есть кто в Саратовской области; Официальный портал Администрации Волгоградской области; Известные люди Юга России; Интернет-портал Самарской Губернской Думы].

² Подсчитано по: [Саратовская областная Дума].

³ Подсчитано по: [Волгоградская областная Дума].

личные качества, наличие ресурсов и проявление активности в соответствующей сфере [Кадровые резервы России 2007: 5]. К личным качествам были отнесены умение добиваться цели, ориентироваться в ситуации, создавать команду, коммуникабельность, внешность (обаяние), ум. К ресурсам относились престижное образование, наличие связей, финансы, среда обитания молодого человека, доступ к каналам массовой коммуникации (СМИ, культура) и т.д. Однако, как показы-

Таблица 2

**Социальная и профессиональная принадлежность
представителей региональной политической элиты
(в %, по социальной и профессиональной принадлежности)¹**

Элитный показатель	Саратовская область (n=122)	Самарская область (n=114)	Волгоградская область (n=108)
«хозяйственник»	43	45	52
представитель корпоративных кругов	6	12	10
представитель интеллигенции	26	28	23
Элитный показатель	Саратовская область (n=122)	Самарская область (n=114)	Волгоградская область (n=108)
представитель партийно-государственной номенклатуры	4	3	1
бывший комсомольский работник	2	5	4
бывший советский работник	5	3	2
современный партийный, профсоюзный или общественный деятель	7	11	11
работник исполнительных или законодательных институтов региональной власти	11	8	15

¹ Подсчитано по: [Официальный портал Правительства Саратовской области; Саратовская областная Дума; Волгоградская областная Дума; Кто есть кто в Саратовской области; Официальный портал Администрации Волгоградской области; Известные люди Юга России; Интернет-портал Самарской Губернской Думы].

вает политическая реальность, большие возможности имели те молодые политики, начавшие свою карьеру в силовых структурах (налоговой службе, милиции, ФСБ), продолжившие свою деятельность в какой-либо коммерческой фирме на должности директора (соучредителя) или другого топ-менеджера и лишь затем перешедшие в представительные органы власти или назначенные на какую-либо должность в исполнительных структурах власти региона или России [Кадровые резервы России... 2007: 5].

В результате число представителей молодого поколения в составе элиты было не так велико. К ним можно было отнести только 14,6 % от общего числа российских депутатов. На региональном уровне данный показатель ещё ниже. Так, в Саратовской области он составлял 9 %, в Самарской — 4,3 %, в Волгоградской — 7,4 % от общего числа представителей элиты¹.

В целом именно на третьем этапе принципиально меняется характер политического рекрутинга. Начавшись как процесс формально-свободной циркуляции двух разновидностей элит — политической и административной, он все больше превращается в корпоративно-персоналистическую ротацию элитных кадров. Это означает, что в первой все-таки еще сохраняются возможности для вертикальной условно-свободной смены статуса элитных групп и перехода политиков из одной группы в другую. В случае с ротацией происходит переход к контролируемому сверху перемещению административных кадров и минимизации в составе элиты лиц со стороны. При этом даже сохраняющийся выборный процесс не меняет общей тенденции. Тем более что постепенно, хотя и были восстановлены выборы, однако используемые представителями властной элиты фильтры для выдвижения кандидатов во многом делают крайне маловероятным приход (особенно в административную элиту) людей со стороны. Для того чтобы сохранить властное доминирование административно-корпоративной элиты, сосредоточившееся в рамках правящей партии «Единая Россия», с 2013 г. стали формироваться близкие ей по идеологии и основным принципам, но провозглашенные формально независимыми структуры Общероссийского народного фронта (ОНФ). Хотя его формирование и могло идти по разным моделям (от сохранения позиций представителей прежних элитных

---

¹ Подсчитано на основании биографий, опубликованных в: [Вся Дума 2012; Кто есть кто в Саратовской области; Известные люди юга России].

слоев и групп до включения некоторых формально независимых политиков), это мало что меняло. Так, состоявшиеся 8 сентября 2019 г. выборы в Московскую городскую Думу показали, что из 45 депутатов, избранных в ее состав 25 человек формально были заявлены как самовыдвиженцы, которые не стали рекламировать свою принадлежность к правящей партии власти. В ряде областей многие кандидаты идут на выборы как представители ОНФ, однако при этом формально сохраняют связи с «Единой России».

Постепенная трансформация процесса циркуляции элит в ротацию привела к формированию на третьем этапе рекрутирования, особенно на региональном уровне, своеобразного феномена **корпоративной персонократии**, олицетворяемой высшими чиновниками региона, прежде всего губернаторами, опирающимися на разветвленные сегменты бизнес-элиты. Сегодня в последней можно выделить целый ряд подгрупп, в том числе связанные с ведущими, эффективно работающими специализированными отраслями (добыча и переработка нефти и газа, ряд отраслей производства пищевых продуктов, включая табачные изделия, химическое производство, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования). Сюда же относятся некоторые финансово-промышленные группы, ведущие экспортно-импортные операции, и филиалы федеральных институтов. Некоторые представители этих групп могут перемещаться на следующий средний уровень, оказывающий важное воздействие на решения политической элиты региона. К нему же относятся и некогда влиятельные группы руководителей военно-промышленного комплекса, влиятельные лица ряда политических партий и общественных организаций и движений.

Однако на современном этапе именно первые лица корпоративной персонократии решают многие вопросы. Как показывают события последнего времени, появление их в регионе может происходить несколькими путями. Один из них — когда первые лица данной общности выдвигаются самими влиятельными сегментами бизнес-элиты. При этом сама бизнес-элита должна быть сплочена, что случается не так часто. Применительно к Саратовской области на протяжении многих лет наблюдается явное противостояние промышленного, банковско-финансового и аграрного лобби. При этом несовпадающие интересы данных составляющих бизнес-элиты приводят не только к конфликтам внутри данной группы, но и отражаются на ее взаимодействии с региональной властью. Очень часто оно сопровождается уже конфликтами между элитами. Как пра-

вило, представители политической элиты не всегда имеют достаточное влияние на различные сегменты бизнес-элиты, оказывающие поддержку тем или иным кандидатам на высшие посты в системе власти региона. Вместе с тем представители бизнес-сообщества не могут оказывать значительное влияние на региональную власть. В этих условиях представители федеральной элиты выбирают наиболее компромиссную фигуру, устраивающую ведущие общественно-политические силы региона. Как правило, продвижение такого политика обеспечивает влиятельное лицо из федеральной политической элиты. Формируется феномен патронократии, характерный для ряда российских регионов, в частности для Саратовской области.

Наконец, возможен третий сценарий развития событий в рамках корпоративной персонократии, когда в виду сложных социально-экономических, политических условий, а иногда и религиозной ситуации, этнических конфликтов назначается фигура, близкая к некоторым представителям федеральной политической элиты, но неизвестная в регионе. Именно так произошло в Республике Дагестан, когда в начале октября 2017 г. на пост главы региона был назначен руководитель фракции «Единой России» в Государственной Думе, бывший заместитель министра внутренних дел В. Васильев. Также в Орловской области на место ушедшего в отставку губернатора, члена КПрФ В. Потомского был назначен руководитель фракции КПрФ в Московской городской Думе А. Клычков.

* * *

Проведенное исследование позволяет говорить, что процесс рекрутирования политической элиты, начавшись в силу объективных цивилизационно-исторических и социально-политических факторов как процесс условной свободной циркуляции элитных групп, все больше трансформируется в корпоративно-персоналистическую ротацию элитных кадров, сближаясь с номенклатурными практиками, доминирующими в предшествовавший современному советский период. Изменить создавшееся положение может только существенная трансформация как профессионально-личностного потенциала элитных групп, используемых ими управленческих ориентаций и форм рекрутинга, а также в большей степени развитие структур гражданского общества, призванных осуществлять общественный контроль за институтами власти и их носителями.

Литература

Ашин Г.К. Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. 1998. № 3. С. 85–96.

Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М.: Изд-во ПРИОР, 1999.

Бухарин Н.И. Культурные задачи и борьба с бюрократизмом // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989.

Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // *Полития*. 2003. № 2. С. 126–149.

Законодательное собрание Иркутской области IV созыва в лицах: от назначения губернатора до проекта агломерации / под ред. М.М. Плотниковой. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2007.

Кадровые резервы России. Состав и особенности элитобразования / авт.-сост. А.Б. Шатилов, А.В. Юдельсон, С.В. Дойченко. М.: ЦПИ, 2007.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.

Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров-М, 2005.

Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 51–65.

Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше [1923] // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 45: Март 1922 — март 1923. С. 389–406.

Ленин В.И. Письмо В.М. Молотову о работе статистического и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б) от 14 февраля 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 44: Июнь 1921 — март 1922. С. 392–393.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1959.

Миллс Ч.Р. Интеллектуальное мастерство // *Социологические исследования*. 1994. № 1. С. 107–114.

Министры советской эпохи о времени, о соратниках, о себе / ред.-сост. В. П. Лысенко. 2-е изд., расш. М.: Патриот, 2010.

Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь: Пермское книж. изд-во, 2003.

Муренин К.П. Оставаясь собой. Саратов: Новый ветер, 2010.

Мухин А.А. Правители России: Старая площадь и Белый дом. М.: Алгоритм, 2005.

Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорельый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.

Пантэ Я. Отношения федеральной экономической элиты и власти в России в 2000–2004 годах: торможение в центре и новая и новая стратегия в регионах // *Региональная элита в современной России* / под общ. ред. Я. Фрухтманна. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. С.77–92.

Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2008.

Покатов Д.В. Политический рекрутинг в России (XX — начало XXI века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 19–23.

Покатов Д.В., Антонова О.Г. Дыльнова З.М. Рекрутирование региональной политической элиты: эволюция этапов, форм и карьерных стратегий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 419–425.

Политическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 2.

Понедельков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д.: СКАГС, 2010.

Селье Г. От мечты к открытию. Как стать ученым. М.: Прогресс, 1987.

Согомонов А.Ю. Тусовщество // Аспекты социальной теории и современного общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2000.

Тев Д.Б. Государственная Дума РФ шестого созыва: социально-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов // Власть и элиты. Т. 4 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 67–128.

Туровский Р. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональной элиты // Региональная элита в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005.

Чирикова А.Е., Ледеяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд-во, 2017.

Щеголев К.А. Кто есть кто в России. Законодательная власть. М.: Аст; Астрель, 2009.

Щеголев К.А. Кто есть кто в России. Исполнительная власть. М.: АСТ, 2007.

Endruweit G. Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluss von Eliten auf Entwicklungsprozesse. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 1986.

Farmer K.C. The Soviet Administrative Elite. New York: Praeger Publ., 1992.

Источники

Волгоградская областная Дума. Официальный сайт. URL: <http://volgoduma.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Вся Дума // Коммерсант-Власть. 2008. № 2. С. 61–88. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/843330> (дата обращения: 15.08.2019).

Вся Дума // Коммерсант-Власть. 2012. № 1–2. С. 47–78. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1849859> (дата обращения: 15.08.2019).

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2019).

Известные люди Юга России. Сайт. URL: <http://www.vipstav.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Кто есть кто в Саратовской области: интернет-энциклопедия о самых успешных и известных персонах региона. URL: <http://kto.delovoysaratov.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Интернет-портал Самарской Губернской Думы и представительных органов муниципальных образований в Самарской области. URL: <http://samgd.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Официальный портал Администрации Волгоградской области. URL: <https://www.volgograd.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Официальный портал Правительства Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Правительство России. Официальный сайт. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 10.09.2019).

Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 10.09.2019).

Саратовская областная Дума. URL: <https://srd.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2019).

RECRUITING OF MODERN RUSSIAN POLITICAL ELITE AS POLITICAL AND ADMINISTRATIVE-CORPORATE ELITE GROUPS ROTATION

D. V. Pokatov

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.5>

Abstract. *The paper analyzes the process of political elite recruiting peculiarities, the qualitative membership being the most important factor. The basic tendencies of this process, both on federal and regional levels are revealed. There tendencies are aimed at fixing political elite recruiting forms and practices. The author reveals and characterizes three basic forms of political recruiting: I — “formal free circulation” (1991–2000); II — “regulated rotation” (2001–2011); III — “corporate-personal stabilization” (2011 — up to now). One of the basic tendencies is considered, passing through all stages of political elite recruiting and determined by both objective and political conditions and socio-psychological factors, fixed by types of career practices — the transition from formally free circulation to a largely formal change in elite composition, rotation.*

Keywords: *political elite, administrative-corporate elite, recruiting, elite circulation, rotation, career, career practices.*

References

Ashin G. K. Formy rekrutirovaniya politicheskikh elit [Forms of recruitment of political elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [англ.], 1998, 3, pp. 85–96. (In Russian)

Ashin G. K., Ponedelkov A.V., Ignatov V. G., Starostin A. M. *Osnovy politicheskoy elitologii* [Fundamentals of political elite studies]. Moscow: PRIOR, 1999. (In Russian)

Bukharin N. I. Kul'turnye zadachi i bor'ba s byurokrazizmom [Cultural tasks and fight against bureaucracy]. In: Bukharin N.I. *Problemy teorii i praktiki socializma* [Problems of theory and practice of socialism]. Moscow: Politizdat, 1989. (In Russian)

Chirikova, A.E., Ledyayev, V.G. *Vlast' v malom rossijskom gorode* [The Power in the Small Russian Town]. Moscow: HES, 2017. (In Russian)

Duka A.V. Institucionalizatsiya politiko-administrativnoj elity v Sankt-Peterburge [Institutionalization of the political and administrative elite in St. Petersburg]. *Politeia*, 2003, 2, pp. 126–149. (In Russian)

Endrueit G. *Elite und Entwicklung: Theorie und Empirie zum Einfluss von Eliten auf Entwicklungsprozesse*. Frankfurt am Main; New York: P. Lang, 1986.

Farmer K.C. *The Soviet Administrative Elite*. New York: Praeger Publishers, 1992.

Kadrovye rezervy Rossii. Sostav i osobennosti elitoobrazovaniya [Personnel reserves of Russia. Composition and features of elite formation]. Ed. by A. B. Shatilov, A. V. Judelson, S. V. Boichenko. Moscow: CPI, 2007. (In Russian)

Kirdina S. G. *Institucional'nye matricy i razvitie Rossii* [Kirdina S. G. Institutional matrices and development of Russia]. Moscow: TEIS, 2000. (In Russian)

Kryshantovskaya O. V. Transformatsiya staroj nomenklatury v novuyu rossijskuyu ehlitu [Kryshantovskaya, O. V. Transformation of the Old Nomenclature in New Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1995, 4, pp. 51–65. (In Russian)

Kryshantovskaya, O.V. *Anatomiya rossijskoj ehliny* [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zaharov-M, 2005. (In Russian)

Lenin V.I. Luchshe men'she, da luchshe [1923] [Better less, but better]. In: Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works]: in 55 vol., vol. 45: *March 1922 — March 1923*. Moscow: Politizdat, 1970, pp. 389–406. (In Russian)

Lenin V.I. Pis'mo V.M. Molotovu o rabote statisticheskogo i uchethno-raspre-delitel'nogo otdelov TSK RKP(b) ot 14 fevralya 1922 g. [Letter to V.M. Molotov on the work of the statistical and accounting-distribution departments of the Central Committee of the RCP (b) Dated February 14, 1922]. In: Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works]: in 55 vol., vol. 44: *June 1921 March 1922*. Moscow: Politizdat, 1970, pp. 392–393. (In Russian)

Mills C. R. *Vlastvuyushchaya elita* [Power elite]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1959. (In Russian)

Mills C.R. Intellektual'noe masterstvo [Intellectual skill], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 1994, 1, pp. 107–114. (In Russian)

Ministry sovetской epohi o vremeni, o soratnikah, o sebe [Ministers of the Soviet era of the time, of colleagues, of themselves]. Ed. by V.P. Lysenko. 2nd exp. ed. Moscow: Patriot, 2010. (In Russian)

Mokhov, V.P. *Regional'naya politicheskaya ehhlita Rossii (1945–1991)* [Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. (In Russian)

Mukhin A.A. *Praviteli Rossii: Staraya ploshchad' i Belyy dom* [Rulers of Russia: Old Square and the White House] Moscow: Algoritm, 2005. (In Russian)

Murenin K. P. *Ostavayas' soboj* [Remaining the same]. Saratov: Novyj veter, 2010. (In Russian)

Noveyshiyy politologicheskii slovar' [The newest political science dictionary]. Ed. D.E. Burnt, V.Yu. Fesenko, K.V. Filippov. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. (In Russian)

Pappe Ya. Otnosheniya federal'noj ekonomicheskoy elity i vlasti v 2000–2004 godah [Relations between the Federal economic elite and the government in 2000–2004]. In: *Regional'naya elita v sovremennoj Rossii* [Regional elite in modern Russia]. Ed. by Ya. Frukhtmann. Moscow: Liberal Mission, 2005, pp. 77–92. (In Russian)

Pareto V. *Kompendium po obshchej sociologii* [Compendium on General sociology]. Moscow: HSE, 2008. (In Russian)

Pokatov D. V. Politicheskij rekrutiny v Rossii (XX — nachalo XXI veka) [Pokatov D. V. Political recruiting in Russia (XX — beginning of XXI century)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya* [News of the Saratov University. New series. Series Sociology. Political science], 2014, 14 (3), pp. 19–23. (In Russian)

Pokatov D.V., Antonova O.G. Dylnova Z.M. Rekrutirovanie regional'noj politicheskoy elity: evolyuciya etapov, form i kar'ernyh strategij [Recruitment of the regional political elite: the evolution of the stages, forms, and career strategies], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya* [News of the Saratov University. New series. Series Sociology. Political science], 2018, 18 (4), pp. 419–425. (In Russian)

Politicheskaya enciklopediya: v 2 t. [Political encyclopedia: in 2 vol.]. Moscow: Mysl', 1999. Vol. 2. (In Russian)

Ponedelkov A.V. *Politicheskaya nauka v ehhlitologicheskoy izmerenii* [Political science in elitist dimension]. Rostov na-Donu: SKAGS publ., 2010. (In Russian)

Selye G. *Ot mechty k otkrytiyu. Kak stat' uchenym* [From dream to discovery. How to become a scientist]. Moscow: Progress, 1987. (In Russian)

Shchegolev K. A. *Kto yest' kto v Rossii. Zakonodatel'naya vlast'* [Who is who in Russia. Legislative power]. Moscow: Ast; Astrel', 2009. (In Russian)

Shchegolev K.A. *Kto yest' kto v Rossii. Iсполnitel'naya vlast'* [Who is who in Russia. Executive power]. Moscow: AST, 2007. (In Russian)

Sogomonov A.Y. Tusobshchestvo [Party society]. In: *Aspekty social'noj teorii i sovremennoy obshchestva* [Aspects of social theory and modern society]. Moscow: IS RAS, 2000. (In Russian)

Тев D.B. Gosudarstvennaya Duma RF shestogo sozyva: social'no-professional'nye harakteristiki bassejna rekrutirovaniya deputatov [The State Duma of the sixth convocation: socio-professional characteristics of the recruiting pool of deputies]. *Vlast' i elity* [Power and elite]. Vol. 4. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2017, pp. 67–128. (In Russian)

Turovsky R. *Vlast' i biznes v regionah Rossii: sovremennyye processy obnovleniya regional'noj elity* [Power and business in the regions of Russia: modern processes of renewal of the regional elite]. Moscow: Liberal'naya missiya, 2005. (In Russian)

Zakonodatel'noe sobranie Irkutskoj oblasti IV sozyva v licah: ot naznacheniya gubernatora do proekta aglomeracii [Legislative Assembly of the Irkutsk Region of the IV Convocation in Persons: from Appointment of the Governor to the Project of Agglomeration]. Ed. by M.M. Plotnikova. Irkutsk: Irkutsk State University, 2007. (In Russian)

КАРЬЕРА ПОСЛЕ УХОДА ИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ¹

Д.Б. Тев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.6>

Аннотация. *Анализируется постправительственная карьера членов правительства России. Эмпирической основой исследования послужила база данных, включающая биографические анкеты 221 члена постсоветских (действовавших с ноября 1991 г.) правительств России, которые по состоянию на август 2017 г. хотя бы однажды выбыли из высшего органа исполнительной власти. Были выявлены основные институциональные каналы, в рамках которых проходит постправительственная карьера. Важнейшим местом работы членов правительства сразу после ухода с должности являются административные структуры. Большинство бывших деятелей правительства работали в коммерческих организациях, но переходы в бизнес носят в основном косвенный характер. Менее значимым каналом постправительственной карьеры служат представительные органы (прежде всего Государственная Дума), а также учреждения образования и науки. В целом большинство членов правительства после отставки в то или иное время занимали такие позиции, которые позволяют отнести их к элитам разного уровня (федеральной, региональной и пр.) и функциональной специализации (административной, экономической, политической и пр.), что говорит об определенной устойчивости членства в элите. Особенности постправительственной карьеры обсуждаются в связи с характеристиками экономического и политического устройства России («кумовской капитализм», слабость парламента и пр.).*

Ключевые слова: *правительство, постправительственная карьера, элита, бизнес, администрация, парламент.*

Постправительственная карьера и вообще карьера после ухода с элитной должности — значимый предмет исследования по ряду причин. Во-первых, ее важно изучать потому, что полностью оценить роль правительственной или иной позиции в карьере (является ли она ее вершиной, трамплином и пр.) возможно лишь в ретроспективе [Stolz, Kintz 2014: 3], только если знать, какие позиции следовали за ней. Во-

---

¹ Статья представляет собой дополненную и переработанную версию материала, опубликованного в журнале «Мир России» [Тев 2019].

вторых, ее анализ нужен для прояснения вопроса об устойчивости членства в элите: влечет ли за собой уход из правительства выпадение из властной элиты вообще либо переход в элитные группы иной функциональной специализации или уровня? В-третьих, исследование постправительственной карьеры необходимо для оценки степени межфракционной элитной интеграции, одним из показателей которой могут выступать переходы членов правительства в другие властные группы, создающие динамические переплетения различных элит. Вообще, как отмечает У. Хоффман-Ланге [Hoffmann-Lange 2018: 63], «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций», служат важным показателем элитной интеграции. В-четвертых, знание карьеры правительственного деятеля после отставки позволяет лучше понять его поведение в период осуществления полномочий. Это связано с тем, что перспективы возможной будущей занятости способны влиять на поведение представителей публичной власти, которые могут приспосабливать свою политику к интересам потенциального работодателя (подробнее см., например: [Prewitt, Nowlin 1969: 306; Cohen 1986; Samuels 2003: 134–156]). Наконец, исследование постправительственных карьер способствует выявлению особенностей данной общественно-политической системы (в частности, характера взаимоотношений правительства с парламентом, бизнесом и другими институтами), отражением и закреплением которых в некоторой степени являются элитные карьерные траектории.

Несмотря на важность указанной темы, исследований карьеры после ухода с элитной должности до недавнего времени было немного, особенно в сравнении с работами, посвященными карьере властных персон перед вхождением в такую должность. Отмечалось, что «роль бывших лидеров является забытой проблемой в изучении политических и правительственных лидеров и лидерства. Эмпирически гораздо больше известно о происхождении, паттернах рекрутирования и маршрутах к высокой должности политических и правительственных лидеров, чем об их “выходах” и о том, что они делают после ухода с должности» [Theakston, Vries 2012: 1]. Как писал Дж. Кин, вопрос о судьбе бывших должностных лиц оказывается «недостаточно теоретизированным, недостаточно исследованным и недооцененным» [Keane 2009: 282–283]. Возможно, это связано с определенными трудностями, возникающими при ее изучении: информация о ней нередко фрагментарна, и, кроме

того, отсутствует predetermined конечная точка, до которой следует изучать «посткарьеру» (нужно ли учитывать только первую должность после отставки или весь карьерный путь вплоть до ухода на пенсию или смерти) [Stolz, Kintz 2014: 5–6]. Тем не менее за рубежом, прежде всего в странах Запада, исследовались карьеры бывших глав государств и правительств [Theakston 2012; Baturо, Mikhaylov 2016], парламентариев [Herrick, Nixon 1996; Diermeier, Keane, Merlo 2005; Kim 2013; Parker, Parker, Dabros 2013; Claessen, Bailer 2015; Baturо, Arlow 2017; Samuels 2003: 58–75; Santos, Pegurier 2011: 177, 181], региональных министров [Stolz, Fischer 2014] и пр.

Ряд работ полностью или частично посвящен карьере после ухода из общенационального правительства, причем ее изучение стало более интенсивным в последние годы. Чаще всего исследовалась постправительственная карьера членов кабинета США. Одна из ранних работ, в которых затрагивается эта тема, принадлежит П. Фрейтагу [Freitag 1975]. Он проанализировал переплетения Кабинета США (с 1897 по 1973 г.) и крупного бизнеса и выявил высокую степень обмена персоналом между ними, поставив под сомнение утверждение плюралистов о существовании в стране разделенной и неинтегрированной элиты. В частности, было показано, что более половины членов кабинета занимали после ухода из него элитные позиции в бизнесе (в том числе, почти 40 % сразу после отставки). Позднее К. Николс [Nicholls 1991] исследовал карьеру после ухода с должности 237 членов кабинетов США, первоначально назначенных новоизбранными президентами, от Дж. Вашингтона до Р. Рейгана, различая непосредственное занятие и общую карьеру. Было выявлено, что сразу после отставки они чаще всего получают должности в правительстве и политике, реже занимаются частной юридической практикой и работают в бизнесе. Но если говорить об общей карьере, то значение бизнеса существенно повышается, а роль правительства и политики снижается, поскольку многие члены кабинета, которые сразу после отставки работают в государственном секторе, остаются там недолго, переходя в бизнес. Кроме того, существует историческая тенденция роста значимости занятости в бизнесе в карьере после ухода из кабинета. Наконец, Э Беннетт [Bennett 1996] изучал род занятий членов кабинетов США от Дж. Кеннеди до Дж. Буша (1961–1993 гг.) непосредственно после ухода из него и установил, что в целом за весь период (при значительной вариативности при разных президентах) бизнес (commerce and finance) был важнейшим родом их

занятий: в эту сферу перешло больше всего правительственных чиновников. Также бывшие члены кабинета часто занимали невыборные политические посты и реже работали в академической сфере и юриспруденции, в то же время лишь двое сразу после ухода из правительства заняли выборные политические должности.

К. Штольц и М. Кинц сравнили постправительственные карьеры в США (кабинет Б. Клинтона) и Великобритании (кабинет Дж. Мейджора) [Stolz, Kintz 2014]. Хотя в обеих странах правительственный пост является для большинства министров вершиной политической карьеры, постминистерские карьеры существенно различаются. В Великобритании почти все министры сохранили позиции в политической сфере (в основном в парламенте) сразу после отставки, тогда как в США этого нельзя сказать ни об одном члене правительства и впоследствии лишь немногие американские министры занимали политические посты (причем ни один не входил в состав легислатуры). При этом в обеих странах позиции в бизнесе являются важной частью постправительственной карьеры. Различия в карьерных траекториях объясняются фундаментальными расхождениями в институциональной структуре возможностей для профессиональной политики в этих странах, включая систему правления, структуру государства, степень политизации высшей администрации, значимость политических партий в политическом процессе и престижность постов в кабинете.

В последние годы появились две работы, в которых в той или иной мере освещаются постминистерские карьеры в отдельно взятых странах Западной Европы. Н. Дорренбахер [Dörrenbacher 2016] изучала постправительственные карьеры министров и канцлеров ФРГ, покинувших правительство в период с 1949 до 2014 г. Прежде всего ее интересовало, в какой степени бывшие члены правительства проходят через так называемую «вращающуюся дверь», начиная вторую карьеру в частном секторе, и какие факторы повышают вероятность такой карьеры. Анализ показал, что работа в частном секторе (на руководящих должностях в крупных компаниях, группах интересов, лоббистских фирмах, банках и пр.) — второй по распространенности тип постправительственной карьеры, уступающий только работе на политических постах (в партийном аппарате, парламенте). Вторая карьера в частном секторе наиболее типична для членов кабинета ФРГ, получивших образование, связанное с бизнесом, пришедших в правительство из частного сектора и возглавлявших министерства с большими лоббистскими контак-

тами, и, кроме того, ее распространенность существенно возросла с 1980-х годов. В свою очередь, другие исследователи [Costa Pinto, Tavares de Almeida 2017] затрагивают вопрос о постправительственной карьере португальских министров, занимавших посты в период с 1976 по 2015 г. Они также показали, что хотя политика — важнейший род их занятий (почти половина бывших экс-министров были депутатами парламента и партийными лидерами), важную роль играет и бизнес (почти 30 % работали в частных компаниях и 12 % — в частных банках). Причем наблюдаются различия с точки зрения постправительственной карьеры между министрами-политиками и министрами-экспертами.

Кроме того, есть работы, в которых анализируются карьеры бывших министров не в одной или двух, а в большой группе развитых капиталистических стран. Ж. Блондель изучал постминистерскую карьеру в 14 западноевропейских демократиях, выделив ее четыре основных типа [Blondel 1991]. Немногие министры сразу после отставки уходят на пенсию. Почти треть министров после ухода с должности являются только парламентариями. При этом, хотя в большинстве стран большинство экс-министров оказываются в парламенте, в целом лишь меньшинство остается в легислатуре на длительный срок и не ищет другую работу. Чуть менее трети министров возвращается к своей прежней работе: преподаванию, юриспруденции, гражданской службе. Наконец, треть министров начинает новую карьеру на частных предприятиях, в государственном секторе или международных организациях. Распространенность разных типов карьеры сильно варьируется по странам. Еще одно исследование [Claveria, Verge 2015] было посвящено постминистерской занятости в 23 промышленно развитых демократиях. Было показано, что наиболее популярное занятие бывших министров — политика, за ней следуют переназначения в правительство и работа в бизнесе. В меньшей степени они получали позиции на международной арене и очень редко возвращались к своей предыдущей работе. Авторы отмечали, что карьерные траектории после ухода с должности формируются не только ресурсами политического капитала, которыми обладают министры (старшинство, партийный пост, политическая компетентность, тип министерской должности), но и специфической для каждой страны комбинацией институциональных факторов. Большое значение имеет тип министерского рекрутирования: при генералистских системах бывшие министры с большей вероятностью работают в политике, а при специалистских — заняты в бизнесе или возвращаются к предыдущей работе.

В общем исследовании постправительственной карьеры в развитых капиталистических демократиях показали, что она зависит от институциональных факторов и политических ресурсов, которыми обладают министры, существенно варьируется по странам и что при всей значимости политической сферы (в Европе прежде всего парламента) как ее канала важную роль играют и другие структуры, в первую очередь и особенно в США, бизнес.

Что касается России, то существуют работы, посвященные исследованию «посткарьеры» заместителей министров [Huskey 2010b], губернаторов [Судьбы бывших глав... 2012], высокопоставленных региональных администраторов [Тев 2015] и депутатов Госдумы [Тев 2018]. Судьба представителей советской и постсоветской политической элиты после отставки, включая членов правительств Е.Т. Гайдара, В.С. Черномырдина и Е.М. Примакова, анализируется О. Крыштановской и С. Уайтом [Kryshstanovskaya, White 2005]. Они показали, что отставные члены правительства, в частности, становились депутатами разных уровней, а также государственными служащими с понижением статуса, руководили государственными и частными предприятиями, фондами и ассоциациями, возвращались к своей прежней профессии. Были выделены типы отставок чиновников, такие как полная эскорпация (выход из элиты), частичная эскорпация (переход в экз-элитную зону) и циркуляция в элите [Kryshstanovskaya, White 2005: 211–217]. Вопрос о карьере после ухода из федерального правительства также затрагивается в статье Е. Семеновой [Semenova 2011: 921–922]. Она отмечает, что более трети бывших министров не занимали политических постов, примерно одна пятая перешла на другие правительственные административные должности в Москве, но большая часть переместилась на позиции в бизнесе или вернулась на государственные предприятия. Несмотря на то что результаты этих исследований представляют несомненный интерес, необходим более тщательный и развернутый анализ постправительственной карьеры за весь постсоветский период.

С этой целью была создана биографическая база данных, включившая всех членов¹ постсоветских, т.е. действовавших с 6 ноября 1991 г.,

---

¹ В исследуемую совокупность не включались должностные лица, которые не были членами правительства РФ, но были наделены рангом (статусом, правами) федерального министра или заместителя председателя правительства.

правительств РФ¹, которые по состоянию на август 2017 г. хотя бы однажды выбыли из этого органа, кроме двух категорий должностных лиц. Во-первых, председателей правительств республик в составе РФ, входивших до декабря 1993 г. в высший орган федеральной исполнительной власти. Во-вторых, в анализ были включены только «полноправные» министры, но не вошли персоны, которые не были утверждены в этой должности, но лишь (временно) исполняли соответствующие обязанности, нередко оставаясь в должности заместителя министра и иногда сохраняя ее после прекращения их исполнения. Нужно отметить, что правительственные должности, которые занимали включенные в базу данных персоны, довольно разнообразны: это не только председатели правительства, вице-премьеры и федеральные министры, но и (до декабря 1993 г.) председатели государственных комитетов, а также председатели Российского фонда федерального имущества, Пенсионного фонда России и Центрального банка России, которые в 1993 г., согласно указу президента, входили в состав правительства.

На каждую из вошедших в базу данных властных персон была заведена биографическая анкета, содержащая, в частности, информацию о дате и месте рождения, типе и месте получения высшего образования, карьерном пути как до вхождения в правительство, так и после выбытия из него. В качестве источников биографической информации использовались сайты органов государственной власти, коммерческих организаций, бюджетных учреждений и иных структур, отчеты компаний, материалы СМИ, биографические интернет-порталы (*vipperson.ru*, *lobbying.ru* и пр.).

В исследовании под постправительственной карьерой обычно понималась карьера после выбытия из состава правительства в связи с уходом с соответствующей должности (премьер-министра, вице-преьера, министра и пр.). Однако ряд должностных лиц, включенных в исследуемую совокупность, выбыли из правительства раньше, чем покинули должность во главе соответствующего ведомства. Это прежде всего, относится к председателям государственных комитетов РФ, которые после принятия Конституции 1993 г. были исключены из состава правительства. В таких случаях исследовалась карьера после ухода

---

¹ Сведения о составах правительств см.: [Составы правительств с 1990 по 1998... 2011; Составы правительств... 2011].

с той должности (например, председателя госкомитета), пребывание на которой обеспечило в прошлом членство в правительстве. Кроме того, некоторые персоны неоднократно, но с перерывом входили в правительство и неоднократно покидали его, поэтому, как показывает таблица 1, число выбытий (и постправительственных карьерных траекторий), а соответственно и N при всех подсчетах больше, чем количество персон, включенных в биографическую базу данных.

Таблица 1

Характеристики исследуемой совокупности

Число членов правительства РФ, которые хотя бы однажды выбывали из него (по состоянию на август 2017 г.)	221
Число выбытий из правительства РФ (по состоянию на август 2017 г.)	245

При исследовании постправительственной карьеры использовались два показателя. Во-первых, наличие опыта работы в той или иной сфере на протяжении всего известного на момент сбор биографической информации карьерного пути после ухода с правительственной должности. Во-вторых, первое известное¹ место работы после ухода с этой должности, которое может в наибольшей мере определяться связанными с ней ресурсами и возможностями. В ходе исследования были рассмотрены основные институциональные каналы, в рамках которых проходит постправительственная карьера.

КАРЬЕРА В АДМИНИСТРАТИВНЫХ СТРУКТУРАХ ПОСЛЕ УХОДА ИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Административные органы (к ним относятся президент² и его администрация, органы исполнительной власти разного уровня (и обеспечивающие их деятельность государственные органы), включая местные администрации) являются не только важнейшим источником рекрути-

---

¹ В некоторых случаях есть более или менее существенный временной разрыв между выбытием из правительства и первой постправительственной позицией, сведения о которой удалось обнаружить, что может быть связано с неполнотой доступной биографической информации.

² Для В.В. Путина и Д.А. Медведева правительственная должность стала трамплином к посту Президента РФ.

рования правительственных деятелей (большинство имело предшествующий опыт работы в них), но, как показывает таблица 2, также служат одним из основных каналов карьеры после выбытия из правительства.

1

Таблица 2

Опыт работы в административных органах после ухода из правительства РФ, в % (N=245)

Уровень администрации	Наличие опыта работы	Первое известное место работы
Федеральная	55	45
Региональная	10	3
Местная	0	0
Всего	58	48

Как видим, более половины членов правительства работали в таких структурах после ухода из него. Причем административные органы были важнейшим первым известным местом работы правительственных деятелей после отставки. Преимущественно речь идет о занятости в органах федерального уровня. Здесь нужно обратить внимание на ряд моментов.

Во-первых, в некоторых случаях (примерно в 12 %) бывшие члены правительства после перерыва, иногда очень краткого, возвращались в него, занимая ту же или иную должность. Это происходило обычно в связи со сменой правительства.

Во-вторых, довольно распространен опыт работы бывших правительственных деятелей в федеральных органах исполнительной власти на различных должностях, обладатели которых не являются членами правительства. Они, в частности, становились заместителями министров, председателями государственных комитетов, руководителями федеральных служб и агентств. Одной из причин таких поворотов в карьере могла быть реорганизация органов исполнительной власти (например, упразднение или слияние министерств, преобразование их в государственные комитеты или федеральные агентства). В этих обстоятельствах бывший министр мог перейти на пост заместителя

---

¹ Эта цифра меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку одна и та же персона может иметь опыт работы на различных уровнях администрации.

министра вновь образованного объединенного министерства или председателя комитета (агентства), созданного на базе упраздненного министерства. Кроме того, в некоторых случаях бывшие члены правительства работали в системе Министерства иностранных дел в качестве послов, генеральных консулов, представителей РФ при международных организациях и пр. Иногда они становились советниками или помощниками председателя правительства или его заместителей, а также федеральных министров и руководителей федеральных служб и агентств, в том числе на общественных началах. Роль этих постов в постправительственной карьере могла быть различной. Они могли быть, в частности, и своего рода почетной пенсией (в ряде случаев бывшие министры становились советниками в пожилом возрасте), и кратковременной занятостью, дающей возможность бывшим членам правительства передохнуть, осмотреться и найти новую, более привлекательную работу.

В-третьих, довольно распространен постправительственный опыт работы в Администрации Президента РФ.

Таблица 3

Опыт работы в Администрации Президента РФ после ухода из правительства, в % (N=245)

Наличие опыта работы	Первое известное место работы
24	18

Как показывает таблица 3, почти в четверти случаев бывшие члены правительства работали в администрации президента, причем обычно сразу после отставки. Многие оказывались там на ключевых должностях, таких как руководитель администрации и его заместитель, начальник управления, полномочный представитель в федеральном округе, советник или помощник президента и пр. Вообще наличие в России очень влиятельной и довольно многочисленной президентской бюрократии расширяет возможности для административной карьеры после ухода из правительства. Ключевые должности в администрации президента дают их обладателям значительную власть (например, в рейтинге 100 ведущих политиков РФ за декабрь 2017 г. среди 20 персон, обладающих очень сильным влиянием, было 4 члена правительства, но 5 чиновников администрации президента) [Орлов 2017] и щедро вознаграждаются [Сотрудники администрации...2012; Иваницкая 2013;

Галимова, Орехин 2015, Доходы первых лиц ... 2015]. Надо сказать, что заметная часть членов правительства работала в администрации президента и до вхождения в него, причем среди тех правительственных деятелей, которые были заняты в администрации президента после отставки, предправительственный опыт работы в ней более распространен, чем во всей исследуемой совокупности. Среди факторов, способствующих переходам из правительства в администрацию президента (и обратно), следует назвать рокировку президента и премьер-министра РФ в 2012 г., повлекшую соответствующее движение кадров. Так, в мае 2012, после того как пост президента вновь занял В.В. Путин, а Д.А. Медведев перешел на должность председателя правительства, сразу пять отставных членов правительства были назначены помощниками президента, а один стал его советником [Пять экс-министров... 2012]. Двухстороннее движение кадров между правительством и администрацией президента должно усиливать сплоченность этих двух сегментов федеральной административной власти и элиты.

В целом мы видим, что хотя некоторые административные посты (например, советников), которые получали бывшие члены правительства, могли быть скорее синекурами, довольно существенная их часть занимала ключевые должности в федеральных органах исполнительной власти и Администрации Президента РФ. Почти в 40 % случаев постправительственная карьера включала работу на должностях, обладателей которых можно отнести к федеральной административной элите (подробнее о ее составе см. в: [Тев 2016a]). Так что уход из правительства далеко не всегда означал выпадение из этой элиты, конец элитной карьеры в федеральной администрации.

Говоря о работе отставных членов правительства в администрациях регионального и местного уровня, надо отметить, что в некоторых государствах, например во Франции, такие переходы довольно распространены, но для большинства развитых стран они не характерны [Blondel 1991: 167]. Что касается России, то в местных администрациях не работал ни один бывший член федерального правительства, но, как показывает таблица 2, некоторые занимали посты в органах исполнительной власти регионального уровня, в том числе сразу после отставки (кстати, региональные администрации выступают и значимым каналом рекрутирования правительственных деятелей). Вообще в России как многосубъектном федеративном государстве с довольно развитой региональной бюрократией позиции высокопоставленных региональ-

ных администраторов многочисленны и в этом смысле сравнительно доступны. Однако подавляющее большинство их в плане значимости и выгод сильно уступают посту федерального министра и, вероятно, непривлекательны для бывших членов правительства. В этой связи показательно, что отставные члены правительства в сравнении с бывшими депутатами ГД [Тев 2018: 113] существенно реже работали в региональных органах исполнительной власти (соответственно 10 и 17 %). Какие должности они занимали? Прежде всего это пост главы (губернатора) региона; 11 отставных членов правительства имели опыт работы на такой должности (причем у пятерых она была первой после отставки). Среди них есть как избранные населением, так и назначенные главы субъектов РФ.

Должность губернатора прежде всего крупного региона может быть привлекательна для бывшего или даже действующего члена федерального правительства, поскольку довольно влиятельна, престижна и высокооплачиваема. Главы крупнейших регионов РФ, по своей значимости, сопоставимы по крайней мере с некоторыми федеральными министрами (так, в рейтинге 100 ведущих политиков РФ в декабре 2017 г. мэр Москвы С.С. Собянин опережал большинство членов федерального правительства, а губернаторы Санкт-Петербурга и Московской области, соответственно Г.С. Полтавченко и А.Ю. Воробьев, стояли выше некоторых министров) [Орлов 2017]. Такие крупнейшие по населению субъекты федерации, как города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область и Краснодарский край в разное время возглавляли или ныне возглавляют бывшие члены правительства РФ. Следует отметить, что одним из факторов рекрутирования деятелей федерального правительства (как и администрации президента) на посты губернаторов может выступать заинтересованность и стремление главы государства к кому, чтобы важными регионами руководили люди, лично ему знакомые и пользующиеся его доверием.

Такое рекрутирование может быть формой выражения и способом контроля федеральной власти над региональной. Вместе с тем региональная элита и население могут быть также в определенной мере заинтересованы в том, чтобы губернатором был государственный деятель, обладающий связями и лоббистскими возможностями в органах федеральной власти. Но следует отметить, что в большинстве (6 из 11) случаев бывшие члены правительства становились главами тех регио-

нов, с которыми были связаны по своей работе, предшествующей вхождению в высший орган исполнительной власти, занимая довольно высокие должности, например первого секретаря обкома, заместителя председателя исполкома, губернатора, председателя Законодательного собрания, начальника железной дороги, депутата Верховного совета СССР или РФ, а также депутата Государственной Думы (далее — ГД) от региона. Так что известность, авторитет и связи в регионе, как и связи в федеральной элите, могут способствовать рекрутированию бывших или действующих членов правительства на пост губернатора. Впрочем, иногда отставные деятели правительства занимали в региональных администрациях и более низкие должности — заместителя губернатора, советника главы региона и прочие, что уже можно рассматривать в качестве явного карьерного спада, разумеется, относительно правительственной должности, но необязательно позиции, непосредственно предшествующей вхождению в региональную администрацию.

БЫВШИЕ ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА: ОПЫТ РАБОТЫ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Значительная часть членов правительства, как показывает таблица 4, имела после отставки опыт работы в органах представительной власти РФ.

Таблица 4

Опыт работы в представительных органах после ухода из правительства РФ, в % (N=245)

Представительные органы	Наличие опыта работы	Первое известное место работы
Федеральное собрание	27	8
в том числе:		
Государственная Дума	19	5
Совет Федерации	11	3
Законодательные собрания субъектов РФ	3	0
Местные легислатуры	1	0

Как видим, очень немногие работали в региональных или местных легислатурах (причем значительная часть тех, кто в них состоял, избирались в эти органы только для того, чтобы попасть в Совет Феде-

рации — СФ). Однако довольно существенная доля имела после ухода из правительства опыт членства в Федеральном собрании (ФС), особенно его нижней палате — ГД. Впрочем, лишь у немногих членов правительства парламентская позиция была первой известной после отставки, хотя целый ряд других вошел в парламент спустя лишь короткое время после ухода из правительства. Причем что касается работы в ГД, то видна определенная историческая динамика. В частности, члены правительства, покинувшие его в 1990-е годы, в период правления Б.Н. Ельцина, чаще имеют постправительственный опыт работы в ней (причем, за несколькими исключениями, были впервые после ухода с должности избраны туда именно в 1990-е годы), чем их коллеги, ушедшие в отставку в 2000–2010-е годы. Следует отметить, что бывшие и действующие члены правительства избирались в ГД как по спискам, так и по округам, от разных общественно-политических объединений, причем некоторые сами возглавляли такие структуры¹. Что касается членства в СФ, то бывшие и действующие члены правительства были в основном делегированы туда в 2000-е годы, что неудивительно, так как во второй половине 1990-х СФ формировался из глав региональной исполнительной и законодательной властей. Однако ряд правительственных деятелей вошли в верхнюю палату еще в 1990-е годы, как по должности, став губернаторами или спикерами Законодательного собрания, так и в качестве депутатов первого созыва 1993–1995 гг. Наконец, надо сказать, что некоторые бывшие члены правительства сделали довольно длительную законодательную карьеру, в частности каждый десятый заседал более чем в одном созыве ГД, а 3 % входили в ГД в течение 10 и более лет.

Если, однако, смотреть в сравнительной международной перспективе, то видно, что бывшие члены российского правительства оказываются в парламенте значительно реже, чем их коллеги из большинства европейских стран [Blondel 1991: 162–166; Stolz, Kintz 2014]. Значимость парламента как канала постправительственной карьеры может быть отчасти связана со степенью распространенности членства в нем до назначения на правительственный пост, а также в период работы в правительстве. Действительно, среди членов правительства, имеющих

---

¹ У ряда деятелей, таких как С.В. Кириенко, Б.Е. Немцов, Е.М. Примаков, Б.Г. Федоров, В.С. Черномырдин, руководство общественно-политической организацией было первой известной работой после отставки.

постправительственный опыт работы в ГД и ФС в целом, соответствующий предправительственный опыт более распространен, чем во всей исследуемой совокупности. Однако в сравнении с Европой [De Winter 1991: 47–53; Dowding, Dumont 2009; Semenova 2017: 181] в России члены правительства довольно редко имеют предшествующий парламентский опыт, будучи в основном выходцами с государственной службы, причем роль законодательной власти как поставщика министров снижается [Semenova 2015: 146–148; Huskey 2010a: 365–366]. По данным нынешнего исследования, только в 10 % случаев члены правительства имели предшествующий вхождению в него опыт работы в ГД, а 15 % — в ФС в целом. Если к этим цифрам добавить тех, кто был народным депутатом РФ в 1990–1993 гг., то доля возрастет до 21 %, а если учесть и тех, кто был народным депутатом СССР в 1989–1991 гг., то она составит 27 %. Сравнительно слабая распространенность предшествующего парламентского опыта среди членов правительства РФ отчасти может быть связана с особенностями формы правления. Некоторые зарубежные исследования показывают, что в президентских и полупрезидентских системах, где президент независим с точки зрения своей должности от законодательной власти, обладает прямой народной легитимностью и относительно широкой свободой в назначении членов правительства, вероятность рекрутирования министров, не имеющих политического (партийного и парламентского) опыта выше, чем в парламентских системах [Costa Pinto, Cotta, Tavares de Almeida 2017: 9–10]. Россия, в отличие от многих европейских стран, не является парламентской демократией. Фактически для нынешней политической системы РФ характерна сверхконцентрация власти в руках президента, слабый парламент — Федеральное Собрание (см.: [Fish, Kroenig 2009: 560–565]), который с 2000-х годов подконтролен главе государства, и отсутствие парламентской ответственности правительства [Зазнаев 2006: 18; 2007: 153–154]. В этом смысле неудивительно, что в противоположность многим европейским странам, где большинство министров имеют предшествующий вхождению в правительство опыт работы в парламенте, в России только меньшинство членов правительства были прямыми или косвенными выходцами из национальной законодательной власти. Кроме того, нужно отметить, что в современной России совмещение правительственного поста с депутатским мандатом, распространенное и даже обязательное в ряде стран Европы с парламентской формой правления (например, в Великобритании), не допускается. Все эти факторы могут снижать вероятность

того, что после отставки члены правительства окажутся в парламентских креслах.

Впрочем, следует оговориться, что в постсоветской России роль парламента в политической системе и его взаимоотношения с президентом и исполнительной властью существенно менялись. Верховный Совет РФ последнего созыва, функционировавший до октября 1993 г., обладал весьма широкими полномочиями, и Б.Н. Ельцин, перед тем как занять пост президента (а позднее и возглавить правительство), был его председателем. В последний период своего существования ВС РФ находился в резкой оппозиции президенту. Что касается пришедшему ему на смену в 1993 г. ФС, то в 1990-е годы его нижняя палата — ГД — была относительно независима от главы государства и также, особенно во втором созыве, оппозиционна ему. Кроме того, нужно отметить, что в период работы ГД и СФ первого созыва (1993–1995 гг.) было разрешено совмещение правительственного поста с депутатством, и целый ряд членов правительства заседал в парламенте, в некоторых случаях сохраняя депутатский мандат и после ухода из правительства. Существовавшая возможность совмещения позиций в правительстве и легислатуре, тот факт, что первый президент РФ до своего избрания возглавлял ВС, наделенный довольно значительными полномочиями, а также большая самостоятельность парламента в 1990-е годы, возможно, отчасти объясняют тот факт, что деятели, покидавшие правительство в этот период, чаще имеют опыт работы в федеральной легислатуре перед отставкой, чем их коллеги, уходившие из правительства в 2000–2010 гг. Это обстоятельство, в свою очередь, может частично объяснить отмеченную выше большую распространенность в первой группе и постправительственного парламента опыта.

Говоря о факторах, способствующих постправительственной парламентамской карьере, нужно отметить, что члены правительства могут обладать рядом ресурсов, которые способны повышать их шансы на успех в борьбе за места в легислатуре. Среди них широкая известность (узнаваемость имени), властные полномочия (и сопряженный с ними «административный ресурс»), связи в элитах разного уровня, видные посты в политических партиях и движениях. Одной из важных функций члена СФ и депутата ГД является лоббирование на уровне центральной власти интересов тех регионов, от которых они прошли в парламент. В этом смысле то, что бывшие члены правительства хорошо разбира-

ются в политико-административных процессах на федеральном уровне, а также знакомы с федеральными политиками и чиновниками, может повышать их привлекательность в качестве кандидатов на замещение парламентских позиций. Однако нередко бывшие члены правительства получают (при поддержке действующей власти) парламентскую позицию не столько потому, что могут принести какую-либо пользу как законодатели, а в качестве почетной отставки, своего рода синекуры, даваемой в том числе ради обеспечения относительно бесконфликтного ухода с должности и последующей лояльности. Впрочем, не следует преувеличивать шансы прохождения действующих и бывших членов правительства в парламент: целый ряд их баллотировался в ГД, но потерпел поражение на выборах. В этой связи стоит отметить, что некоторые члены правительства являются хотя и широко известными, но весьма непопулярными, даже одиозными, фигурами, вызывающими негативное отношение в обществе, да и в целом постсоветские правительства, особенно в кризисные 1990-е годы, не пользовались большим доверием и поддержкой граждан.

Вероятность постправительственной карьеры в парламенте зависит не только от того, в какой мере члены правительства обладают соответствующими ресурсами, но и от степени их заинтересованности в занятии парламентских позиций. Привлекательность этих позиций зависит от тех выгод, которые они дают своим обладателям. Здесь ситуация неоднозначна. С одной стороны, уже отмечавшаяся слабость, маловлиятельность российского парламента (включая его второстепенную роль как источника рекрутирования министров) могут подрывать мотивацию правительственных деятелей к тому, чтобы переходить в него, поскольку такой переход обычно связан с утратой реальной власти, не дает особых перспектив возврата в правительство и в общем является признаком карьерного спада. Кстати, возможно, что большая независимость и самостоятельность парламента в 1990-е годы по сравнению с периодом правления В.В. Путина и Д.А. Медведева делала членство в нем более привлекательным, что отчасти позволяет объяснить то, что члены правительства, ушедшие в отставку в этот период, чаще имеют постправительственный опыт работы в ГД, чем те, кто покидал правительство начиная с 2000 г. Впрочем, даже если членство в парламенте и не дает большой власти, оно все же может быть привлекательно для бывших деятелей правительства по ряду других причин. Парламентская позиция хорошо вознаграждается [Сколько платят...

2016] (по объему социальных гарантий члены СФ и депутаты ГД приравнены к федеральному министру [Федеральный закон ... 2017], дает неприкосновенность, при этом, вероятно, отнимая меньше времени и усилий, чем правительственный пост (в этой связи стоит отметить, что только в 2010-е годы стали прилагаться систематические усилия к тому, чтобы обеспечить присутствие депутатов ГД на заседаниях, которые ранее проходили иногда в полупустом зале [Барахова 2010; Медведев предложил... 2010; Винокуров 2016, Совфед одобрил ... 2016]). Членство в парламенте позволяет бывшим правительственным деятелям не выпадать из профессиональной политики и, возможно, оставаться в центре внимания СМИ. Для них парламентская позиция может быть, кроме прочего, «почетной пенсией»: некоторые были избраны или делегированы туда уже в пожилом возрасте. Однако должность депутата может выступать и как краткий эпизод в постправительственной карьере, краткосрочная промежуточная позиция, на которой бывший член правительства, вынужденный по тем или иным причинам покинуть свой пост, может передохнуть, осмотреться и дожидаться в удобном кресле новых вариантов трудоустройства, чтобы затем перейти на более привлекательную работу, используя для этого, в частности, и те возможности, которые дает парламентский мандат. Так, некоторые члены правительства, которые вскоре после отставки были избраны в ГД, побыли там совсем недолго и досрочно сложили полномочия, заняв такие посты, как губернатор, полномочный представитель президента, председатель Счетной палаты, посол.

Наконец, следует добавить, что парламентские позиции неоднородны и иерархизированы, и должности спикера и вице-спикеров, конечно, привлекательнее (в частности и для членов правительства) позиций рядовых депутатов. Контроль главы государства над парламентом, установившийся в 2000-е годы, может быть позитивно связан с рекрутированием на такие позиции ключевых деятелей исполнительной власти (а также администрации президента). Избрание на командные высоты в ГД и СФ правительственных деятелей, работавших под более или менее непосредственным руководством и пользующихся особым доверием главы государства, может выступать формой проявления и способом упрочения такого контроля. В этой связи примечательно, что деятели, ранее бывшие министрами и вице-премьерами, ныне возглавляют обе палаты Федерального Собрания (В.И. Матвиенко и В.В. Володин). Правда, нужно отметить, что работа в правительстве

не была непосредственно предшествующей их назначению на высшие парламентские посты, и оба они работали также в администрации президента. Кроме того, прежние два спикера ГД — Б.В. Грызлов и С.Е. Нарышкин (а также, кстати говоря, и возглавлявший СФ первого созыва (1993–1995 гг.) В.Ф. Шумейко) — тоже пришли, прямо или косвенно, из федерального правительства.

ПОСТПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ КАРЬЕРА В КОММЕРЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ (БИЗНЕСЕ)

Зарубежные исследования показывают, что переходы членов правительства в бизнес получили определенное распространение в развитых капиталистических демократиях [Blondel 1991: 171; Claveria, Verge 2015: 827]. Так, в среднем около 10 % министров 23 промышленно развитых демократий были заняты в бизнесе сразу после ухода с должности [Claveria, Verge 2015: 827]. Однако распространенность такой практики сильно варьируется по странам: будучи не характерна для некоторых государств, она в то же время довольно типична для ряда других, в частности США и Великобритании [Freitag 1975; Blondel 1991: 171; Stolz, Kintz 2014: 24].

В России тенденция перехода высокопоставленных деятелей федеральной исполнительной власти в бизнес довольно выражена. В частности, как показало исследование Ю. Хаски, многие заместители министров оказываются в бизнесе после отставки [Huskey 2010b: 190–161]. По данным нынешнего исследования (табл. 5), около двух третей бывших членов российского правительства имеют опыт работы в коммерческих структурах на тех или иных должностях.

Таблица 5

Опыт работы в коммерческих организациях (бизнесе) после ухода из правительства РФ, в % (N=245)

Должности	Наличие опыта работы	Первое известное место работы
Любые (топ-менеджеры, председатели и члены советов директоров, советники, менеджеры среднего звена и пр.)	64	22
Топ-менеджеры	34	11

Причем, как мы видим, у заметной доли членов правительства позиция в бизнесе была первой известной должностью после отставки. Следует, однако, отметить, что переходы в бизнес были в основном косвенными: в отличие от занятости в административных структурах, только меньшинство тех правительственных деятелей, которые имели постправительственный опыт работы в коммерческих организациях, занимали позиции в них сразу после отставки¹. Вообще, поскольку бывшие члены правительства до занятия постов в коммерческих организациях работали также и в других структурах, например администрации президента, зачастую неясно, каким именно политико-административным опытом может быть в первую очередь обусловлена их карьера в бизнесе. Если сравнивать с бывшими депутатами ГД [Тев 2018: 116], то отставные члены правительства чаще имеют опыт работы в бизнесе (соответственно 38 и 64 %). Однако доли случаев, когда должность в экономических структурах была первой известной после окончания полномочий довольно близки (22 % членов правительства и 19 % депутатов). Отставные члены правительства работали в экономических структурах на различных позициях: топ-менеджеров, председателей и членов советов директоров, реже — советников и неключевых менеджеров. Хотя некоторые бывшие члены правительства, работая после отставки на различных постах в органах исполнительной власти и администрации президента, занимали позиции в бизнесе, а именно были членами (председателями) советов директоров, только как представители государства, большинство входило в руководство фирм не в качестве чиновников.

Какие факторы могут благоприятствовать прямым и косвенным переходам членов правительства в бизнес? Надо сказать, что, учитывая малочисленность позиций в политико-административной сфере, сопоставимых, по своей значимости и выгодам с должностями членов правительства (премьер-министра, вице-преьера, министра и пр.),

---

¹ Говоря о прямых переходах в бизнес, следует отметить, что хотя гражданам, замещавшим должности гражданской службы, закон запрещает в течение двух лет после увольнения без согласия специальной комиссии занимать должности в организациях, включая коммерческие, отдельные функции государственного управления которыми входили в обязанности гражданского служащего (см.: [Федеральный закон 2004]), в отношении лиц, замещавших государственные должности, включая членов правительства, таких ограничений обнаружить не удалось.

переход в бизнес может быть для них предпочтительным вариантом продолжения карьеры после отставки. Видные позиции в бизнесе могут быть весьма привлекательны для государственных деятелей, поскольку они высоко вознаграждаются: доходы руководителей крупных фирм нередко существенно превышают вознаграждение деятелей правительства (см.: [Березанская 2012, Якорева, Жолобова, Мязина 2016; 25 самых дорогих... 2016; Копалкина, Ткачев, Губернаторов 2017]). Кроме того, топ-менеджеры крупных компаний обладают значительной властью (впрочем, другие позиции в бизнесе, например советников, могут быть скорее синекурами).

Помимо привлекательности руководящих должностей в коммерческой сфере, постправительственной карьере в бизнесе может способствовать еще ряд обстоятельств. Во-первых, наличие опыта работы в экономических структурах до вхождения в правительство и соответствующих знаний и связей. Хотя большинство членов правительства рекрутированы из административных структур, заметное меньшинство имело опыт работы на ключевых постах в экономических организациях, причем вполне ожидаемо, что чаще всего такой предшествующий опыт распространен у министров, отвечающих за регулирование различных отраслей экономики. Некоторые приходили в правительство из экономических структур и переходили в них после отставки, иногда возвращаясь на ту же или сходную должность в той же компании, в частности это можно сказать о двух министрах путей сообщения.

Во-вторых, находясь в должности, члены правительства в связи с осуществлением своих полномочий могут систематически взаимодействовать с бизнесом, особенно крупными компаниями, которые являются объектом регулирования со стороны органов исполнительной власти и пытаются, в свою очередь, отстаивать в них свои интересы. Разумеется, это опять же, прежде всего, относится к главам экономических министерств и ведомств и вице-преьерам, курирующим экономику и ее отдельные отрасли. Благодаря этому ими не только приобретаются знания экономической сферы, но и складываются знакомства и связи с руководителями фирм, что облегчает переход и адаптацию ответственных деятелей в бизнесе после отставки. В этой связи нужно отметить, что рекрутирование бывших членов правительства на видные посты в бизнесе может быть, в частности, и вознаграждением за лояльность интересам данной компании, которую они проявили, находясь

в должности. Пожалуй, самой непосредственной формой связи членов правительства с миром бизнеса является их членство (включая председательство) в качестве представителей государства в советах директоров компаний, полностью или частично находящихся в государственной собственности. Есть случаи, когда после отставки правительственные деятели оставались членами советов директоров, в которые изначально вошли как представители федеральной власти, как, например, бывший премьер-министр и вице-премьер, нынешний председатель совета директоров ПАО «Газпром» В.А. Зубков.

В-третьих, в условиях сильной зависимости процесса накопления капитала от государственной власти, особенно выраженной в постсоветской России, где, по мнению некоторых исследователей [Our cronycapitalism ... 2014; Волкова 2016], сложился «капитализм для своих» («кумовской капитализм»), при котором политические связи являются важнейшим условием успешного ведения бизнеса, члены правительства, используя свои властные полномочия, могут, в принципе, аккумулировать значительный частный капитал. После отставки они могут занимать позиции в созданном подобным, по существу, коррупционным образом собственном или семейном бизнесе. Показателен в этом отношении случай бывшего в 1992–1998 гг. председателя Государственного таможенного комитета А.С. Круглова, который, как выяснилось в ходе разбирательства в Высоком суде Лондона, является долларовым мультимиллиардером. После отставки он был генеральным директором ряда фирм, которыми владел вместе с дочерьми. В своем решении судья предположил, что он мог использовать служебное положение «в период распада СССР для извлечения прибыли из реорганизации таможенной администрации — как через членов семьи, оперировавших частными таможенными терминалами, так и посредством предоставления консультационных услуг компаниям в условиях стремительно менявшихся правил» [Таможня дает... 2012; Дмитриенко 2012; Бизнесмен в суде... 2012]. Также стоит упомянуть о том, что в 2000-е годы разгорелся скандал вокруг бывшего министра природных ресурсов РФ В.Г. Артюхова, который, по данным СМИ, за два часа до увольнения со своего поста в 2004 г. подписал более 60 лицензий на проведение разведки нефти в Сибири и на северо-западе РФ, а также дал распоряжение о перечислении 450 млн руб. ряду малоизвестных фирм. Как утверждала пресса, значительную часть лицензий получили компании, так или иначе связанные с его сыном. Правда, эти решения были отменены его

преемником [Бутрин, Гизатулин 2004; Гизатулин, Бутрин 2004; Тутушкин, Дерягина, Дербилова 2004].

В-четвертых, еще одним фактором продвижения отставных членов правительства на ключевые должности в экономических структурах может выступать стремление высшего руководства страны иметь «своих», т.е. лично знакомых и пользующихся доверием, людей в топ-менеджменте и советах директоров крупнейших государственных и полугосударственных компаний, упрочивая тем самым контроль над ними. Также определенную роль может играть и желание руководителей государства «пристроить» своих бывших коллег, обусловленное как личными (приятельскими, дружескими) отношениями, так и стремлением обеспечить лояльность с их стороны.

Наконец, в-пятых, большое значение имеет, разумеется, и потребность, заинтересованность самих фирм в рекрутировании бывших правительственных деятелей. Конечно, существенное различие логик деятельности государственных структур и бизнеса (особенно частного) и соответственно знаний и умений, необходимых для успешной работы в них, может налагать определенные ограничения на востребованность государственных деятелей на руководящих постах в коммерческих структурах (см., например: [Буравцева 2013]). Тем не менее они обладают рядом ресурсов, ценных для фирм. Если говорить о членах правительства, отвечающих за экономические вопросы, то их может отличать специфическая профессиональная компетентность (знание экономики, ее отраслей, механизма их регулирования), которая весьма полезна для фирм. В более общем плане правительственные деятели обладают знанием политического процесса и административных процедур и связями с высокопоставленными политиками и чиновниками и доступом к ним (впрочем, с течением времени по мере смены кадров в политико-административных структурах эти связи могут устаревать и терять свою значимость). Наличие таких персон в штате компаний может повышать их лоббистский потенциал, увеличивать возможности выгодного взаимодействия с государственными органами. Также стоит добавить, что авторитет и известность бывших членов правительства, их репутация могут улучшать имидж фирм, усиливать легитимность их деятельности. Впрочем, исследования в разных странах не дают однозначного ответа на вопрос о том, выгодны ли фирмам политические связи, в частности в форме наличия в их руководстве бывших и действующих чиновников и политиков [Hillman 2005; Faccio, Masulis,

McConnell 2006; Bertrand, Kramarz, Schoar, Thesmar 2007; Dombrovsky 2008; Goldman, Rocholl, So 2009; Goldman, Rocholl, So 2013; Niessen, Ruenzi 2010; Boubakri, Cosset, Saffar 2012; Carretta, Farina, Gon, Parisi 2012; Luechinger, Moser 2012; Saeed 2013; Fan, Wong, Zhang 2014; Kang, Zhang 2018]. Однако ряд авторов показывает, что такие связи могут быть особенно выгодны в странах со слабой правовой системой (и незащищенностью прав собственности) и высоким уровнем коррупции [Boubakri, Guedhami, Mishra, Saffar, 2008: 1; Goldman, Rocholl, So 2009: 2236; Faccio 2010], к которым относится Россия [Россия рухнула...2016; Transparency International 2018]¹. Эти обстоятельства, а также связанный с ними «кумовской» характер отечественного капитализма, могут повышать востребованность бывших правительственных и других государственных деятелей в российском бизнесе.

Как уже отмечалось, многие из указанных выше факторов, способствующих постправительственной карьере в бизнесе, относятся прежде всего к главам экономических министерств. Неудивительно поэтому, что они чаще переходят в бизнес, чем министры, ответственные за социальную сферу, а также министры-силовики (хотя в последнем случае разница менее существенна; по вопросу о возможной классификации министерств и министров см.: [Shevchenko 2005: 412]). Однако интересно, что среди некоторых неэкономических министров, например глав МИД, постправительственный опыт членства в руководстве бизнес-структур, в том числе транснациональных компаний, также весьма распространен.

В каком именно бизнесе работают отставные члены правительства, каковы его размер, форма собственности и отраслевая принадлежность? Примерно в 40 % случаев они были заняты в крупнейших фирмах, входящих в период работы в них правительственных деятелей в рейтинг журнала «Эксперт» (<https://raexpert.ru/>). Эта оценка, по-видимому, занижает долю бывших членов правительства, занятых в крупном бизнесе, поскольку в этот рейтинг до 2004 г. не входили непромышленные компании. Стоит отметить, что указанная цифра намного больше, чем доля бывших депутатов ГД, работавших в крупнейших фирмах [Тев

---

¹ Нужно отметить, что немногочисленные эмпирические исследования, проведенные на российском материале, не дают однозначного подтверждения выгоды для фирм политических связей (см., например: [Гладышева и Кишилова 2018]).

2018: 118]. Среди 20 крупнейших фирм по итогам 2016 г. в 16 в разное время работали бывшие члены правительства. Кстати, исследование экономической элиты РФ (см.: [Тев 2016b]) показало, что значительная ее часть имеет опыт работы на административных позициях, включая правительственные должности. В общем динамические переплетения между правительственной и экономической элитами России существуют¹.

Бывшие члены правительства, занятые в бизнесе, часто работали в компаниях, где основным или единственным владельцем является государство и подконтрольные ему структуры. Это в общем неудивительно, учитывая, что правительственные и другие государственные деятели, будучи в должности, особенно тесно взаимодействуют с государственными компаниями, включая членство в их советах директоров; рекрутирование руководства этих фирм в определяющей мере зависит от государства; по характеру своей деятельности некоторые такие компании, особенно монополии, в значительной мере схожи с административными структурами, так что в них может быть особенно востребован профессиональный опыт правительственных деятелей, которым легче адаптироваться в таких фирмах. Вообще наличие крупного и растущего государственного сектора в России если и не объясняется интересами бизнес-карьеры членов правительства и других государственных деятелей после ухода с политико-административных должностей (а также карьерными амбициями их родственников), то по крайней мере представляется функциональным, полезным с этой точки зрения. Именно компании, контролируемые государством, такие как Газпром, Роснефть, Сбербанк, РЖД, мы видим среди фирм, в которых работало наибольшее число отставных членов правительства. Впрочем, не менее распространена среди бывших членов правительства и занятость в компаниях частного сектора. Иногда бывшие правительственные деятели возглавляли частные фирмы, в которых сами являлись крупными или основными владельцами. Есть среди них и очень богатые люди: четверо (П.О. Авен, С.В. Генералов, В.О. Потанин, И.Х. Юсуфов) входят в рейтинг богатейших российских бизнесменов по версии «Forbes» 2018 г.,

---

¹ Стоит добавить, что бывшие члены правительства возглавляли или возглавляют также две ведущие бизнес-ассоциации страны — Российский союз промышленников и предпринимателей (А.Н. Шохин) и Торгово-промышленную палату (Е.М. Примаков).

причем трое из них занимали видные позиции в бизнес-структурах еще до вхождения в правительство.

Наконец, отраслевая принадлежность крупных фирм, в которых заняты бывшие члены правительства, разнообразна. Довольно широко распространена занятость в нефтегазовой отрасли, финансовом секторе, а также в машиностроении, электроэнергетике и транспортных фирмах. Причем есть тенденция к тому, чтобы экс-министры работали в компаниях, принадлежащих к тем отраслям, которые регулировали возглавляемые ранее ими министерства (в частности, министры транспорта и путей сообщения переходят в транспортные компании, министры топлива и энергетики — на предприятия ТЭК, министры сельского хозяйства — в компании АПК, министры финансов — в банки и прочие финансовые структуры). Это, конечно, не удивительно, учитывая специфику тех знаний и связей (включая членство в советах директоров), которые они приобретают, находясь в должности, а также в некоторых случаях характер их предшествующего вхождению в правительство опыта работы в экономической сфере.

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ КАК МЕСТО РАБОТЫ БЫВШИХ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Одним из значимых каналов постправительственной карьеры служат учреждения образования и науки.

Таблица 6

Опыт работы в сфере образования и науки после ухода из правительства РФ, в % (N=245)

Тип позиции	Наличие опыта работы	Первое известное место работы
Ключевые должности	18	6
Неключевые должности	26	5
Всего ¹	33	10

В целом, как показывает таблица 6, в трети случаев бывшие члены правительства имели опыт работы в таких организациях на различных

¹ Цифры в этой строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, поскольку одна и та же персона может иметь опыт работы на разных должностях, в том числе одновременно.

должностях. Причем почти каждый пятый занимал ключевые позиции. Так, президентом и научным руководителем Высшей школы экономики ныне являются бывшие министры, соответственно А.Н. Шохин и Е.Г. Ясин. Впрочем, как видно из таблицы 6, у немногих эти структуры были первым известным местом работы после ухода с должности, переходы в эту сферу носят преимущественно косвенный характер. Кроме того, постправительственная работа в научно-образовательной сфере иногда не была основной занятостью, а велась по совместительству. Отдельно следует сказать о том, что некоторые бывшие члены правительства также входили в состав попечительских и наблюдательных советов вузов.

Несмотря на то что большинство позиций в сфере образования и науки, даже ключевых, значительно уступает правительственным должностям, по своей значимости и выгодам, некоторые посты, например ректоров ведущих вузов, весьма влиятельны и престижны, а иногда и более доходны, чем должность федерального министра [Доходы в образовании... 2014, Конюхова 2015]. В этом смысле они могут быть привлекательны даже для бывших членов правительства. Впрочем, и работа на более скромных позициях, таких как профессор, может представлять определенный интерес для бывших государственных деятелей, поскольку обладает существенной престижностью и в случае неполной занятости не слишком обременительна.

Кроме этого, несколько факторов могут способствовать тому, чтобы бывшие члены правительства оказывались в указанных выше сферах. Во-первых, опыт работы в них до вхождения в правительство, а значит, наличие соответствующих знаний, формальных квалификаций, связей, которые могут облегчать переход в них после отставки. Такой опыт довольно распространен. Некоторые члены правительства сразу после отставки оказывались в тех же учреждениях образования и науки, примерно на тех же самых позициях, на которых они работали на момент вхождения в правительство. Этой тенденции, в частности, благоприятствовала возможность совмещения должности в правительстве с позициями в научно-образовательной сфере: некоторые не покидали позиций в указанных учреждениях в период работы в правительстве, так что после отставки им даже не приходилось возвращаться к прежней работе, они просто продолжали занимать свои должности. Во-вторых, работая в правительстве, чиновники приобретают знания (руководимых сфер и особенностей их регулирования, политического процесса, адми-

нистрирования и пр.) и практический опыт, которые могут быть ценны и востребованы в научно-образовательной сфере и деятельности по определенным специальностям. В-третьих, что касается специфически глав министерств, курирующих саму сферу образования и науки и постоянно взаимодействующих с ней, то их знание подведомственной отрасли, связи и авторитет с ней, приобретенные за время работы в правительстве, могут также способствовать переходам в них после отставки. Кроме того, занятию действующими и бывшими членами правительства ключевых постов в данной сфере могут способствовать их влияние и связи в органах власти, от которых зависит рекрутирование руководства соответствующих, в основном бюджетных, учреждений. Наконец, сами научно-образовательные организации могут быть заинтересованы в наличии бывших правительственных деятелей в своем руководстве или, возможно, в еще большей степени, в наблюдательных и попечительских советах (впрочем, в эти органы они могут входить, будучи еще в должности, а после отставки просто сохранять членство). Высокие лоббистские возможности, обусловленные знанием административно-политического процесса и связями с федеральными политиками и чиновниками, могут быть ценны для этой сферы, сильно зависимой от государства. Кроме того, известность и репутация бывших членов правительства могут усиливать легитимность деятельности соответствующих организаций в глазах элиты и населения. Впрочем, следует оговориться, что в ряде случаев вхождение бывших членов правительства в наблюдательные и попечительские советы вузов (как и музеев, театров и пр.) обусловлено не только (и, возможно, не столько) их прежней правительственной должностью, сколько ключевой постправительственной позицией, например в крупном бизнесе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постправительственная карьера является значимым предметом исследования, поскольку ее знание позволяет в некоторой степени выяснить роль правительственного поста в карьере, оценить устойчивость членства в элите и степень элитной интеграции, лучше понять поведение членов правительства во время пребывания в должности, а также выявить особенности данной общественно-политической системы, включая взаимоотношения исполнительной власти с парламентом, бизнесом и другими институтами.

Исследование показало, что одним из основных каналов постправительственной карьеры и важнейшим местом работы сразу после ухода с должности служат административные структуры федерального уровня. Опыт работы в них после отставки имеет большинство членов правительства, при этом только небольшая их часть работала в региональных администрациях, прежде всего, губернаторами. В частности, правительственная должность является важным трамплином для занятия ключевых постов в президентской администрации, которая, в свою очередь, выступает существенным источником рекрутирования правительственных деятелей, что свидетельствует о значительной степени интеграции правительственной элиты и высокопоставленной президентской бюрократии.

Важным каналом постправительственной карьеры являются бизнес, коммерческие структуры. Большинство бывших членов правительства имеют опыт работы в них на различных должностях (топ-менеджеры, члены совета директоров, советники и пр.). В некоторых случаях правительственные должности служили прямым трамплином для занятия позиций в бизнесе, хотя, в отличие от административных структур, чаще переходы туда были косвенными. Весьма существенное меньшинство занимало различные посты в крупнейших компаниях общероссийского уровня, что служит показателем интеграции правительственной и экономической элит России. Востребованность правительственных деятелей в бизнесе может, отчасти, отражать специфику сложившегося в России «кумовского капитализма», при котором политические связи играют важнейшую роль в накоплении капитала. Также таким переходам может благоприятствовать наличие очень значительного госсектора в крупном бизнесе (в частности, в энергетической, транспортной, банковской отраслях). Типичность занятости в коммерческих структурах для карьеры бывших членов правительства может быть позитивно связана с дружественностью их политики по отношению к бизнесу в период пребывания в должности.

В сравнении с административными структурами и бизнесом, представительные органы выступают менее значимым каналом постправительственной карьеры. Имеют место прямые и косвенные переходы членов правительства, главным образом, в федеральный парламент, особенно, в Госдуму, при этом совсем немногие работали в представительных органах более низкого уровня. Однако уходы членов прави-

тельства в общенациональную легислатуру, как и вхождение парламентариев в состав правительства, происходят значительно реже, чем в большинстве стран Западной Европы. В некоторой степени это, вероятно, отражает особенности формы правления: Россия не относится к числу парламентских демократий, для которых типичны рекрутирование министров из парламента и их возвращение в него после отставки. Представляется, что характерные для России слабость и зависимость легислатуры при сверхконцентрации власти в руках президента, ее малозначимость в качестве источника рекрутирования членов правительства, запрет на совмещение парламентской и правительственной позиций — все это не благоприятствует переходам элитных персон из правительства в парламента.

Следует отметить, что исследование установило существенные различия с точки зрения институциональной принадлежности между первой известной позицией после ухода с должности и всей постправительственной занятостью, выявленной на момент сбора данных. Если сразу после выбытия из правительства его члены чаще всего продолжали работать в федеральной администрации, то для всего постправительственного карьерного пути характерна большая неоднородность каналов, по которым он проходит, и большая распространенность занятости за пределами административной сферы.

В целом члены правительства после отставки, за редкими исключениями, среди которых и некоторые министры, подвергшиеся уголовному преследованию, имели опыт работы на ключевых должностях в различных организациях (включая учреждения образования и науки, а также политические партии и общественные ассоциации). Причем большинство занимало в то или иное время такие позиции, которые позволяют отнести их к элитам разного уровня (федеральной, региональной и пр.) и функциональной специализации (административной, экономической, политической и пр.). Таким образом, уход с правительственной должности, даже если и означает существенный карьерный спад (а для подавляющего большинства пост в высшем органе исполнительной власти — вершина политико-административной карьеры), чаще всего не ведет к полному окончанию элитной карьеры, которая может продолжаться или через некоторое время возобновляться как в федеральной администрации, так и в других институциональных секторах. Это говорит об определенной устойчивости членства в элите.

Литература

- Гладышева А.А., Кишилова Ю.О. Влияние политических связей и государственной собственности на деятельность фирм в России // *Journal of Corporate Finance Research / Корпоративные финансы*. 2018. Т. 12, № 1. С. 20–43.
- Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: политико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, Казань, 2006.
- Зазнаев О.И. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // *Политические исследования*. 2007. № 2. С. 146–164.
- Тев Д.Б. Высокопоставленные региональные администраторы: особенности карьеры после ухода с должности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. Т. XVIII, № 4 (81). С. 37–52.
- Тев Д.Б. (а) Федеральная административная элита России: образовательные характеристики // *Мир России*. 2016. Т. 25, № 3. С. 76–96.
- Тев Д.Б. (б) Экономическая элита РФ: опыт работы в политико-административной сфере // *Полития*. 2016. № 2 (81). С. 89–108.
- Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // *Социологическое обозрение*. 2018. Т. 17, № 1. С. 106–133.
- Тев Д.Б. Члены правительства РФ: особенности постправительственной карьеры // *Мир России*. 2019. Т. 28, № 4. С. 6–29.
- Baturo A., Arlow J. Is there a 'revolving door' to the private sector in Irish politics? // *Irish Political Studies*. 2018. № 33 (3). P. 381–406.
- Baturo A., Mikhaylov S. Blair disease? Business careers of the former democratic heads of state and government // *Public Choice*. 2016. № 166 (3–4). P. 335–354.
- Bennett A.J. *The American President's Cabinet: from Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan, 1996. 263 p.
- Bertrand M., Kramarz F., Schoar A., Thesmar D. Politicians, Firms and the Political Business Cycle: Evidence from France / Center for Research in Economics and Statistics, March 15, 2007. URL: http://www.crest.fr/ckfinder/userfiles/files/pageperso/kramarz/politics_060207_v4.pdf (дата обращения: 16.04.2017).
- Blondel J. *The Post-Ministerial Careers // The Profession of Government Minister in Western Europe* / ed. by Blondel J., Thiebault J.-L. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. P. 153–173.
- Boubakri N., Cosset J.-C., Saffar W. The Impact of Political Connections on Firms' Operating Performance and Financing Decisions // *Journal of Financial Research*. 2012. № 35 (3). P. 397–423.
- Boubakri N., Guedhami O., Mishra D., Saffar W. Political Connections and the Cost of Equity Capital // *Scientific Literature Digital Library*. 2008. № 10. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.175.6368&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 16.04.2017).
- Carretta A., Farina V., Gon A., Parisi A. Politicians "on board"! Do political connections affect banking activities in Italy? // *European Management Review*. 2012. № 9 (2). P. 75–83.

Claessen C., Bailer S. What happens after? An analysis of post-parliamentary private sector career positions in Germany and the Netherlands. Paper prepared for the workshop „Institutional Determinants of Legislative Coalition Management”, 16–19 November 2015, Tel Aviv University, Israel. URL: <https://www.sv.uio.no/isv/english/research/projects/evolution-parliamentarism/events/seminars/claessenbailerwhathappensafer.pdf> (дата обращения: 17.08.2018).

Claveria S., Verge T. Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures // *European Journal of Political Research*. 2015. № 54 (4). P. 819–835.

Cohen J.E. The Dynamics of the “Revolving Door” on the FCC // *American Journal of Political Science*. 1986. № 30 (4). P. 689–708. *Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P.* Beyond Party Government? Technocratic Trends in Society and in the Executive // *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies* / ed. by A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida/ London: Palgrave, 2017. P. 1–27.

Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy // *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies* / ed. by A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida/ London: Palgrave, 2017. P. 111–137.

De Winter L. Parliamentary and Party Pathways to the Cabinet // *The Profession of Government Minister in Western Europe* / ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault/ Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. P. 44–69.

Diermeier D., Keane M., Merlo A. A Political Economy Model of Congressional Careers // *American Economic Review*. 2005. № 95 (1). P. 347–373.

Dombrovsky V. Do Political Connections Matter? Firm-Level Evidence from Latvia. Stockholm School of Economics in Riga. Research paper № 3. 07.2008. URL: <http://www.biceps.org/assets/docs/izpetes-raksti/ResearchPaperNo3> (дата обращения: 14.03.2017).

Dörrenbächer N. Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens? // *Acta Politica*. 2016. № 51 (4). P. 472–491.

Dowding K., Dumont P. (eds.) *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing*. London: Routledge, 2009. 235 p.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis // *Financial Management*. 2010. № 39 (3). P. 905–928.

Faccio M., Masulis R.W., McConnell J.J. *Political connections and corporate bailouts* // *Journal of Finance*. 2006. № 61 (6). P. 2597–2635.

Fan J.P.H., Wong T.J., Zhang T. Politically Connected CEOs, Corporate Governance, and the Post-IPO Performance of China’s Partially Privatized Firms // *Journal of Applied Corporate Finance*. 2014. № 26 (3). P. 85–95.

Fish M.S., Kroenig M. *The Handbook of National Legislatures: A Global Survey*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 800 p.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks // *Social Problems*. 1975. № 23 (2). P. 137–152.

Goldman E., Rocholl J., So J. Do Politically Connected Boards Affect Firm Value? // *Review of Financial Studies*. 2009. № 22 (6). P. 2331–2360.

Goldman E., Rocholl J., So J. Politically Connected Boards of Directors and The Allocation of Procurement Contracts // *Review of Finance*. 2013. № 17 (5). P. 1617–1648.

Herrick R., Nixon D.L. Is There Life after Congress? Patterns and Determinants of Post-Congressional Careers // *Legislative Studies Quarterly*. 1996. № 21 (4). P. 489–499.

Hillman A.L. Politicians on the Board of Directors: Do Connections Affect the Bottom Line? // *Journal of Management*. 2005. № 31 (3). P. 464–481.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53–68.

Huskey E. (a). Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. № 43 (4). P. 363–372.

Huskey E. (b). Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites // *Russian Politics from Lenin to Putin* / ed. by S. Fortescue. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 185–204.

Kang J.-K., Zhang L. From Backroom to Boardroom: Role of Government Directors in U.S. Public Firms and Their Impact on Performance, 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2115367> (дата обращения: 19.08.2016).

Keane J. Life after Political Death: The Fate of Leaders after Leaving High Office // *Dispersed Democratic Leadership Origins, Dynamics, and Implications* / ed. by J. Kane, H. Patapan, P. Hart. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 279–298.

Kim J.-H. Determinants of post-congressional lobbying employment // *Economics of Governance*. 2013. № 14 (2). P. 107–126.

Kryshтанovskaya O., White S. Losing Power in Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2005. № 21 (2). P. 200–222

Luechinger S., Moser C. The Value of the Revolving Door: Political Appointees and the Stock Market. CESifo Working Paper No. 3921, 2012. URL: http://www.cesifo-group.de/portal/page/portal/DocBase_Content/WP/WP-CESifo_Working_Papers/wp-cesifo-2012/wp-cesifo-2012-08/cesifo1_wp3921.pdf (дата обращения: 07.12.2016).

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members // *Western Political Quarterly*. 1991. № 44 (1). P. 149–172.

Niessen A., Ruenzi S. Political Connectedness and Firm Performance: Evidence from Germany // *German Economic Review*. 2010. № 11 (4). P. 441–464. *Parker G.R., Parker S.L., Dabros M.S.* The Labor Market for Politicians: Why Ex-Legislators Gravitare to Lobbying // *Business & Society*. 2013. Vol. 52. № 3. P. 427–450.

Prewitt K., Nowlin W. Political Ambitions and the Behavior of Incumbent Politicians // *Western Political Quarterly*. 1969. № 22 (2). P. 298–308.

Saeed M.A. Do Political Connections Matter? Empirical Evidence from Listed Firms in Pakistan. PhD Thesis. London: Middlesex University, 2013. URL: <http://eprints.mdx.ac.uk/12361/1/MASaeed%20thesis.pdf> (дата обращения: 06.01.2017).

Samuels D. Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 248 p.

Santos F.G.M., Pegurier F.J.H. Political Careers in Brazil: Long-term Trends and Cross-sectional Variation // *Regional & Federal Studies*. 2011. № 21 (2). P. 165–183.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*. 2011. № 10 (6). P. 908–927.

Semenova E. Russia: cabinet formation and careers in a superpresidential system // *The Selection of Ministers around the World* / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2015. P. 139–155.

Semenova E. Recruitment and Careers of Ministers in Central Eastern Europe and Baltic Countries // *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies* / ed. by A. Costa Pinto, M. Cotta, P. Tavares de Almeida. London: Palgrave, 2017. P. 173–202.

Shevchenko I. Easy Come, Easy Go: Ministerial Turnover in Russia, 1990–2004 // *Europe-Asia Studies*. 2005. № 57 (3). P. 399–428.

Stolz K., Fischer J. Post-Cabinet Careers of Regional Ministers in Germany, 1990–2011 // *German Politics*. 2014. № 23 (3). P. 157–173.

Stolz K., Kintz M. Post-Cabinet Careers in Britain and the US: Theory, Concepts and Empirical Illustrations. Paper prepared for the ECPR General Conference 2014 Glasgow, September 3–6, 2014. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8127572d-9f46-4c11-8238-2b6ca8e2e14a.pdf> (дата обращения: 07.12.2014).

Theakston K. Life after Political Death: Former Leaders in Western Democracies // *Representation*. 2012. № 48 (2). P. 139–149.

Theakston K., Vries J. de. Introduction // *Former Leaders in Modern Democracies: Political Sunsets* / ed. by K. Theakston, J. Vries de. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. P. 1–11.

Источники

25 самых дорогих руководителей компаний: ежегодный рейтинг Forbes // *Forbes.ru*. 24.11.2016. URL: <http://www.forbes.ru/photogallery/333321-25-samyh-dorogih-rkovoditeley-kompaniy-ezhegodnyu-reyting-forbes> (дата обращения: 25.11.2016).

Барахова А. Прогульщики осеннего созыва // *Коммерсантъ*. 15.07.2010. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1419792> (дата обращения: 17.03.2017).

Березанская Е. Кто в России получает самую большую зарплату // *Forbes.ru*. 19.11.2012. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/rating/kompanii/211481-gosudarevyslugi-kto-v-rossii-poluchaet-samuyu-bolshuyu-zarplatu> (дата обращения: 18.03.2018).

Бизнесмен в суде Лондона решил вернуть деньги на покупку виллы Чигиринского // Деловая газета «Взгляд». 05.12.2012. URL: <https://vz.ru/news/2012/12/5/610449.html> (дата обращения: 14.12.2017).

Буравцева М. Есть ли жизнь после госслужбы // Ведомости. 21.06.2013. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gosslužby (дата обращения: 22.06.2013).

Бутрин Д., Гизатулин Р. Виталий Артюхов ищет работу. Обратно в Минприроды его наверняка не возьмут // Коммерсантъ. 15.03.2004. № 45 (2884). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/457448> (дата обращения: 16.04.2018).

Винокуров А. Депутатов отчислят за прогулы // Gazeta.ru. 17.10.2016. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/10/17_a_10255781.shtml (дата обращения: 18.10.2016).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // RBC.ru. 11.03.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата доступа: 17.09.2016).

Галимова Н., Орехин П. Чиновники не обеднеют. Зарплаты в правительстве и администрации президента в 7 раз выше, чем по стране // Gazeta.ru. 27.02.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2015/02/27/6429373.shtml> (дата обращения: 18.02.2018).

Гизатулин Р., Бутрин Д. У природы взяли свое. Что успел надеть Виталий Артюхов за последние два часа работы // Коммерсантъ. 21.03.2004. № 44 (2883). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/456942> (дата обращения: 03.05.2018).

Дмитриенко Д. Первый глава российской таможни оказался долларовым мультимиллионером // Ведомости. 06.12.2012. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/12/06/osnovatel_rossijskoj_tamozhni_okazalsya_dollarovym#cut (дата обращения: 09.01.2018).

Доходы в образовании — национальный рейтинг // Движение Обрнадзор. 03.09.2014. URL: <http://обрнадзор.рф/вдействи/рейтингдоходов> (дата обращения: 03.12.2017).

Доходы первых лиц: сколько зарабатывают в Кремле и правительстве // ТАСС. 15.04.2015. URL: <http://tass.ru/politika/1904809/> (дата обращения: 17.10.2018).

Иваницкая М. Генералы в серых костюмах: сколько зарабатывают в Кремле и Белом доме // Forbes.ru. 12.03.2013. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/235448-general-y-v-seryh-kostyumah-skolko-zarabatyvayut-v-kremle-i-belom-dome> (дата обращения: 11.01.2018).

Конюхова К. Пять самых богатых ректоров страны. Разбираемся: сколько получают руководители вузов и их сотрудники // Комсомольская правда. 21.12.2015. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26473.5/3342648/> (дата обращения: 17.01.2018).

Копалкина Е., Ткачёв И., Губернаторов Е. Минфин впервые раскрыл зарплаты министров // RBC.ru. 27.12.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/12/2017/5a4264ba9a79472a5bcfc5d5> (дата обращения: 28.12.2017).

Медведев предложил законодательно бороться с депутатами-прогульщиками // РИА Новости. 02.04.2010. URL: <https://ria.ru/politics/20100402/217844656.html> (дата обращения: 07.07.2018).

Орлов Д. 100 ведущих политиков России в декабре 2017 года // Независимая газета. 28.12.2017. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-12-28/100_politics281217.html (дата обращения: 17.01.2018).

Пять экс-министров стали помощниками президента РФ, один — советником // РИА Новости. 22.05.2012. URL: <https://oldimg1.ria.ru/politics/20120522/655059161.html> (дата обращения: 25.05.2018).

Россия рухнула до уровня Африки в мировом рейтинге верховенства закона // Finanz.ru. 21.10.2016. URL: <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rossiya-rukhnula-do-urovnya-afriki-v-mirovom-reytinge-verkhovenstva-zakona-1001471865> (дата обращения: 09.11.2017).

Сколько платят депутатам в Европе и в России // Euronews. 12.04.2016. URL: <http://ru.euronews.com/2016/04/12/who-are-the-best-paid-mps-in-the-eu> (дата обращения: 17.12.2017)

Совфед одобрил закон о лишении мандатов депутатов-прогульщиков // РИА Новости. 27.04.2016. URL: <https://ria.ru/politics/20160427/1421401640.html> (дата обращения: 29.04.2016).

Составы правительств с 1990 по 1998 год // Российская газета. 21.02.2011. URL: <https://rg.ru/2011/02/21/pravitelstvo-sostav.html> (дата обращения: 11.11.2017).

Составы правительств Российской Федерации // Российская газета. 21.02.2011. URL: <https://rg.ru/2011/02/21/primakov-pravitelstvo.html> (дата обращения: 11.11.2017).

Сотрудники администрации президента лидируют в рейтинге зарплат // BFM.ru. 27.11.2012. URL: <https://www.bfm.ru/news/200765> (дата обращения: 11.03.2018).

Судьбы бывших глав российских регионов. Фонд «Петербургская политика», 2012. URL: http://old.fpp.spb.ru/former_2012-11.php (дата доступа: 25.12.2012).

Таможня дает добро: как первый глава российской таможни стал миллионером // Forbes.ru. 06.12.2012. URL: <http://www.forbes.ru/news/230530-eks-glava-rossiiskoi-tamozhni-priznal-sebya-multimillionerom-v-londonskom-sude> (дата обращения: 01.02.2018).

Тутушкин А., Дерягина О., Дербилова Е. Артюхов расщедрился // Ведомости. 12.03.2004. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2004/03/12/artuuhov-rasschedrilsya> (дата обращения: 14.02.2018).

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 18.03.2018).

Федеральный закон от 08.05.1994 N 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/>

online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221433&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5471911564510752#05149920707679294 (дата обращения: 12.12.2017).

Якорева А., Жолобова М., Мязина Е. Исследование РБК: сколько заработали сотрудники госкомпаний в 2015 году // RBC.ru. 17.02.2016. URL: <https://www.rbc.ru/research/business/17/02/2016/56c38c9d9a794798ed4f8e69> (дата обращения: 11.02.2018).

Corruption Perceptions Index 2017. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017 (дата обращения: 21.02.2018).

Our crony-capitalism index: Planet Plutocrat // The Economist. 15.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (дата обращения: 05.09.2015).

CAREER AFTER LEAVING THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOME CHARACTERISTICS

D. Tev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.6>

Abstract. *The article analyzes the post-government career of members of the Russian government. The empirical basis of the study is a database including biographical questionnaires of 221 members of the post-Soviet (acting since November 1991) governments of Russia, which, as of August 2017, had at least once dropped out of the highest body of executive power. The main institutional channels were identified within which a post-government career takes place. The most important place of work for members of the government immediately after leaving office are administrative structures. Most of the former government officials worked in commercial organizations, but the transitions to business are mostly indirect. Representative bodies (primarily the State Duma), as well as educational and scientific institutions, serve as a less significant channel for a post-government career. In general, the majority of members of the government after resignation at one time or another occupied such positions that allow them to be attributed to elites of different levels (federal, regional, etc.) and functional specialization (administrative, economic, political, etc.), which indicates certain stability of elite membership. The features of the post-government career are discussed in the article in connection with the characteristics of the economic and political structure of Russia ("crony capitalism", the weakness of parliament etc.).*

Keywords: *government, post-government career, elite, business, administration, parliament.*

References

- Baturo A., Arlow J. Is there a 'revolving door' to the private sector in Irish politics? *Irish Political Studies*, 2018, 33 (3), pp. 381–406.
- Baturo A., Mikhaylov S. Blair disease? Business careers of the former democratic heads of state and government, *Public Choice*, 2016, 166 (3–4), pp. 335–354.
- Bennett A.J. *The American President's Cabinet: from Kennedy to Bush*. London: Palgrave Macmillan, 1996, 263 p.
- Bertrand M., Kramarz F., Schoar A., Thesmar D. *Politicians, Firms and the Political Business Cycle: Evidence from France*. Center for Research in Economics and Statistics, March 15, 2007. URL: http://www.crest.fr/ckfinder/userfiles/files/pageperso/kramarz/politics_060207_v4.pdf (accessed: 16.04.2017).
- Blondel J. The Post-Ministerial Careers. In: *The Profession of Government Minister in Western Europe*. Ed. by Blondel J., Thiebault J.-L. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991, pp. 153–173.
- Boubakri N., Cosset J.-C., Saffar W. The Impact of Political Connections on Firms' Operating Performance and Financing Decisions. *Journal of Financial Research*, 2012, 35 (3), pp. 397–423.
- Boubakri N., Guedhami O., Mishra D., Saffar W. *Political Connections and the Cost of Equity Capital*. Scientific Literature Digital Library. 10.2008. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.175.6368&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 16.04.2017).
- Carretta A., Farina V., Gon A., Parisi A. Politicians "on board"! Do political connections affect banking activities in Italy? *European Management Review*, 2012, 9 (2), pp. 75–83.
- Claessen C., Bailer S. *What happens after? An analysis of post-parliamentary private sector career positions in Germany and the Netherlands*. Paper prepared for the workshop „Institutional Determinants of Legislative Coalition Management”, 16–19 November 2015, Tel Aviv University, Israel. URL: <https://www.sv.uio.no/isv/english/research/projects/evolution-parliamentarism/events/seminars/claessenbailerwhathappensafter.pdf> (accessed: 17.08.2018).
- Claveria S., Verge T. Post-ministerial occupation in advanced industrial democracies: Ambition, individual resources and institutional opportunity structures. *European Journal of Political Research*, 2015, 54 (4), pp. 819–835.
- Cohen J.E. The Dynamics of the "Revolving Door" on the FCC. *American Journal of Political Science*, 1986. № 30 (4), pp. 689–708.
- Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. Beyond Party Government? Technocratic Trends in Society and in the Executive. In: *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. Ed. by Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. London: Palgrave, 2017, pp. 1–27.
- Costa Pinto A., Tavares de Almeida P. The Primacy of Experts? Non-partisan Ministers in Portuguese Democracy. In: *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. Ed. by Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. London: Palgrave, 2017, pp. 111–137.

De Winter L. Parliamentary and Party Pathways to the Cabinet. In: *The Profession of Government Minister in Western Europe*. Ed. by Blondel J., Thiebault J.-L. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991, pp. 44–69.

Diermeier D., Keane M., Merlo A. A Political Economy Model of Congressional Careers. *American Economic Review*, 2005, 95 (1), pp. 347–373.

Dörrenbächer N. Patterns of post-cabinet careers: When one door closes another door opens? *Acta Politica*, 2016, 51 (4), pp. 472–491.

Dowding K., Dumont P. (eds.) *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing*. London: Routledge, 2009, 235 p.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis. *Financial Management*, 2010, 39 (3), pp. 905–928.

Faccio M., Masulis R. W., McConnell J. J. *Political connections and corporate bailouts*. *Journal of Finance*, 2006, 61 (6), pp. 2597–2635.

Fan J.P.H., Wong T.J., Zhang T. Politically Connected CEOs, Corporate Governance, and the Post-IPO Performance of China's Partially Privatized Firms. *Journal of Applied Corporate Finance*, 2014, 26 (3), pp. 14–24.

Fish M.S., Kroenig M. *The Handbook of National Legislatures: A Global Survey*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 800 p.

Freitag P.J. The Cabinet and Big Business: A Study of Interlocks. *Social Problems*, 1975, 23 (2), pp. 137–152.

Gladysheva A.A., Kishilova Ju.O. Vliyanie politicheskikh svyazey i gosudarstvennoj sobstvennosti na dejatel'nost' firm v Rossii [The Influence of Political Connections and Government Ownership on Firm Performance: Evidence From Russia]. *Journal of Corporate Finance Research*, 2018, 12 (1), pp. 20–43. (In Russian)

Goldman E., Rocholl J., So J. Do Politically Connected Boards Affect Firm Value? *Review of Financial Studies*, 2009, 22 (6), pp. 2331–2360.

Goldman E., Rocholl J., So J. Politically Connected Boards of Directors and The Allocation of Procurement Contracts. *Review of Finance*, 2013, 17 (5), pp. 1617–1648.

Herrick R., Nixon D.L. Is There Life after Congress? Patterns and Determinants of Post-Congressional Careers. *Legislative Studies Quarterly*, 1996, 21 (4), pp. 489–499.

Hillman A.L. Politicians on the Board of Directors: Do Connections Affect the Bottom Line? *Journal of Management*, 2005, 31 (3), pp. 464–481.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Best H., Hingley J. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 53–68.

Huskey E. (a). Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43 (4), pp. 363–372.

Huskey E. (b). Pantouflage à la russe: The Recruitment of Russian Political and Business Elites. In: *Russian Politics from Lenin to Putin*. Ed. by Fortescue S. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 185–204.

Kang J.-K., Zhang L. *From Backroom to Boardroom: Role of Government Directors in U.S. Public Firms and Their Impact on Performance*, 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2115367> (accessed: 19.08.2016).

Keane J. Life after Political Death: The Fate of Leaders after Leaving High Office. In: *Dispersed Democratic Leadership Origins, Dynamics, and Implications*. Ed. by Kane J., Patapan H., Hart P. Oxford: Oxford University Press, 2009, pp. 279–298.

Kim J.-H. Determinants of post-congressional lobbying employment. *Economics of Governance*, 2013, 14 (2), pp. 107–126.

Kryshтанovskaya O., White S. Losing Power in Russia. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 2005, 21 (2), pp. 200–222

Luechinger S., Moser C. *The Value of the Revolving Door: Political Appointees and the Stock Market*. CESifo Working Paper No. 3921, 2012. URL: http://www.cesifo-group.de/portal/page/portal/DocBase_Content/WP/WP-CESifo_Working_Papers/wp-cesifo-2012/wp-cesifo-2012-08/cesifo1_wp3921.pdf (accessed: 07.12.2016).

Nicholls K. The Dynamics of National Executive Service: Ambition Theory and the Careers of Presidential Cabinet Members. *Western Political Quarterly*, 1991, 44 (1), pp. 149–172.

Niessen A., Ruenzi S. Political Connectedness and Firm Performance: Evidence from Germany. *German Economic Review*, 2010, 11 (4), pp. 441–464.

Parker G.R., Parker S.L., Dabros M.S. The Labor Market for Politicians: Why Ex-Legislators Gravitate to Lobbying. *Business & Society*, 2013, 52 (3), pp. 427–450.

Prewitt K., Nowlin W. Political Ambitions and the Behavior of Incumbent Politicians. *Western Political Quarterly*, 1969, 22 (2), pp. 298–308.

Saeed M.A. *Do Political Connections Matter? Empirical Evidence from Listed Firms in Pakistan*. PhD Thesis. London: Middlesex University, 2013. URL: <http://eprints.mdx.ac.uk/12361/1/MASaeed%20thesis.pdf> (accessed: 06.01.2017).

Samuels D. *Ambition, Federalism, and Legislative Politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 248 p.

Santos F.G.M., Pegurier F.J.H. Political Careers in Brazil: Long-term Trends and Cross-sectional Variation. *Regional & Federal Studies*, 2011, 21 (2), pp. 165–183.

Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*, 2011, 10 (6), pp. 908–927.

Semenova E. Russia: cabinet formation and careers in a superpresidential system. In: *The Selection of Ministers around the World*. Ed. by Dowding K., Dumont P. London; New York: Routledge, 2015, pp. 139–155.

Semenova E. Recruitment and Careers of Ministers in Central Eastern Europe and Baltic Countries. In: *Technocratic Ministers and Political Leadership in European Democracies*. Ed. by Costa Pinto A., Cotta M., Tavares de Almeida P. London: Palgrave, 2017, pp. 173–202.

Shevchenko I. Easy Come, Easy Go: Ministerial Turnover in Russia, 1990–2004. *Europe-Asia Studies*, 2005, 57 (3), pp. 399–428.

Stolz K., Fischer J. Post-Cabinet Careers of Regional Ministers in Germany, 1990–2011. *German Politics*, 2014, 23 (3), pp. 157–173.

Stolz K., Kintz M. *Post-Cabinet Careers in Britain and the US: Theory, Concepts and Empirical Illustrations*. Paper prepared for the ECPR General Conference 2014 Glasgow, September 3–6, 2014. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8127572d-9f46-4c11-8238-2b6ca8e2e14a.pdf> (accessed: 07.12.2014).

Tev D.B. Vysokopostavlennye regional'nye administratory: osobennosti kar'ery posle uhoda s dolzhnosti [Professional Careers of Senior Regional Officials after Leaving Office]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015, XVIII, 4 (81), pp. 37–52. (In Russian)

Tev D.B. (a). Federal'naja administrativnaja jelita Rossii: obrazovatel'nye harakteristiki [Russia's Federal Administrative Elite: Educational Characteristics]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2016, 25, 3, pp. 76–96. (In Russian)

Tev D.B. (b). Jekonomicheskaja jelita RF: opyt raboty v politiko-administrativnoj sfere [Economic elite of the Russian Federation: work experience in political administrative sphere]. *Politija* [The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia], 2016, 2 (81), pp. 89–108. (In Russian)

Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoj Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashhenija polnomochij [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career Characteristics after the Termination of Office]. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 2018, 17 (1), pp. 106–133. (In Russian). (In Russian)

Tev D.B. (2019). Chleny pravitel'stva RF: osobennosti postpravitel'stvennoj kar'ery [Members of the Russian Government: Features of Post-government Careers]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2019, 28 (4), pp. 6–29. (In Russian)

Theakston K. Life after Political Death: Former Leaders in Western Democracies. *Representation*, 2012, 48 (2), pp. 139–149.

Theakston K., Vries J. de. Introduction. In: *Former Leaders in Modern Democracies: Political Sunsets*. Ed. by Theakston K., Vries J. de. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012, pp. 1–11.

Zaznaev O.I. *Poluprezidentskaja sistema: politiko-pravovoj analiz. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora juridicheskikh nauk* [Semi-presidential system: political and legal analysis. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Law]. Kazan', 2006. 42 p.

Zaznaev O.I. Indeksnyj analiz poluprezidentskih gosudarstv Evropy i post-sovetskogo prostranstva [Index analysis of semi-presidential states of Europe and the post-Soviet space]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2007, 2, pp. 146–164. (In Russian)

ЭЛИТЫ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ СЕВАСТОПОЛЯ: ПЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.С. Быстрова

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.7>

Аннотация. *Анализируются процессы формирования российской элиты города Севастополя в течение пяти с половиной лет, прошедших после присоединения к Российской Федерации. Это продолжение исследования, результаты которого были опубликованы ранее в альманахе «Власть и элиты» (2016). В центре внимания — административная элита города. Проанализирован состав нескольких правительств, действовавших в Севастополе в 2014–2019 гг., выявлены основные тенденции формирования административной российской элиты города, представленной в основном членами правительства. За короткий период городом управляли последовательно три губернатора: С.И. Меняйло, Д.В. Овсянников и в настоящее время (с июля 2019 г.) М.В. Развожаев. Существенно менялся персональный состав правительств. Не исключение — правительство временно исполняющего обязанности губернатора Развожаева. Нынешний глава Севастополя, которого СМИ нередко называют «кризисным управляющим», в течение короткого периода времени довольствовался старым составом правительства и продолжал работать с соратниками прежнего губернатора Овсянникова. Затем произвел ряд кадровых решений, уволив некоторых своих заместителей и членов правительства. Анализ всех составов правительства Севастополя, биографий и карьерных путей его членов, бассейнов рекрутирования, образования и других характеристик показал следующие тенденции. Все правительства выглядят как «десант с материка», поскольку в них значительна доля выходцев из других регионов Российской Федерации. То есть при формировании административной элиты Севастополя (исполнительная власть) четко прослеживается тенденция горизонтальной территориальной мобильности региональных чиновников высокого ранга. Эта тенденция также фиксировалась нами*

при исследовании административной элиты других субъектов Российской Федерации. В правительстве губернатора Меняйло было довольно много бывших военных, имевших продолжительный опыт работы на высоких должностях в силовых структурах. После смены Меняйло состав правительства города претерпел значительные изменения. Так, произошло существенное омоложение и профессионализация. В правительстве появились персоны молодые, имеющие профильное экономическое и управленческое образование, а также большой опыт управленческой деятельности в государственных органах власти. Это вселяло надежду на позитивную динамику развития города, решение социальных проблем. Однако надежды не оправдались. Есть довольно много свидетельств того, что губернатору и правительству не удалось найти общий язык с представительным органом власти по ряду важнейших вопросов. Губернатор Овсянников был заменен чиновником федерального уровня Развожаевым, чей жизненный и профессиональный опыт не связан ни с Крымом, ни с Севастополем. Четыре года, предшествовавшие назначению в Севастополь, чиновник вплотную занимался проблемами Северного Кавказа (заместитель министра Российской Федерации по делам Северного Кавказа). Яркий эпизод его карьеры — работа в течение полутора месяцев в Хакасии (октябрь-ноябрь 2018 г.). Задача, поставленная перед ним Президентом РФ — «взять под контроль» ситуацию в Хакасии и «помочь провести чистые, открытые и в полном смысле отвечающие нашим законам выборы». Формирование корпуса административной элиты в городе федерального значения Севастополе, понимающей проблемы и перспективы развития города и населения и адекватно действующей, остается на повестке дня.

Ключевые слова: элита, присоединение Крыма, Севастополь, правительство Севастополя, формирование региональной элиты, рекрутирование, карьеры.

В марте 2019 г. в Российской Федерации прошли торжества по случаю пятой годовщины присоединения к Российской Федерации Республики Крым и города Севастополя. Пять лет — срок необычайно короткий по историческим меркам. Однако эти пять лет были насыщены важными событиями, которые происходили в новых субъектах РФ. Население оказалось в иных культурных и институциональных условиях, нежели ранее, в предшествующие событиям 2014 г. времена. Выраженная на референдуме массовая поддержка идеи присоединения к России¹ теперь должна была воплотиться в конкретных действиях

---

¹ Всего в избирательных списках значилось 306 тыс. человек. В референдуме приняли участие 274 тыс. человек. За воссоединение Крыма с Россией

по строительству институтов власти и управления, чтобы обеспечить нормальное течение повседневной жизни населения, разрешение назревших социальных проблем, «перезапуск» механизмов социально-экономического развития.

Исследователи получили возможность наблюдать в режиме реального времени переформатирование ранее существовавших институтов региональной представительной и исполнительной власти, адаптацию правовой базы новых субъектов РФ к новому статусу. Происходила перестройка прежних региональных элит и формирование новой российской элиты, отвечающей задачам развития регионов в новых условиях.

Исследование, результаты которого излагаются в работе, является продолжением выполненного в 2016 г. Результаты были опубликованы в альманахе «Власть и элиты» [Быстрова 2016]. Цель исследования — изучение процесса формирования российской элиты нового субъекта РФ города федерального значения Севастополя, выявление тенденций формирования корпуса административной элиты, складывающихся в конкретном социально-культурном и социально-политическом контексте.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основании исследования лежат классические теории элит (Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс), теория властвующей элиты Ч. Миллса, концепция демократического оптимума отношений «элита — масса» К. Мангейма, а также концепции современных отечественных и зарубежных авторов. Из публикаций последнего времени хочется выделить методологически полезную работу М. Верчези [Vercesi 2018], в которой очень толково и своевременно обсуждается вопрос синтеза подходов к исследованию политических карьер. Из отечественных публикаций отмечу две статьи Г.А. Борщевского, посвященных исследованию руководящего состава федеральных органов исполнительной власти [Борщевский 2017; 2018] и Д.Б. Тева, подробно анализирующего бассейны рекрутирования федеральной административной и политической элиты [Тев 2017; 2018].

на правах субъекта Российской Федерации проголосовали 95,6 % избирателей. См.: [За воссоединение 2014].

Анализ процесса формирования элиты предполагает изучение социально-демографических характеристик элитных персон и элитных групп, социального происхождения, первичной и профессиональной социализации, а также бассейнов и каналов рекрутирования, карьерных траекторий. Такой многоаспектный подход позволяет прояснить различные стороны процесса формирования элит, оценить их ценностные ориентации, возможности внутренней интеграции на началах общности или схожести жизненного и профессионального опыта. Это также позволяет представить их склонность к тому или иному способу действий в решении проблем, связанных с конкретными группами интересов, оценить способность к поиску компромиссов и избеганию конфликтов или, наоборот, увидеть стремление к обострению конфликтов, их насильственному разрешению, ориентацию на «игру с нулевой суммой».

Ранее в исследовании элит был использован также подход, позволяющий учесть влияние социального контекста, определяющего жизненные планы и карьерные устремления, а также их реализацию. Результаты исследования биографий представителей региональной административной элиты в разрезе принадлежности к определенным политическим поколениям представлены в публикации [Быстрова 2017].

В процессе настоящего этапа исследования были использованы гипотезы, сформулированные в секторе социологии власти и гражданского общества СИ РАН в начале прошлого этапа (2016 г.). Воспроизведем их для удобства читателя в той части, которая относится непосредственно к административной элите:

- Можно предположить, что те элитные группы, которые выступали за независимость и дальнейшее присоединение к РФ, сохранили свои позиции. Но их политико-организационная структура приблизилась к общероссийским характеристикам.
- После присоединения Крыма и Севастополя часть экономических акторов будет вытеснена с полуострова и на их место придет российский бизнес. «Вторжение» российской экономической элиты будет сопровождаться выстраиванием представительства ее интересов в политико-административной сфере.
- Часть политико-административной элиты будет рекрутироваться (приезжать «на укрепление») из «континентальной» России. Скорее всего, она будет назначаться на стратегические социально-политические и экономические позиции.

- Возможные конфликты между «кремлевскими назначенцами» и местной элитой и способы их разрешения зависят от массовой поддержки той или иной стороны. В севастопольском случае это отчетливо прослеживается.
- Предыдущее связано с характером исторического развития политической сферы полуострова. В частности, активность населения, элит и контрэлит во внутриполитической борьбе за автономию, независимость, присоединение к РФ и связанные с этим осознание своих возможностей, эффективности политических действий, чувство политической ответственности.
- Можно предположить, что часть региональной элиты будет состоять из перебежчиков, «перекрасившихся», «прозревших».

На первом этапе исследования они были в значительной части подтверждены. Теперь задача проверить их на более длительном отрезке времени.

Эмпирическая база исследования включает биографии губернаторов Севастополя за пять с половиной лет, которые прошли с момента присоединения города к РФ, и биографии членов правительства за этот же период. Всего 109 позиций (табл. 1).

Таблица 1

База данных административной элиты Севастополя (чел.)

Губернатор	Дата замера	Члены правительства Севастополя
С.И. Меняйло	22.05.2014	12
	10.04.2016	25
Д.В. Овсянников	10.11.2016	12
	11.07.2019	21
М.В. Развожаев	30.09.2019	23
	09.10.2019	16
Всего	22.05.2014 — 09.10.2019	109

Немного об истории Севастополя, правовом статусе и органах исполнительной власти. Датой рождения современного Севастополя считают 3 (14) июня 1783 г., а основателем города — контр-адмирала шотландского происхождения Томаса Меккензи.

С 1948 г. Севастополь стал административно-хозяйственным центром, городом республиканского подчинения (РСФСР в составе СССР), с 1954 г. входил в состав Украинской ССР. В год распада СССР на Общекрымском

референдуме 20 января 1991 г. 97 % проголосовавших севастопольцев были за «статус Севастополя — главной базы Черноморского флота, города союзно-республиканского подчинения» [Федоров 1999], а на Всеукраинском референдуме 1 декабря 1991 г. проголосовали за независимость Украины — 57 % [Відомість 1991]. Правовой статус Севастополя по Конституции Украины (1996 г.) — административная единица наряду со столицей государства Киевом¹. Правовой статус Севастополя так и не был оформлен законом, хотя время от времени возникали проекты, но они не были приняты Верховной Радой. Отклонение законопроектов объяснялось разными причинами. Некоторые исследователи связывали это напрямую с пребыванием в Севастополе Черноморского флота РФ. Тем более что в негативных отзывах на проекты законов такая причина явно присутствовала [Карповский, Чернов 2018].

В итоге в органе исполнительной власти Севастополя Севастопольской городской государственной администрации был глава, назначаемый Президентом Украины. Деятельность исполнительной власти города определялась общими для всех органов местного самоуправления в стране законодательными актами, а также некоторыми межгосударственными соглашениями (между РФ и Украиной) [Соглашение 1997; Соглашение 2003]. В соответствии с этими межгосударственными соглашениями российский бюджет серьезно участвовал в финансировании развития инфраструктуры и социальной сферы Севастополя.

К настоящему времени, уже в составе РФ, правовой статус Севастополя вполне обеспечен законодательными актами РФ и городского Законодательного собрания. За пять лет приведена в основном в соответствие с российским законодательством правовая база субъекта РФ. По сведениям самого ЗАКС, осталось около двух десятков позиций

---

¹ «Статья 133. Систему административно-территориального устройства Украины составляют: Автономная Республика Крым, области, районы, города, районы в городах, поселки и села. В состав Украины входят: Автономная Республика Крым, Винницкая, Волынская, Днепропетровская, Донецкая, Житомирская, Закарпатская, Запорожская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Луганская, Львовская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Ровенская, Сумская, Тернопольская, Харьковская, Херсонская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области, города Киев и Севастополь. Города Киев и Севастополь имеют специальный статус, который определяется законами Украины». [Конституция Украины 1996].

(законов субъекта), которые следует привести в соответствие с российскими.

Исполнительная власть представлена губернатором и возглавляемым им правительством, в подчинении которого находятся органы исполнительной власти — департаменты по сферам и отраслям управления. В состав правительства входят заместители губернатора и ряд глав департаментов. Число заместителей губернатора и глав департаментов в правительстве непостоянно, изменяется губернатором по своему усмотрению. Руководители департаментов назначаются губернатором. Правовой статус губернатора определяется главой V Устава города Севастополя, принятого 11 апреля 2014 г. Поправка от 29 ноября 2016 г ввела прямые выборы губернатора, ограничив при этом пребывание на посту двумя сроками подряд — ст. 24, п. 4 [Закон 2014].

ГУБЕРНАТОРЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Со времени присоединения к РФ до настоящего времени в Севастополе были три губернатора, если не считать первого главу города А.М. Чалого, который пробыл в этом качестве очень недолго. Ниже в таблице 2 приводятся некоторые сведения о главах исполнительной власти города в 2014–2019 гг.

Обратимся к биографиям губернаторов. Они в чем-то похожи, а в каких-то чертах очень различаются.

Ниже в таблице 3 приводятся сведения о месте и годе рождения, а также об образовании губернаторов.

Первый губернатор Севастополя имеет высшее военное образование. Кроме того, за плечами С.И. Меняйло военно-морская академия, без окончания которой невозможно получение высоких званий и должностей ни в армии, ни на флоте России. Самый «ученый» из губернаторов — Д.В. Овсянников. По первому высшему образованию он специалист в области финансов и кредита. Затем он получил еще три специальности — государственное и муниципальное управление, юриспруденция и управление реформируемыми предприятиями ОПК. Последнее было, видимо, связано с его работой на крупных предприятиях промышленности, где он занимал высокие должности в менеджменте. М.В. Развожаев историк по первому высшему образованию. Позже прошел обучение в первом потоке Программы развития кадрового управленческого резерва Высшей школы государственного управ-

Таблица 2

**Главы исполнительной власти Севастополя в 2014–2019 гг.:
сроки пребывания на должности,
способ занятия должности и партийность**

ФИО	Должность и период занятия должности	Способ занятия должности	Партийность
Алексей Михайлович Чалый	председатель координационного совета (21.03 — 1.04.2014) и.о. губернатора (1–14.04.2014)	Назначен решением Законодательного собрания	Единая Россия
Сергей Иванович Меняйло	врио губернатора (14.04 — 9.10.2014) губернатор (9.10.2014 — 28.07.2016)	Назначен Президентом РФ Избран Законодательным собранием Севастополя	
Дмитрий Владимирович Овсянников	врио губернатора (28.07.2016 – 18.09.2017) губернатор (18.09.2017 — 11.07.2019)	Назначен Президентом РФ Избран на прямых выборах	Единая Россия
Михаил Владимирович Развожаев	врио губернатора (11.07.2019 —)	Назначен Президентом РФ	

ления РАНХиГС. Полученное образование Овсянникова укладывается в положение о том, что «структурными элементами сценария “карьера” выступают такие фреймы (обрамление высказывания, контекст), как “образование”, “трудовая деятельность”, “профессиональный успех”. При этом концепт “образование” является обязательным компонентом, опорной составляющей структуры сценария “карьера”, в котором доминирует такой признак, как результативность (совокупность полученных знаний)» [Шебураков, Чирковская 2016]. Авторы ссылаются на результаты исследования в области лингвокогнитивистики Т.В. Маминой, изложенными ею в диссертации [Мамина 2011].

Все три губернатора Севастополя не являются уроженцами этого города. Двое (Овсянников и Развожаев) родились в Сибири. Меняйло — уроженец Северного Кавказа. Не связаны они с Севастополем и местом получения образования или повышения квалификации.

Таблица 3

**Главы исполнительной власти Севастополя в 2014–2019 гг.:
год и место рождения, образование
(первое высшее, дополнительное, повышение квалификации)**

Губернатор	Год и место рождения	Образование
Меняйло Сергей Иванович	22 августа 1960 г., г. Алагир, Северо-Осетинская АССР, СССР	1983 г. — окончил Каспийское высшее военно-морское краснознаменное училище им. С. М. Кирова по спец. «инженер-штурман». 1995 г. — окончил Военно-морскую академию им. адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова
Овсянников Дмитрий Владимирович	21 февраля 1977 г., г. Омск	1999 г. — Удмуртский госуниверситет. Спец. «финансы и кредит». 2001 г. — Тольяттинская академия управления. Спец. «государственное и муниципальное управление». 2007 г. — РАНХиГС. г. Спец. «юриспруденция». 2011 г. — Высшая школа экономики. Спец. «управление реформируемыми предприятиями ОПК» (Executive MBA)
Развожаев Михаил Владимирович	30 декабря 1980 г., Красноярск	2002 г. — исторический факультет Красноярского государственного педагогического университета. 2017–2018 гг. — прошел обучение в первом потоке Программы развития кадрового управленческого резерва Высшей школы госуправления РАНХиГС

Из всех троих только Меняйло в течение нескольких лет по долгу службы находился непосредственно на базе Черноморского флота РФ. В 2009–2011 гг. занимал должность заместителя командующего Черноморским флотом РФ. На должности губернатора оказался в 2014 г., после того как несколько лет (2011–2014) руководил госпредприятием «Крымские морские порты». В то же время Овсянников в течение 2014–2015 гг. работал директором департамента региональной промышленной политики Минпромторга РФ, а затем вплоть до назначения и.о. губернатора Севастополя был заместителем министра промышлен-

ности и торговли РФ. Развожаев до губернаторства руководил исполкомом Общероссийского народного фронта, в течение полутора месяцев возглавлял правительство Хакасии, выполняя прежде всего поручение Президента РФ об организации региональных выборов (губернатора), но до этого в 2014–2018 гг. трудился вначале советником, а вскоре стал заместителем министра РФ по делам Северного Кавказа.

То есть с точки зрения бассейна рекрутирования все три губернатора — из сферы управления. Но первый с громадным специфическим военным опытом и некоторым опытом руководства государственной компанией. Овсянников, кроме службы в министерстве, несколько лет участвовал в высшем менеджменте крупных промышленных компаний. Он также имел опыт работы государственного управления: в 2001–2007 гг. — федеральный инспектор по Кировской области, Удмуртской Республике аппарата полпреда Президента РФ в Приволжском федеральном округе (табл. 4).

Таблица 4

**Главы исполнительной власти Севастополя в 2014–2019 гг.:
бассейн рекрутирования**

Губернатор	Предшествующая работа	Предпредшествующая работа
Меняйло Сергей Иванович	2011–2014 гг. — руководитель госпредприятия «Крымские морские порты»	2009–2011 гг. — заместитель командующего Черноморским флотом РФ
Овсянников Дмитрий Владимирович	2015–2016 гг. — заместитель министра промышленности и торговли РФ	2014–2015 гг. — директор департамента региональной промышленной политики Минпромторга РФ
Развожаев Михаил Владимирович	2018–2019 гг. — руководитель исполкома Общероссийского народного фронта	3 окт. — 15 нояб. 2018 г. — врио главы — председателя правительства Республики Хакасия

Карьеры губернаторов. Карьеры Д.В. Овсянникова и М.В. Развожаева похожи тем, что оба чиновника имеют большой опыт административной работы в органах исполнительной власти. В то же время у Овсянникова имеется опыт деятельности на руководящих постах в частном бизнесе (с 2007 по 2014 г.). В более ранний период (1993–2001 гг.) работал на предприятиях промышленности в различных должностях. Скорее всего, в то время он не входил в руководство компаний. Видимо, в дальнейшем продвижении по карьерной лестнице положительную роль сыграло

окончание в 2001 г. Тольяттинской академии управления по специальности «государственное и муниципальное управление». Потому что в том же году мы видим Овсянникова в должности федерального инспектора по Кировской области, Удмуртской Республике аппарата полпреда Президента РФ в Приволжском федеральном округе.

С точки зрения профессионализации как государственный служащий Развожаев имеет более значимый и адекватный должности губернатора опыт, поскольку работал более десяти лет в администрации Красноярского края. Видимо, неплохо справлялся, так как губернатор Л. Кузнецов пригласил его на работу в Министерство по делам Северного Кавказа, куда сам был назначен министром.

Карьера С.И. Меняйло совершила не один крутой вираж. 28 лет он прослужил на военном флоте сначала в СССР, потом в РФ. По окончании военной службы стал руководителем госпредприятия «Крымские морские порты», которое выступало как субъект хозяйственной деятельности на акватории пяти портов в Крыму (2011–2014 гг.), затем в течение двух лет губернатор Севастополя и, наконец, полпред Президента РФ в Сибирском федеральном округе.

Обращает на себя внимание, что выборы, которые уже прошли бывшие губернаторы Севастополя или предстоят нынешнему врио, по сути, первые в их карьере. Исключение — С.И. Меняйло, который в 1990 г. был избран депутатом Мурманского областного совета.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СЕВАСТОПОЛЯ

Проведем сравнительный анализ по некоторым характеристикам состава правительства Севастополя при трех губернаторах. Нами проведены дополнительно три замера, т.е. в итоге зафиксирован состав правительства на шесть дат. По сравнению с предыдущим исследованием мы добавили состав правительства на последний день перед отставкой Д. Овсянникова (10.07.2019) и два состава правительства, которые успел сформировать М. Развожаев (30.09.2019 и 09.10.2019).

Возраст и пол. Как видно из таблицы 5, в первом составе правительства тогда еще и.о. губернатора С.И. Меняйло только один из его членов моложе 40 лет. В то же время половина членов правительства старше 50 лет. Четверть членов правительства находятся в диапазоне от 41 до 50 лет. Во втором составе правительства при губернаторе С.И. Меняйло (на 10.04.2016) доля лиц, возраст которых более 50 лет, превы-

шает половину. Увеличился по сравнению с первым замером удельный вес тех членов правительства, возраст которых в диапазоне от 41 до 50 лет — с четверти до трети состава. По-прежнему невелика доля членов правительства в возрасте до 40 лет.

Существенно меняется картина в третьем замере (на 10.11.2016). Главе региона Д.В. Овсянникову всего 39 лет. Две трети членов правительства молодого губернатора — это лица моложе 50 лет. В этом составе правительства города нет ни одного чиновника старше 60 лет. Состав последнего перед отставкой губернатора Овсянникова правительства по-прежнему сохраняет высокий удельный вес сравнительно молодых лиц (2/3 тех, кому менее 50 лет). В нем только два чиновника старше 60 лет (63 и 66 лет). Оба «силовики». Значительная часть жизни одного была связана с Военно-морским флотом СССР и РФ, а затем Гражданской обороной, другого — с органами прокуратуры СССР и РФ. Первое собственное правительство М. Развожаева почти повторяет по численному и персональному составу, а также по возрасту последнее правительство Д. Овсянникова. В нем 23 человека, и оно также на две трети состоит из лиц, моложе 50 лет, но в нем еще больше тех, кому нет и 40 лет (1/2).

Таблица 5

Возраст членов правительства Севастополя (2014–2019 гг.) (чел.)

Губернатор	Дата замера	До 40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Более 60	Иное	Итого
С.И. Меняйло	22.05.2014	1	3	6		2*	12
	10.04.2016	3	8	11	3		25
Д.В. Овсянников	10.11.2016	2	6	4			12
	11.07.2019	3	11	5	2		21
М.В. Развожаева	30.09.2019	8	7	4	1	3*	23
	09.10.2019	7	5	3	1		16

*нет данных о возрасте.

Отметим, что ни в первом, ни в третьем замерах в составе правительства нет ни одной женщины. И только во втором замере обнаруживаем единственную женщину — директора департамента культуры города Севастополя. В последнем правительстве Овсянникова (четвертый замер) также только одна женщина — и.о. заместителя губернатора. Иной подход к участию женщин в правительстве города демонстрирует Развожаев. В двух назначенных им правительствах пять женщин,

при этом в связи с уменьшением количественного состава правительства (16 вместо 23 человек) их доля выросла и составила почти треть. Причем три члена правительства женского пола занимают должности заместителя губернатора. Всего в правительстве семь заместителей губернатора.

Первое высшее образование. В таблице 6 приведены сведения о первом высшем образовании членов правительства Севастополя за 2014–2019 гг. Анализ трех составов правительства города после его присоединения к РФ показывает, что преобладающий тип образования членов правительства изменялся, поскольку в него входили люди, образовательная подготовка которых (на взгляд тех, кто его формировал) и управленческий опыт в наибольшей степени соответствовали задачам «текущего момента». Видимо, с обстоятельствами присоединения города к РФ связано то, что первое правительство на три четверти состояло из лиц, имеющих высшее военное образование и большой опыт службы на руководящих должностях в Вооруженных Силах СССР и РФ. Во втором замере в правительстве лиц, имеющих высшее военное образование, меньше, чем в первом, но все еще велико — почти половина. Но в то же время появляются чиновники, имеющие профессиональную подготовку в области экономики, финансов и государственного управления — 20 %, а также несколько человек с высшим юридическим образованием. Наконец, в составе правительства (третий замер), во главе которого молодой чиновник с довольно успешной карьерой и.о. губернатора Овсянников, около 60 % членов имеют высшее экономическое, финансовое и управленческое образование. Как следует из приведенных данных об образовании членов правительства города, тип и качество полученного ими высшего образования существенно изменился — в сторону большего соответствия задачам регионального управления.

Посмотрим, что происходило далее. В последнем правительстве Д. Овсянникова лиц, имеющих профильное экономическое, финансовое, управленческое образование, уже только около 40 %, с военным образованием около 20 %, зато появилось несколько юристов. В первом и втором собственном правительстве врио М. Развожаева наблюдаем дальнейшее уменьшение доли профессиональных экономистов, финансистов и управленцев — менее 1/3. Это совсем не означает, что уровень компетентности снижается. Просто недостаток знаний восполняется различными формами профессиональной переподготовки. Так, сам М. Развожаев и ряд членов его правительства прошли профессиональ-

ную переподготовку по различным программам, например в рамках Программы развития кадрового управленческого резерва Высшей школы государственного управления РАНХиГС РФ, окончили магистерские программы и т.д. К тому же имеют опыт практической деятельности в области государственного управления.

Таблица 6

**Первое высшее образование членов правительства города
Севастополя (2014–2019 гг.) (чел.)**

Дата замера	Экономическое, финансовое, управленческое	Юриди- ческое	Техни- ческое	Военное	Прочее	Итого
22.05.2014		2		8	2*	12
10.04.2016	5	3	2	12	3	25
10.11.2016	7			1	4	12
11.07.2019	8	3	2	4	4****	21
30.09.2019	7	3	3	1	9***	23
09.10.2019	5	2	2	1	6**	16

*нет сведений об образовании.

**два члена правительства — нет сведений о полученной специальности, один практический психолог, один историк, один медик и один журналист.

***по трем членам правительства нет сведений о высшем образовании, два члена правительства — нет сведений о полученной специальности, один практический психолог, один историк, один медик и один журналист.

**** один практический психолог, один медик, один географ, один — нет сведений о полученной специальности.

Бассейн рекрутирования правительственных чиновников Севастополя. В целях анализа бассейна рекрутирования рассмотрим показатель *предшествующей работы*, т.е. работы, предшествующей занятию нынешней должности. Он демонстрирует, из какой сферы деятельности рекрутируются чиновники. В таблице 7 приводятся сведения о предшествующей работе членов правительства Севастополя за 2014–2019 гг.

В первом составе правительства города (22.05.2014) половина членов правительства до того, как были приглашены в него на работу, были заняты на различных должностях в высшем менеджменте предприятий и банков. Еще треть — это люди, занимавшие посты в администрациях различного уровня в органах муниципального и государственного управления. Другими словами, основной бассейн рекрутирования севастопольских правительственных чиновников в первом замере — это

менеджмент бизнеса и сфера муниципального и государственного управления.

Таблица 7

Предшествующая работа членов правительства города Севастополя (2014–2019 гг.) (чел.)

Дата замера	Должности в высшем менеджменте предприятий и банков	Посты в администрациях муницип., город., регион., федерал. органов	Депутаты различного уровня	Должности в армии или служба в другом силовом ведомстве	Прочее	Итого
22.05.2014	6	4	1		1*	12
10.04.2016	5	19		1		25
10.11.2016		12				12
11.07.2019	1	17			3***	21
30.09.2019	2	15	2		4**	23
09.10.2019	2	8	2		4**	16

*нет сведений о предшествующей работе.

**руководители Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию».

***один директор филиала МГУ, один директор частного учреждения здравоохранения, один контролер ОАО «Концерн Энергоатом».

Второй состав правительства (10.04.2016) демонстрирует тенденцию усиления роли муниципального и государственного управления как бассейна рекрутирования правительственных чиновников (3/4). Объяснение, на наш взгляд, лежит на поверхности: город нуждается в квалифицированных управленцах на всех уровнях, прежде всего на уровне правительства субъекта РФ. Доля выходцев из бизнеса, занимавших различные должности в высшем менеджменте предприятий и банков, составила 20 %.

В третьем замеры (10.11.2016) состава правительства города, во главе которого сравнительно молодой (39 лет), но имеющий богатый опыт чиновник, все члены правительства (100 %) — люди, занимавшие до прихода в правительство различные посты в администрациях (муниципальных, городских, региональных, федеральных органов управления) и имеющие, как мы показали ранее, профессиональное образование

в области экономики, финансов и управления. Обозначившаяся тенденция свидетельствует о серьезности намерений улучшить качество управления. Еще на первом этапе исследования мы говорили о дефиците управленческих кадров. Эта проблема хорошо понималась руководством. Приведем слова главы Республики Крым С. Аксенова: «Кадровая скамейка практически пуста и зачастую состоит из тех, кто уже работал в органах власти при Украине» [Аксенов 2017]. О напряженности кадровой проблемы говорят и авторы экспертного доклада о межэтнических отношениях и религиозной ситуации в Крыму [Межэтнические отношения 2018: 46–47].

Последнее правительство Д. Овсянникова по показателю предшествующей работы практически не отличается от того, что зафиксировано на 10 ноября 2016 г. (еще до выборов губернатора). Три члена правительства, отмеченные в графе таблицы «Прочие», отличаются не должностями или характером работы, не выполняемыми функциями, а лишь отраслью, в которой они трудились до прихода в правительство (образование, здравоохранение) и необычным названием должности — контролер (это административная работа высшего менеджмента). Так что все члены правительства имели предшествующую работу административно-управленческого характера.

Два правительства М. Развожаева отличаются от прежних (кроме самого первого правительства С. Меняйло) присутствием двух бывших членов представительных органов власти. Это бывший член Совета Федерации ФС РФ и бывший депутат Законодательного собрания Севастополя первого созыва. В правительствах уменьшилось количество выходцев из органов исполнительной власти и муниципальных администраций. В правительстве от 30.09.2019 количество заместителей не изменилось (7), а количество руководителей департаментов теперь 9, а не 16. Четыре члена правительства, включая его председателя, имели предшествующую работу в руководстве одной организации — Общероссийском общественном движении «Народный фронт “За Россию”».

Предпредшествующая работа членов правительства города Севастополя. Показатель предпредшествующей работы позволяет бросить ретроспективный взгляд на процесс рекрутирования в элитные группы, оценить также степень профессионализации элитных персон, представляющих различные сектора элиты. То есть появляется возможность через карьерные перемещения индивидов проследить процесс форми-

рования корпуса элиты и ее различных сегментов, в данном случае административной элиты города Севастополя.

Из данных таблицы 8 видно, что по показателю предпредшествующей работы роль управленческой сферы — и менеджмента бизнеса, и муниципального и государственного управления — ниже. Зато появляется служба на различных должностях в армии или других силовых ведомствах. В первом составе правительства таких персон менее 20 %, во втором — около 30 %, в третьем — один человек. Третий состав правительства в этом смысле все равно демонстрирует подавляющую роль сферы управления, преимущественно муниципального и государственного, как бассейна рекрутирования в процессе формирования элитного корпуса. Роль силовых структур в процессе формирования административной элиты коррелирует со значительной долей лиц, имеющих высшее военное образование в первом и втором составах правительства Севастополя.

Последнее правительство Д. Овсянникова (11.07.2019) показывает практически ту же картину, что и по показателю предшествующей

Таблица 8

**Предпредшествующая работа членов правительства города
Севастополя (2014–2019 гг.) (чел.)**

Дата замера	Должности в высшем менеджменте предприятий и банков	Посты в администрациях (муниципал., городских, регионал., федерал. органов)	Депутаты различного уровня	Должности в армии или служба в другом силовом ведомстве	Прочее	Итого
22.05.2014	5	3		2	3*	12
10.04.2016	6	11		7	1	25
10.11.2016	1	10		1		12
11.07.2019	3	15			3***	21
30.09.2019	5	14	1		3**	23
09.10.2019	4	10	1		1**	16

*нет сведений о предпредшествующей работе.

**нет сведений о занимаемых должностях.

*** один заместитель директора филиала МГУ, один заместитель директора автономного учреждения «Центр развития туризма», один заместитель директора Научно-исследовательского онкологического института.

работы. Характер труда на предпредшествующей работе — административно-управленческая деятельность, но большее число членов правительства были заняты в руководстве предприятиями и банками, попавшие в графу «прочие» занимались управленческим трудом в сфере образования, здравоохранения и туризма, но на более низком должностном уровне (заместители руководителя). Предпредшествующая работа в «силовых» структурах не зафиксирована.

В двух правительствах М. Развожаева по одному человеку — бывшие депутаты. Нет сведений о предпредшествующей работе трех членов первого правительства. О предпредшествующей работе одного члена второго правительства также ничего не известно. Про остальных членов и первого, и второго состава правительства можно сказать, что две трети были заняты на различных постах в администрациях муниципальных, городских, региональных и федеральных органов. Сравнение с данными о предшествующей работе свидетельствует о том, что в чиновной карьере ряда членов правительства были некоторые перерывы, связанные с бизнесом.

Опыт работы в силовых структурах членов правительства Севастополя. Севастополь — город военно-морской, здесь с незапамятных времен располагается база Черноморского флота РФ. Этим, по всей вероятности, можно объяснить назначение властями РФ вице-адмирала в запасе, бывшего заместителя командующего Черноморским флотом РФ С.И. Меняйло исполнять обязанности губернатора Севастополя. С.И. Меняйло, несомненно, выглядел человеком, подходящим по многим параметрам для руководства городом морской славы российского государства. Для наших целей важно, что с ним прибыла команда людей, также имевших большой опыт службы в силовых структурах. С.И. Меняйло прослужил в вооруженных силах более 30 лет, включая годы обучения в военных учебных заведениях. Четверть членов первого состава правительства и.о. губернатора Меняйло прослужили более 27 лет каждый. О четырех персонах сведений об их опыте службы в силовых структурах нет.

Второй состав правительства, во главе которого стоял уже избранный губернатор С.И. Меняйло, численно превосходил первый в два раза. Он, как и первый, напоминал штаб управления городом. Две трети членов правительства имели значительный опыт службы в силовых структурах. Конечно, это не означает, что они перешли на работу в правительство непосредственно из силовых структур. Таковых прак-

тически не было ни в одном составе правительства города. По окончании службы они успели попробовать себя в бизнесе и органах муниципального и государственного управления. Однако навыки работы, методы управления персоналом, способы решения проблем не могли не нести на себе печати «силовиков». Так что в профессиональном плане им не только предстояло привыкнуть к переходной ситуации нового субъекта РФ, но и продолжить адаптацию к гражданским условиям управления регионом, население которого привыкло к открытому выражению своего недовольства властям, если оно (недовольство) возникало. Можно предположить, что взаимодействие давалось нелегко.

В третьем составе правительства во главе с губернатором Д.В. Овсянниковым был только один бывший военный высокого ранга.

Ситуация, однако, изменилась, и к 2019 г. снова оказались востребованы в качестве управленцев в правительстве Севастополя люди, имеющие профессиональный опыт службы в силовых структурах. В последнем правительстве Д. Овсянникова доля таких людей составила треть (7 человек). Еще пять членов правительства прошли срочную службу в армии.

В двух правительствах М. Развожаева три его члена имели профессиональный опыт службы в силовых структурах: в органах внутренних дел (1), в ВС РФ (1) и в ВМФ СССР, а затем в органах Гражданской обороны СССР и Украины. Следует отметить, что все они имели военное образование (кроме практического психолога, служившего в органах МВД). Некоторые имели военно-инженерные и военно-финансовые специальности, поэтому имели сравнительно больше шансов успешной адаптации к гражданской жизни и управленческой деятельности в гражданской сфере и использовали их.

Укорененность формирующейся элиты Севастополя по показателю места предшествующей работы. Быстро разворачивавшиеся события «русской весны» в Крыму в целом и в Севастополе в частности означали необходимость быстрых решений относительно руководства Севастополем. Ситуация породила и.о. губернатора С.И. Меняйло и его правительство, в котором половина членов в Севастополе до событий весны 2014 г. не жила.

Второе правительство, сформированное после избрания губернатора С.И. Меняйло на заседании городского ЗАКС, также наполовину состояло из жителей других регионов. Около трети были выходцами из Москвы и Московской области. Вскоре обнаружилось, что некоторые «пришель-

цы» оказались замешаны в различных скандалах коррупционного свойства. То есть мотивы переезда на новое место работы были не всегда чистые. Очень скоро появились многочисленные публикации в региональной прессе с заголовками, в которых мелькали слова «мафия», «коррупция». Население города требовало на митингах отставки губернатора. Некоторые члены второго правительства скоро попали под следствие, кое-кто был уволен.

Но кадровый голод не был еще ликвидирован. И третье правительство продолжило сложившуюся тенденцию. Так, три четверти членов правительства Овсянникова — выходцы из других регионов РФ, в том числе один — бывший житель столицы. Представляется, что такое положение — вынужденное ввиду недостатка в регионе квалифицированных кадров, соответствующих задачам, стоящим перед региональными и федеральными властями. Кроме того, недостаточное присутствие в складывающейся элите местных активистов, во многом олицетворявших «русскую весну», выглядит неожиданным в то время, как можно было бы ожидать большей циркуляции местной элиты. Некоторые исследователи выявили значимую связь между активностью населения в период назревающих перемен и степенью циркуляции элит [Parliamentary 2014].

Сложившаяся тенденция приглашать в исполнительную власть (в отличие от законодательной) специалистов-управленцев из других регионов сохранялась на протяжении всего срока губернаторства Овсянникова. И в его последнем правительстве ряд постов по-прежнему занимали выходцы из других регионов, хорошо знакомые губернатору по прежним местам работы или учебы.

Врио губернатора Развожаев объявил о намерении увеличить участие местных жителей в правительстве города. В нем появились хорошо известные в Севастополе деятели «русской весны», например А.А. Кулагин, бывший депутат Законодательного собрания Севастополя первого созыва, и О.Л. Тимофеева, бывший сенатор и бывший депутат ЗАКС. Однако и Развожаев пришел со своей командой. Она состоит из нескольких человек, хорошо знакомых ему по совместной работе в ОНФ и Министерстве по делам Северного Кавказа, по совместной профессиональной переподготовке либо еще по работе в правительстве Красноярска.

Карьеры членов правительства. Карьеры членов правительств Меньяйло разнообразны, но практически все укладываются в тип так называемых социальных карьер. Траектории этих карьер показывают

неоднократные переходы из одной сферы деятельности в другую, например из военной службы в бизнес, из бизнеса в государственное управление. Такие карьеры, как правило, свойственны периодам существенных перемен в обществе и государстве.

Карьеры членов правительства Овсянникова в первый год его губернаторства выглядят более профессиональными. У чиновников профильное для административной элиты образование. Многие последовательно продвигались со ступеньки на ступеньку карьерной лестницы в рамках одной структуры. Карьеры чиновников правительства заключительного года губернаторства Овсянникова иные. Среди них появились люди, имеющие опыт работы в различных сферах деятельности. В частности, несколько выходцев из силовых структур, но в основном с не очень длительным сроком службы.

Сугубо профессиональной можно назвать карьеру только одного чиновника из правительства и.о. губернатора Развожаева — самого молодого (1986 г. р.) и.о. директора департамента по имущественным и земельным отношениям, который стал государственным служащим в 21 год. У всех остальных чиновничьим должностям предшествовал опыт работы в другом качестве. Профессиональной карьерой можно назвать трудовой путь самого и.о. губернатора Развожаева, поскольку карьере в сфере административного государственного управления предшествовала только непродолжительная работа в профсоюзной организации студентов Красноярского государственного университета. Затем Развожаев занимался административной деятельностью в Правительстве Красноярского края при губернаторах А. Хлопонине и Л. Кузнецове. Последний получил назначение на должность министра РФ по делам Северного Кавказа. Развожаев перешел на службу под его началом советником министра, а затем (через несколько месяцев) стал его заместителем. С должности заместителя министра он был назначен врио губернатора Республики Хакасия уже при новом министре по делам Северного Кавказа С. Чеботареве. Задача, поставленная Президентом РФ В.В. Путиным перед врио главы республики — «взять под контроль» ситуацию в Хакасии и «помочь провести чистые, открытые и в полном смысле отвечающие нашим законам выборы» [Биография 2019] — была выполнена. После этого Развожаев вошел в состав центрального штаба Общероссийского народного фронта, и менее чем через месяц стал руководителем его исполкома. Организация имеет статус общественной, поэтому нельзя назвать работу в ней государственной службой. Вскоре

последовало назначение исполняющим обязанности губернатора нового субъекта РФ города федерального значения Севастополя. Развожаев также становится председателем правительства Севастополя, конечно, с приставкой и.о.

Другие члены правительства имеют более или менее продолжительный опыт работы в сфере бизнеса и финансов, в отличие от губернатора. Два чиновника до работы в органах власти служили в органах МВД и Гражданской обороны, ВМФ. При этом один из чиновников — женщина, имеющая специальность по первому высшему образованию «практический психолог», — прослужила в органах МВД девять лет. Другой чиновник имеет за плечами Севастопольское высшее военноморское инженерное училище (специальность «физико-энергетические устройства») и Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева (командно-штабная работа). Его стаж работы в силовых структурах более 20 лет: ВМФ СССР, гражданская оборона СССР и Украины. После окончания службы оказался в руководстве администрации города Измаила, затем был приглашен в администрацию Севастополя и.о. губернатора С.И. Меняйло (май 2014 г.). С тех пор руководит социальной защитой населения — при всех главах города.

Вытягивающие факторы карьеры. Формирование правительства Меняйло шло при участии полпреда Президента РФ в Крымском федеральном округе О.Е. Беловенцева, обладавшего большими связями и полномочиями. В судьбе губернатора Овсянникова роль вытягивающей силы, видимо, принадлежит С.В. Кириенко, под началом которого он трудился федеральным инспектором аппарата полпреда Президента РФ в Приволжском Федеральном округе по Кировской области, Удмуртской Республике. Эта работа обеспечила правительство Овсянникова многими кадрами именно из Удмуртии. Для членов правительства этого губернатора оказалась значимой также совместная учеба.

Ряд членов правительства Развожаева также имеют в своих биографиях периоды совместной работы или учебы с его главой. Так, и.о. заместители губернатора А.Н. Парикин и С.В. Пирогова одновременно с ним трудились в Министерстве РФ по делам Северного Кавказа, а затем в руководстве ОНФ. Еще один член правительства — А.С. Солопеко, и.о. директора департамента общественных коммуникаций города Севастополя, — сподвижник М. Развожаева по ОНФ. К тому же она уроженка Красноярска, известная в крае журналистка и телеведущая, лауреат всероссийских профессиональных конкурсов, в том числе

«ТЭФИ-РЕГИОН» 2011 г. Уроженкой Красноярского края является и С.В. Пирогова. Карьера самого М. Развожаева тесно связана с губернаторами Красноярского края А. Хлопониным и Л. Кузнецовым. Под руководством Л. Кузнецова нынешний и.о. губернатора Севастополя работал не только в Красноярском крае, но и в Министерстве РФ по делам Северного Кавказа.

Судьба губернаторов и правительств Севастополя. За пять с половиной лет в Севастополе сменился третий глава исполнительной власти. Два предыдущих — С. Меняйло и Д. Овсянников — не доработали до конца своих сроков и вынуждены были просить об отставке по собственному желанию. Во многом они воплощали два разных типа чиновника высокого ранга. Но их постигла одна судьба. Причины в обоих случаях в самом общем виде можно связать с трудностями коммуникаций и взаимодействий с органом представительной власти, его председателем. Герой «русской весны» А.М. Чалый, народный мэр, как его иногда называют, оказался упорным и трудным партнером-противником. В начале каждого губернаторства был небольшой период поиска взаимопонимания, но каждый раз он не давал длительного результата. Сейчас Чалый не является депутатом, но его сторонники имеют небольшой перевес в ЗАКС. В правительствах двух губернаторов были люди Чалого, но они не удерживались там надолго. В итоге все эти годы в Севастополе функционировала конфликтная модель взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти, исключительная для сегодняшней РФ. Конфликтная ситуация всякий раз разрешалась с помощью федерального центра методом отставки губернатора. В сентябре 2019 г. в ходе выборов в ЗАКС в Севастополе оппоненты потеснили сторонников «народного мэра». Однако ситуация далека еще от привычного образца гегемонии региональной администрации. Формирование административной элиты всегда идет под влиянием складывающегося контекста под задачи государственного управления, но и в соответствии с интересами самих бюрократов (насколько это возможно в борьбе с другими группами интересов — политиков, бизнеса, «силовиков», центра и регионов). Административной элите не нужна война с представительной властью или полное подчинение ей, но автономия весьма желательна для выполнения предписанных функций. Ситуация формирования-адаптации элиты каждый раз уникальна сочетанием действующих факторов, но универсальна в принципе. Примером может служить положение многих новых членов Евро-

союза, когда административные элиты конкретных стран вынуждены адаптироваться к новым условиям (см., например: [Паньков 2017]).

Пока ситуация повторяет начальные месяцы двух предшествующих губернаторств: руководители двух ветвей власти проводят встречи, обещают сотрудничество. Может быть, получится наладить коммуникацию, прийти к взаимопониманию. Другой положительный момент — это работа городского правительства по созданию кадрового резерва. Работа идет с 2016 г., но пока не дала существенных результатов. Однако создание кадрового резерва поможет сделать формирование элиты более открытым для широкой публики.

ВЫВОДЫ

Процесс формирования российской элиты нового субъекта РФ города федерального значения Севастополя происходит всего пять с половиной лет. Он является частью более широкого и глубокого процесса адаптации городского сообщества к новым для него институциональным условиям. В этом процессе становление российской административной элиты города особенно важно, поскольку, по сути, означает создание института, без которого невозможно эффективное управление. В ходе исследования нашли подтверждение некоторые гипотезы, выявлены следующие тенденции.

В период 2014–2019 гг. в Севастополе действовали три губернатора. Анализ персонального состава правительств показал, что имеет место положительная динамика в формировании элитного корпуса. Речь идет об известном омоложении членов правительства, преобладании членов правительства с высшим образованием в сфере экономики, финансов и управления, имеющих серьезный опыт работы в сфере управления.

В первых составах правительства Севастополя был значительный удельный вес людей, имевших длительный опыт работы на высоких должностях в силовых структурах. Видимо, это связано как с персоной губернатора (вице-адмирал в запасе), так и с опасениями федеральных властей в том, что могут потребоваться специальные навыки организации жизни города в условиях адаптации региона к российскому политическому, экономическому и правовому пространству. К 2019 г. у губернаторов Овсянникова и Развожаева, вполне гражданских, снова появились члены правительства с большим опытом службы в «силовых ведомствах».

Анализ биографий и карьер членов правительства при трех главах города показывает, что основным бассейном рекрутирования правительственных чиновников служат администрации (органы исполнительной власти) регионального и федерального уровней, а также муниципалитетов. Редко — бывшие депутаты представительных органов власти. При губернаторе Меняйло среди членов правительства было немало бывших менеджеров предприятий и банков. Есть такие чиновники и в правительстве и.о. губернатора Развожаева.

Все правительства выглядят как «десант с материка». Активность населения в «русской весне» не воплотилась в интенсивную циркуляцию местных элит. В то же время губернаторы «приютили» людей с неоднозначной репутацией и соответствующими привычками. Их присутствие вызвало протесты населения, вслед за этим увольнение и возбуждение уголовных дел. В правительствах первого губернатора около трети состава были выходцами и з Москвы и Московской области, губернатор Овсянников пригласил на работу немало выходцев из Удмуртии, нынешний и.о. губернатора Развожаев привел с собой коллег по работе в Министерстве по делам Северного Кавказа и исполкома ОНФ. То есть оказалось важным на новом месте иметь надежных помощников, хорошо знакомых по совместной работе и учебе. Непоследнее значение имеет недостаток местных квалифицированных кадров. Хотя тенденция горизонтальной мобильности региональных чиновников высокого ранга прослеживалась нами и в других регионах РФ.

Все пять с половиной лет персональный состав правительства постоянно изменялся, нередко перемены не поддавались разумному объяснению. Велика текучка кадров в органах исполнительной власти. Сохраняется неустойчивый характер формирующегося корпуса административной элиты, представленный правительством и его главой.

Литература

Борщевский Г.А. Высшие государственные служащие как политико-административная элита современной России // *Полития*. 2018. № 1 (88). С. 82–99. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-82-99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyshhie-gosudarstvennye-sluzhaschie-kak-politiko-administrativnaya-elita-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 19.11.2019).

Борщевский Г.А. Социологический портрет политико-административной элиты современной России // *Социология власти*. 2017. Т. 29, № 4. С. 148–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskij-portret-politiko-administrativnoy-elity-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 20.11.2017).

Быстрова А.С. Формирование российской элиты Севастополя // Власть и элиты. Т. 3 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2016. С. 187–205.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. Т. 4 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 170–203.

Картовский В.С., Чернов С.Н. Правовой статус города-героя Севастополя до исторического воссоединения с Российской Федерацией // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по мат-лам X междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2018. № 5 (10). С. 88–92. URL: <https://sibac.info/conf/jurisprudence/x/110344> (дата обращения: 18.11.2019).

Мамина Т.В. Специфика лингвокогнитивного моделирования сценария «карьера» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму: экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / ред. Т.А. Сеньюшкина, В.В. Степанов, Р.А. Старченко. М.; Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018.

Паньков И. Административные элиты: автономия или подчинение? // Журнал Белорусского гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 111–118. URL: <https://journals.bs.u.by/index.php/sociology/article/view/1694/944> (дата обращения: 20.11.2019).

Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 года (г. Киев) // Дипломатический вестник. 1997. № 8. С. 31–35.

Тев Д.Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты. Т. 5 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 54–86.

Тев Д.Б. Государственная Дума РФ шестого созыва: социальные-профессиональные характеристики бассейна рекрутирования депутатов // Власть и элиты. Т. 4 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 67–128.

Федоров А.Б. Правовой статус Крыма и Севастополя. Год 1999. М.: Изд. МГУ, 1999. URL: <http://mnib.malorus.org> (дата обращения: 18.11.2019).

Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation / ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. London: Routledge, 2014.

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? // Revista Española de Ciencia Política. 2018. № 48. P. 183–206. DOI: <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

Источники

Аксенов: Крым испытывает дефицит кадров, готовых заменить ушедших в отставку чиновников // ТАСС. 31.07.2017. URL: <http://tass.ru/politika/4452495> (дата обращения: 31.07.2017).

Биография врио губернатора Севастополя Михаила Развожаева // ТАСС. 11.07.2019. URL: <https://tass.ru/info/6656656> (дата обращения: 16.09.2019).

Відомість про результати Всеукраїнського референдуму, 1 грудня 1991 р. // ЦДАВО України. Ф. 1. Оп. 28. Спр. 144. Арк. 6. URL: https://www.archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11 (дата обращения: 18.11.2019).

За воссоединение с Россией проголосовали 95,6 % севастопольцев // Севастопольская газета. 2014. 17 марта. URL: <http://sevastopol.press/2014/03/17/zavossoedinenie-s-rossiej-progolosovali-95-6-sevastopolitsev/> (дата обращения: 7.11.2019).

Закон города Севастополя от 14 апреля 2014 г. № 1-ЗС «Устав города Севастополя» // Сайт Законодательного Собрания города Севастополя. URL: https://sevzakon.ru/view/laws/bank/aprel_2014/ustav_goroda_sevastopolya/tekst_zakona/ (дата обращения: 17.10.2019).

Конституция Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР (принята на пятой сессии Верховной Рады Украины) (с изм. и доп. по сост. на 07.02.2019 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155#pos=6;-155 (дата обращения: 18.11.2019).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров об участии Российской Федерации в развитии социально-экономической сферы г. Севастополя и других населенных пунктах, в которых дислоцируются воинские формирования Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, от 16 марта 2000 г. (г. Киев) // Сайт «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901874417> (дата обращения: 19.11.2019).

Шебураков И.Б., Чирковская Е.Г. Влияние участия в работе проектных команд на динамику личностно-профессионального и карьерного развития руководителей системы государственного управления. 2016 // Сайт факультета оценки и развития управленческих кадров Высшей школы государственного управления РАНХиГС. URL: <http://foir.hspra.ranepa.ru/index.php/наука-практике/item/1954.html> (дата обращения: 19.11.2019).

FORMATION TRENDS OF THE RUSSIAN ELITE OF SEVASTOPOL: FIVE YEARS AFTER JOINING THE RUSSIAN FEDERATION

A. Bystrova

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.7>

Abstract. *The work is devoted to the analysis of the processes of formation of the Russian elite of the city of Sevastopol during the five and a half years that have passed since joining the Russian Federation. This is a continuation of the study, the results of which were published earlier in the almanac “Power and elites” (2016). The focus is on the administrative elite of the city. The author analyzes the composition of several governments operating in Sevastopol in 2014–2019 and identifies the main trends in the formation of the administrative Russian elite of the city, represented mainly by members of the government. During this short period, the city was ruled successively by three governors: S. I. Menyailo, D. V. Ovsyannikov and currently (since July 2019) M. V. Razvozhaev. The personal composition of the government changed significantly. The exception is the government of acting Governor Razvozhaev. The current head of Sevastopol, who is often called the “crisis” manager by the media, was content with the old government for a short period of time and continued to work with associates of the former governor Ovsyannikov. Then he made a number of personnel decisions, dismissing some of his deputies and members of the government. The analysis of all compositions of the government of Sevastopol, biographies and career paths of its members, pools of recruitment, education and other characteristics showed the following trends. All governments look like “landing from the mainland”, because they have a significant proportion of immigrants from other regions of the Russian Federation. That is, the formation of the administrative elite of Sevastopol (Executive power) clearly shows the trend of horizontal territorial mobility of regional officials of high rank. This trend was also recorded by us in the study of the administrative elite of other subjects of the Russian Federation. In the government of Governor Menyailo there were quite a few former military men who had long experience in high positions in the security forces. After the change of the Governor, the composition of the city government underwent significant changes. So, there was a significant rejuvenation and professionalization. Young people with specialized economic and management education, as well as extensive experience in management activities in public authorities have appeared in the government. It inspired positive dynamics of development of the city, the solution of social problems. However, the hopes were not fully justified. There is ample evidence that the Governor and the government have failed to find common ground with the representative authority on a number of critical issues. Governor Ovsyannikov was replaced by a Federal official*

Razvozzhaev, whose life and professional experience is not associated with either the Crimea or Sevastopol. Four years prior to the appointment to Sevastopol, the official closely dealt with the problems of the North Caucasus (Deputy Minister of the Russian Federation for the North Caucasus). A bright episode of his career-work for a month and a half in Khakassia (October — November 2018). The task set before him by the President of the Russian Federation: “To take control” of the situation in Khakassia and “help to hold clean, open and fully meet our laws elections.” The formation of the administrative elite corps in the Federal city of Sevastopol, which understands the problems and prospects of development of the city and the population and adequately acts, remains on the agenda.

Keywords: regional elites, administrative Russian elite of Sevastopol, recruitment, career.

References

Borshchevskiy G.A. Sotsiologicheskii portret politiko-administrativnoy elity sovremennoy Rossii [Sociological portrait of the Russian political administrative elite]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2017, 29 (4), pp.148–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-portret-politiko-administrativnoy-elity-sovremennoy-rossii> (accessed: 20.11.2017). (In Russian)

Borshchevskiy G.A. Vysshie gosudarstvennyye sluzhashchiye kak politiko-administrativnaya elita sovremennoy Rossii [Top civil servants as the political and administrative elite of modern Russia]. *Politeia*, 2018, 1, pp. 82–99. (In Russian)

Bystrova A. Formirovanie rossijskoj e'lity` Sevastopolya [Formation of the Russian elite of Sevastopol]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 3. St. Petersburg: Intersotsis, 2016, pp. 187–205. (In Russian)

Bystrova A. Vliyanie social'nogo konteksta na postroenie karyernyh traektorij: karyery predstavitelej razlichnyh politicheskix pokoleniy regional'nyh administrativnyh elit Rossijskoj Federacii [The influence of the social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of different political generations of administrative elites in the Russian Federation]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2015, pp. 170–203. (In Russian)

Fedorov A.B. *Pravovoy status Kryma i Sevastopolya. God 1999* [Legal status of Crimea and Sevastopol. Year 1999]. Moscow: MGU, 1999. URL: <http://mnib.malorus.org> (accessed: 18.11.2019). (In Russian)

Karpovskij V.S., Chernov S.N. Pravovoy status goroda-geroya Sevastopolya do istoricheskogo vossoedineniya s Rossijskoj Federatsiey [The legal status of the hero city of Sevastopol prior to historical incorporation with the Russian Federation]. In: *Aktual'nye problemy yurisprudencii: sb. st. po mater. X mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of jurisprudence: collection of books. Art. by mater. X international scientific and practical. Conf.], 5 (10). Novosibirsk: SibAK, 2018, pp. 88–92. URL: <https://sibac.info/conf/jurisprudence/x/110344> (accessed: 18.11.2019). (In Russian)

Mezhetnicheskiye otnosheniya i religioznaya situatsiya v Krymu. Ekspertnyy doklad za pervoye polugodiye 2018 goda [Interethnic relations and religious situation in Crimea. Expert report for the first half of 2018]. Ed. T.A. Senyushkina, V.V. Stepanov, R.A. Starchenko. Moscow; Simferopol': ARIAL, 2018. (In Russian)

Pankov I. Administrativnyye elity: avtonomiya ili podchineniye? [Administrative elites: autonomy or submission?]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of Belarussian State University. Sociology], 2017, 2, pp. 111–118. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/article/view/1694/944> (accessed: 19.11.2019). (In Russian)

Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation. Ed. by Elena Semenova, Michael Edinger and Heinrich Best. London: Routledge, 2014.

Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Ukrainoj o statuse i usloviyax prebyvaniya Chernomorskogo flota Rossijskoj Federacii na territorii Ukrainy` ot 28 maya 1997 goda (g. Kiev) [Agreement between the Russian Federation and Ukraine on the status and conditions of stay of the black sea fleet of the Russian Federation in the territory of Ukraine of May 28, 1997 (Kiev)]. *Diplomaticheskij vestnik* [Diplomatic Herald], 1997, 8, pp. 31–35. (In Russian)

Tev D. Biznes kak istochnik rekrutirovaniya federal'noy administrativnoy i politicheskoy elity Rossii [Business as a source of recruitment of the federal administrative and political elite of Russia]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 5. St. Petersburg: Intersotsis, 2018, pp. 54–86. (In Russian)

Tev D. Gosudarstvennaya Duma RF shestogo sozyva:sotsial'no-professional'nyye kharakteristiki basseyna rekrutirovaniya deputatov [The State Duma of the sixth convocation: socio-professional characteristics of the recruiting pool of deputies]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2017, pp. 67–128. (In Russian)

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? *Revista Española de Ciencia Política*, 2018, 48, pp. 183–206. DOI: <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

НОВЫЙ НОБИЛИТЕТ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

А.В. Дука

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.8>

Аннотация. *Анализируются процессы формирования российской региональной политической элиты. Фиксируются усиливающиеся олигархизация и плутократизация регионального элитного сообщества. Более того, наблюдается внутрисемейная передача позиций в политико-административных институтах, официально открытых и потенциально вакантных. Властные позиции остаются в семье. Длительность и воспроизводимость этих позиций происходит через передачу специфического семейного социального и символического капитала. Наряду с действием такого важного фактора, как формальный институциональный дизайн региональных legislatures, ограничивающий профессионализацию региональных законодателей, это ведет к социально-политической инволюции. Существенным аспектом данного процесса является деполитизация политической сферы. Причем это не стихийный, но направляемый процесс. Параллельно происходит частичная политизация региональной экономической элиты. Субъективно экономические ноблаблы стремятся обезопасить свой бизнес и непосредственно влиять на политические решения, избираясь в legislatures. Объективное следствие такого развития — приобретение властными региональными элитами черт домодерновых групп доминирования со всеми ролевыми особенностями. Происходит превращение их в новый нобилитет. Термин используется не в его первоначальном значении, он в предложенном тексте выполняет функцию «горельефного оттенения» проблемы социальной инволюции и деградации политики. Делается вывод о неполной отдифференцированности политической сферы и политических элит.*

Ключевые слова: *политические элиты, административные элиты, ноблаблы, нобилитет, нобили, знать, знатные люди, legislatures, семья, семейный капитал, социальный капитал, символический капитал, политический капитал, экономический капитал, преемственность, трансмиссия капитала, политика.*

Исследователи групп доминирования в западных обществах в эпоху модерна указывают на фундаментальный процесс дифференциации социума, его секторов, функций, приводящий к профессионализации властных групп [Вебер 1990].

Переход от стратификации к функциональной дифференциации [Луман 2006: 171], характеризующий современное общество, объективно требует вовлечения индивидов в карьерное выстраивание своей деятельности. Политика становится карьерой, что неминуемо связано с полной занятостью в данной сфере активности, становящейся политическим предпринимательством. В этой области осуществляются различные трансакции, превращающиеся в политический капитал [Gaxie 2018: 493]. Политическая сфера (поле) становится относительно автономной. Она дифференцируется, выделяется представительская элита [Best, Vogel 2018: 355]. Вырабатываются собственные правила и принципы. Деятельность по другим основаниям и непосредственная (неопосредованная политическим, связанным со всеобщим благом, целеполаганием) конвертация в политический капитал экономического, семейного и других капиталов может рассматриваться как существенное нарушение (коррупция, nepотизм и пр.). Общепринятость такой нормативности (но далеко не всегда практики) характеризует так называемый «цивилизованный» мир.

Это, конечно, «принципиальная», идеальная схема. Но она важна для понимания содержания процессов, происходящих в реальной политической жизни.

НОТАБЛИ И НОБИЛИТЕТ

Анализируя правление в относительно небольших сообществах, Макс Вебер выделяет «правление знати» как особую форму управления. Он следующим образом определяет эту социальную группу:

«Знать — это лица, которые:

- 1) в силу их экономического положения могут позволить себе осуществлять руководящую или управленческую деятельность в союзе бесплатно либо за номинальную или символическую плату,
- 2) имеют высокий социальный престиж, не важно, на чем основанный, но дающий им возможность в условиях формальной прямой демократии в силу доверия товарищей получать должности сначала добровольно, затем — в силу традиции.

Обязательной предпосылкой такого положения, изначально состоящего в том, чтобы иметь возможность жить *для* политики, не имея необходимости жить *за счет* политики, является определенная степень свободы в силу отсутствия собственных частных гешефтов» [Вебер 2016: 325].

В «Словаре понятий Макса Вебера», который содержится в каждом томе русского издания «Хозяйства и общества» указывается: «Вряд ли возможно найти другое русское слово, в большей степени соответствующее этому почерпнутому из латыни (*honoratiore*) термину». [Словарь понятий 2016: 365]. Но в третьем томе приводится еще один возможный перевод — «элита» [Словарь понятий 2018: 267]. В американском переводе «Хозяйства и общества» используемый Вебером термин *Honoratioren* переводится как *notables*, хотя он и приводится не в немецком, а в латинском варианте — *honoratiore* [Weber 1978: 290]. Т. Парсонс считал, что этому термину «нет хорошего эквивалента в английском языке» [Swedberg, Agevall 2016: 225; Словарь понятий 2016: 365]. Однако Ян Пакульский вполне уверенно сближает рассуждения Вебера и его терминологию и теории итальянских классиков элитологии [Pakulski 2012: 41]. Тем не менее, несмотря на сложности перевода, существует общее понимание того, что имеется в виду и какие термины можно без особого ущерба для смысла использовать. Тем более что часто важна не точность перевода, а дух текста. Следуя проторенному пути, здесь термины «знать» и «нотабли», а также «нобилитет» будут использоваться как синонимы, так как цель статьи заключается прежде всего в обозначении одной важной проблемы — тенденции инволюции в российской социально-политической эволюции. Для этого и нужны такие архаизмы, как «нотабли» и «нобилитет». Надо сказать, что в публицистике «нотабли» используются также и в более расширительной трактовке — для описания групп доминирования в Советском Союзе и современной России и сильно дистанцированных от остального населения [Лобанов 2003]. В нашем тексте этот смысл не присутствует.

В своем классическом труде «Кто правит?» Роберт Даль использует термин «социальные и экономические нотабли» для обозначения индивидов и семей, принадлежащих к высшему классу, занимающих высшие социальные позиции и регулярно встречающихся (будучи приглашенными) на закрытых мероприятиях, а также членов местного бизнес-сообщества [Dahl 1961]. Существенно, что нотабли играют важную роль в общественной и политической жизни городского сообщества. Исследователь иногда использует слово «патриции» как для обозначения изначальных (со времени основания Нью-Хейвена) семей, доминирующих в городе и соединяющих в себе происхождение, богатство, образование и занятие публичных должностей, так и для демонстрации социальной преемственности статуса и положения нотаблей.

Различия между Вебером и Далем в определенной степени существенные. Первый рассматривает правление знати как переходную форму от прямой демократии. Для второго анализируемый процесс имеет обратное направление: движение идет от власти городских патрициев к демократизации управления и расширению политического участия — «от олигархии к плюрализму». Однако общим является фиксация власти городских нотаблей/знати как особой стадии и формы доминирования, и описание ее как исторически преходящей. Также существенным является автономность, экономическая самостоятельность нотаблей и их социальная власть. Это позволяет им жить для политики. Существует еще одно важное обстоятельство. Они контролируют ограниченные ресурсы, малодоступные остальным гражданам. И это усиливает их возможности в публичной сфере. Нотабли — непрофессионалы в политике. Их сменяют профессиональные политики.

На региональном уровне, как показали исследования Р. Даля [Dahl 1961], происходит снижение роли социальных и экономических нотаблей в принятии решений официальных инстанций, а также сокращение их представленности во властных институтах. Это согласуется с общим трендом современной политики. (Однако надо отметить, что исследование У. Домхоффа [Domhoff 1978] демонстрирует, что влияние на принятие решений нобилитетом не снижается.)

Результаты анализа биографий российских региональных политиков показывают, что в отечественных условиях наличествует обратная тенденция.

В статье будут использованы эмпирические данные анализа биографий депутатов legislatur десяти регионов: Москвы, Санкт-Петербурга, Калининградской, Костромской, Ленинградской, Новосибирской, Ростовской областей, Ставропольского и Хабаровского краев, Республики Дагестан. Сбор данных осуществлялся сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН. Используются данные двух волн сбора информации: 2015 и 2019 гг.

ПЛУТОКРАТИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ

Уже не один год фиксируется усиливающаяся олигархизация и плутократизация регионального элитного сообщества [Быстрова и др.

2017]. Нужно отметить, что региональная дифференциация достаточно большая.

У Вебера плутократизация связана с бюрократическим господством, что основанием своим имеет долгое профессиональное обучение [Вебер 2016: 263], самообеспечение кандидатов во время избирательной кампании на ее проведение [Там же: 323], парламентское господство в английском варианте [Там же: 330]. То есть индивидуальный контроль над финансовыми ресурсами, обеспечивающими деятельность в политико-административной сфере. В отечественных условиях это было верно до революции 1917 г. Сейчас этот веберовский смысл возвращается в отношении властных персон. Близость к деньгам и умение с ними обращаться могут существенно помогать кандидатам при выдвижении. Обратная зависимость также существует. В декабре 2017 г. заместитель председателя ЗАКС Ростовской области Ирина Рукавишников (в дальнейшем она стала депутатом Госдумы 7-го созыва) заявила: «При предоставлении сведений о доходах сложности возникают на этапе их сборов по объектам недвижимости и банковским счетам, поскольку в селах отсутствуют отделения банков. Серьезные санкции за непредоставление таких сведений повлекли за собой существенное снижение интереса граждан стать депутатами» [Интерес к депутатским креслам 2017]. Эта подмеченная политиком дифференциация граждан может частично объяснить диспропорции в представительстве различных социальных групп. Тем более что описанный когнитивный ресурс в данном случае непосредственно связан с экономическим. Но стоит также заметить, что количество объектов недвижимости и банковских счетов все же возрастает по мере восхождения по лестнице благосостояния.

Парето рассматривал плутократию функционально, как управление «коммерсантов, промышленников, строительных подрядчиков, откупщиков, спекулянтов и т.д.», направленное на реализацию их интересов и существующее в двух формах — демагогической или военной [Парето 2011: 61].

В классификации элит, предложенной Джоном Хигли и Хайнрихом Бестом, плутократия рассматривается в духе Парето — как доминирование экономического сегмента элит во взаимодействии политического и экономического сегментов в политике. Два других — этатизм (доминирование политических элит и политических институтов в принятии экономических решений) и «элитная сегментация», при которой

экономическая и политическая элиты существуют автономно [Best 2018: 334–335].

Отталкиваясь от вышеупомянутых авторов, можно утверждать, что хорошо верифицируемым и очень наглядным индикатором плутократии и плутократизации является рекрутирование политической элиты из экономических и хозяйственных структур. В таблице 1 показана доля региональных депутатов, ранее работавших на руководящих постах в экономических структурах.

Таблица 1

**Доля работавших в качестве руководителей
экономических структур членов политической элиты
десяти регионов в когортах 2015 и 2019 гг.**

Время занятости	2015		2019	
	N	%	N	%
1993	405	37,5	416	33
1995	423	44	455	41
2000	453	44	513	44
2004	467	38	527	44
2008	501	23	550	40
2010.	497	14	553	36,5
2014	-	-	504	31,5
Предпредшествующая работа	478	39	560	39
Предшествующая работа	519	24	583	30

Тесная связь депутатского корпуса с бизнесом и хозяйственной деятельностью очевидна. Хотя видно и снижение доли занятых в экономической сфере со временем. Вместе с тем надо сказать, что полного перехода капитанов бизнеса в политическую сферу не происходит. Видна тенденция увеличения доли рекрутируемых депутатов непосредственно из экономических структур. И это связано со спецификой статуса региональных депутатов. Формальный институциональный дизайн региональных legislatures — важный фактор, влияющий на качественный состав legislatures, ограничивающий профессионализацию региональных законодателей, что ведет к социально-политической инволюции. В России только в двух субъектах федерации — Санкт-Петербурге и Чечне — региональное законодательство предусматривает вовлечение всех депутатов в работу на постоянной

основе. В остальных регионах существуют или добровольность профессиональной законодательной деятельности, или ограничения на количество депутатов, работающих на постоянной основе, что соответствует Федеральному Закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в соответствии с которым «условия осуществления депутатом депутатской деятельности (на профессиональной постоянной основе, или на профессиональной основе в определенный период, или без отрыва от основной деятельности) устанавливаются конституцией (уставом) и (или) законом субъекта Российской Федерации» [Федеральный Закон 1999: ст. 11, ч. 1], а «число депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе, устанавливается законом субъекта Российской Федерации» [Федеральный Закон 1999: ст. 4, ч. 6]. Причем после внесения в Госдуму в ноябре 2009 г. законопроекта о создании во всех регионах профессиональных парламентов доля законодателей-профессионалов во многих региональных легислатурах уменьшилась. Возможность самостоятельного решения депутатов выполнять свои законодательные полномочия с отрывом от основного места работы не стимулирует политическую профессионализацию. Так, в Калининграде, где Уставной Закон «О Калининградской областной Думе» предоставляет такую возможность [Уставной Закон 2010: статья 3], ее реализовало меньшинство народных избранных.

В таблице 2 показана доля депутатов со вторым основным занятием. Следует оговориться, что не по всем персонам есть надежные данные. Помимо этого, в категорию «прочая занятость» включены и виды деятельности, которые по закону можно совмещать со статусом депутата. Тем не менее видна тенденция: доля бизнесменов по всем регионам (за исключением Санкт-Петербурга) увеличивается.

Судья Конституционного Суда РФ С.Д. Князев, обосновывая отсутствие единой нормы, предусматривающей профессионализацию региональных легислатур, ссылается на «самобытность» субъектов федерации, которую невозможно учесть и отразить при введении указанной унификации [Князев 2011: 94]. При этом обоснования «самобытности» в рассматриваемой сфере нет. Это и понятно. Различия, например, между областями Центральной России, конечно, существуют, но политико-культурные основания самобытности найти затруднительно. Отсутствует и разъяснение, почему одна норма предполагает

Таблица 2

**Доля депутатов региональных legislatures
со вторым основным занятием в 2015 и 2019 гг. (в %)**

Регион	хозяйственник, бизнесмен		прочая занятость	
	2015	2019	2015	2019
Санкт-Петербург	0	0	0	0
Ленинградская область	10	30	4	10
Ростовская область	24	46	2	18
Калининградская область	29	51	15	5
Костромская область	26	55	12	13
Хабаровский край	7	35	15	8
Москва	3	8	5	17
Новосибирская область	59	63	8	8
Ставропольский край	28	46	2	14
Республика Дагестан	7	19	6	9

унификацию, а другая не предполагает. Так же как и нет вразумительного обоснования норм представительства.

Существенный аспект данного процесса представляет деполитизация политической сферы. Учитывая, что последние полтора десятка лет центральные элиты активно выводят за пределы политического представительства органы (как федеральные, так и региональные), можно предположить, что описываемые явления носят системный характер. Впервые это отчетливо прозвучало на заседании Государственной Думы 29 декабря 2003 г. Тогдашний ее председатель Б.В. Грызлов сказал: «Государственная Дума — это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии, это та площадка, где должны заниматься конструктивной, эффективной законодательной деятельностью» [Стенограмма заседания 2003].

Позже за пределы политического стали выводить выборы. Губернатор Санкт-Петербурга Полтавченко заявлял: «Впереди — выборы депутатов муниципальных советов, которые состоятся в сентябре этого года. Есть силы, которые пытаются их сегодня заранее политизировать. Я считаю, что делать этого нельзя ни в коем случае. По меньшей мере это неконструктивно. Политики на муниципальных выборах должно быть меньше всего» [Полтавченко призывает 2014]. Вопросы формирования органов власти также предлагалось рассматривать неполити-

чески [Новгородский губернатор 2014]. Последние новации (весьма ситуативные) связаны с утверждением, что «время партий прошло» [Александр Беглов 2019]. Такая переоценка политического пространства и политических институтов следствием своим имеет выведение за рамки официального публичного дискурса практик и решений, имеющих существенное значение и поэтому традиционно рассматриваемых как политические. Им придается управленческо-технический, менеджерский характер. Политика в этом случае рассматривается как то, что приносит излишние траты: «В среднем в год — 6–7 кампаний. Это достаточно затратное с точки зрения времени, материальных и финансовых ресурсов мероприятие. Мы примерно прикинули: где-то в 200–250 млн рублей обходятся все выборные кампании 22 глав муниципалитетов. Это огромные деньги, это вообще дворец спорта такой, средний» [Новгородский губернатор 2014] — или сфера эгоистических амбиций. Как отмечал К. Шмитт, «... политическим потенциально может стать все. Поэтому решение о том, является нечто политическим, в спорном случае является именно политическим решением» [Шмитт 2016: 412]. И наоборот. В этом отношении политические инстанции принимают именно политическое решение в отношении квалификации (не)политического. Но реализация его и поддержание исполнения возможны только административно-бюрократически, что его и ограничивает.

Деполитизация политической сферы прямо связана с интенсивностью государства и гипертрофированностью административно-бюрократической власти, даже если она и называет себя политической, а также использует политические инструменты и институты. Этот процесс характерен не только для современной России. Постепенное практическое (но не нормативно-пропагандистское) скукоживание суверенитета представительных органов наблюдается во всех западных демократических странах (см., например: [Aberbach, Putnam, Rockman 1981]), что ж говорить о гибридных и авторитарных режимах.

Непрофессиональность (по характеру занятости) региональных legislatures ведет к непрофессионализму (по качеству исполняемых функций) депутатского корпуса. В таком же положении находится и большинство муниципальных депутатов. Депутат городской думы города Ноябрьска ЯНАО Александр Бондарчук в интервью информационному агентству «URA.RU» достаточно просто описывает проблему: «Как я могу быть эффективным, если я сегодня вынужден зарабатывать

себе на хлеб насущный другими делами? Я вынужден заниматься решением первостепенных вопросов и проблем — накормить семью, накормить себя. <...> На следующей неделе мы будем рассматривать бюджет, а у меня просто нет времени в него заглянуть. Я буду голосовать, не зная сути вопроса, а из-за этого пострадают люди» [Рублев 2019]. Следствием этого становится усиливающаяся иерархическая дифференциация внутри репрезентативной элиты между карьерными политиками и эпизодическими. Бест и Фогель о такого рода процессах пишут в связи с длительностью занятия депутатской позиции [Best, Vogel 2018: 355]. Но тенденции одинаковы при любом аспекте недостаточной профессионализации.

Неэффективность представительного органа также может быть связана с его малой численностью. Как отмечают исследователи, размер легислатур позволяет специализироваться депутатам и повышать их экспертный уровень, чему способствует и система комитетов [Carey 2006: 432–433]. В российских условиях в большинстве регионов размер представительных органов минимизирован. Наиболее показательна в этом отношении Москва: 45 депутатов Мосгордумы на 7 308 469 избирателей [Сведения 2019].

Параллельно происходит частичная политизация региональной экономической элиты. Субъективно экономические нотабли стремятся обезопасить свой бизнес и непосредственно влиять на политические решения, избираясь в легислатуры (см., например: [Чирикова, Ледяев 2017: 355]). При этом публичное обоснование получения депутатского мандата может оказаться далеким и от бизнеса, и от политики. Так, в интервью журналисту депутат Законодательного собрания Ростовской области в ответ на вопрос о приходе в политику говорит: «Мой приход в политику никаких бизнес-целей не преследует. <...> Мой приход в политику — это моя самореализация, с бизнесом никак не связано. Люди ведь не знают, а я могу сказать, что зарплату депутаты не получают, мы никаких привилегий не имеем, ну, может быть, в общественном транспорте какие-то льготы есть, но я им не пользуюсь. У нас нет депутатской неприкосновенности. Но на избирательную кампанию все тратят уйму денег. Для чего? Ответ прост — народ самореализуется. Мне очень хочется быть полезным там, где я живу, мне очень приятно это ощущать. Моя мама — настоящий парламентарий. Она обычно звонит мне и говорит, что, например, у соседей порыв трубы, я реагирую быстро, звоню, приезжают, ремонтируют — вот это кайф!» [Романо-

ва 2011]. Этот пассаж хорошо показывает отсутствие политического смысла в мотивации достижения депутатского мандата. Идея представительства, репрезентации каких-то групп, интересов начисто отсутствует. Так же как и партийно-политическая или идеологическая. Между тем «[б]орьба за репрезентацию всегда есть борьба за политическую власть» [Шмитт 2010: 53]. Здесь же речь идет о получении в индивидуальное распоряжение публичных ресурсов.

Исследование «Образ публичного политика», проведенное экспертно-аналитическим центром РАНХиГС под руководством Н.Н. Калмыкова и основанное на опросе экспертов-политтехнологов, показывает, что основная цель занятия политикой — реализация своих амбиций (94,8 % экспертов указали на этот мотив), по 91,4 % получили «осуществление карьеры политического деятеля» и «лоббирование своих интересов». «Решение конкретных окружающих проблем» заняло восьмое место с 62,1 % [Ивушкина, Астахов 2016]. В этом нет ничего удивительного. Роберт Лэйн выделяет шесть потребностей, которые удовлетворяются посредством участия в политике. И в них также нет высоких политических целей [Lane 1965: 102]. Однако политические институты и профессиональная (изо дня в день) деятельность в них при прочих условиях, при контроле со стороны других политических институтов (система сдержек и противовесов) и гражданского общества задает приемлемый для общества баланс частных и общественных интересов. И одновременно сами политические институты развиваются и укрепляются.

Помимо этого, надо сказать о риторике политиков. В публичных выступлениях (включая интервью для СМИ) политики, как правило, указывают на общее дело, общественные проблемы, идеалы как основу мотивов занятия политикой. Понятно, что здесь присутствует доля лицемерия. Но это часть институциональной политической деятельности. Политика оправдана и легитимно существует именно в рамках общественной пользы, ориентаций на общее благо. Обоснование этого в западной традиции идет от Аристотеля, а в восточной — от Конфуция. Это уже стало общим местом. Институционализирующаяся политическая сфера эксплицирует себя через тексты институционализованных политиков именно таким нормативным образом.

Объективным следствием наблюдаемого развития (деинституционализация политического профессионализма там, где он был, и недопущение его в регионах, где он фрагментарно существует) является

приобретение властными региональными элитами черт домодерновых групп доминирования со всеми ролевыми особенностями. Возможен и другой вариант интерпретации: они приобретают черты «советскости» без советской идеологии и социальной политики. Это внешняя схожесть традиционной знати и «знатных» граждан (передовых рабочих, колхозников, интеллигентов и т.п.) советской поры, которые, как правило, были неосвобожденными депутатами советов различного уровня, частично сближает в восприятии эти две категории.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОЗИЦИЙ

Время существования постсоветского социетального порядка оказалось достаточным для появления нового поколения потенциальных руководителей. Наблюдается передача «по наследству» политических позиций в региональных органах власти. Появляется то, что иногда называют политическими семьями. Здесь, конечно, не происходит непосредственная передача мандата. Речь идет о преемственности нахождения в политическом поле. Существенно, что экономические позиции также сохраняются, и они — главные, являются основным местом работы. В этом отношении это не политические карьеры, а политические составляющие экономических карьер бизнесменов. Или же, что точнее отражает социетальную сущность явления, публичный аспект предпринимательства.

Можно выделить несколько вариантов такого наследования. В качестве примера рассмотрим депутатов Костромской и Ростовской областей. Все данные взяты из открытых источников.

Первый вариант демонстрирует накопление административного, экономического и политического капиталов отцом и включение сына в экономическую и политическую деятельность. Родственные связи, семейный капитал обеспечивают продвижение. Но и сын активно зарабатывает политический капитал.

В рассматриваемом примере существенно также наличие в первом поколении номенклатурного капитала, который был конвертирован в экономический. И в этом отношении преемственность в политико-административной сфере оказывается двоякой: и для отца, и для сына.

Избрание по одномандатному округу показывает относительную самостоятельность персоны в политическом пространстве. Понятно, что политические партии и региональная администрация могут играть

Таблица 3

**Преемственность экономических и политических позиций
от отца к сыну (г. Аксай, Ростовская область)**

Поколение	Отец	Сын
Персона	Рожков Владимир Иванович (р. 1954)	Рожков Сергей Владимирович (р. 1976)
Экономическая/ хозяйственная позиция	ГУП Ростовской области Аксайского дорожного ремонтно-строительного управления, директор. Начальник Федерального управления автомобильных дорог «Северный Кавказ» Федерального дорожного агентства	2003–2005 — исполнительный директор ООО «Аксай-СтройСервис». 2005–2013 — генеральный директор ООО «Аксай-СтройСервис». 2013–2015 — генеральный директор ООО «Строительная компания «Арсенал». С 2015 г. индивидуальный предприниматель
Политическая позиция	1986–1988 — работал в промышленно-транспортном отделе Пролетарского РК КПСС г. Ростова-на-Дону. 1998–2013 — депутат ЗС РО II, III и IV созывов, одномандатный округ. Председатель, зам. председателя Комитета по строительству, жилищно-коммунальному хозяйству и дорожному комплексу	2005–2018 — депутат Собрания депутатов Аксайского городского поселения I, II, III и IV созывов. С 2018 г. — депутат Законодательного Собрания Ростовской области VI созыва, одномандатный округ

значительную роль при выдвижении, проведении избирательной кампании, в применении административного ресурса. Однако определенная автономность «несписочных» депутатов существует. Это то, что связано с их электоральным контролем территории, являющимся следствием серьезного экономического и социального капиталов.

Более «чистый» случай представляет пример в таблице 4. Наследование в экономической сфере и занятие депутатского места в областной думе. Конечно, здесь важны успехи, достигнутые при советской власти — директорство птицефабрикой, которую затем акционировали. Это создало основу для дальнейшего продвижения себя и затем сына.

Таблица 4

**Преемственность экономических и политических позиций
от отца к сыну (г. Галич, Костромская область)**

Поколение	Отец	Сын
Персона	Комисаров Борис Васильевич (р. 1947)	Комиссаров Василий Борисович (р. 1978)
Экономическая/ хозяйственная позиция	Гендиректор ЗАО «Галичское»	Генеральный директор АО «Галич- ское» по птицеводству
Политическая позиция	2001–2010 — депу- тат Костромской Облдумы III, IV со- зывов	С 2015 г. — депутат Облдумы VI со- зыва. Зам. пред. Комитета по агро- промышленной политике, развитию сельских территорий, природным ресурсам и экологии

Во втором варианте межпоколенная трансмиссия политического капитала происходит в условиях скандального ухода главы семейства из публичного пространства (табл. 5). В этих случаях «передача должности» не столько персональная, сколько семейная. Происходит закрепление в семье позиций и связанных с ними политических ресурсов.

Следствие, обвинение в нанесении ущерба оборонному предприятию, где Кобзев-старший работал генеральным директором и одновременно генеральным конструктором, суд над отцом совершенно не повлияли на политическое восхождение сына. Показательно, что суд приговорил управленца к трем годам лишения свободы с отсрочкой приговора на три года. Но сразу же к нему была применена амнистия [В Таганроге осудили... 2019]. Приобретенный экономический, социальный и политический капиталы оказались достаточно устойчивыми к потрясениям. Кроме того, семья в городе играет существенную роль и имеет большой вес. Этим объясняется и отсутствие по прошествии полугода в биографиях, размещенных в Википедии, на сайте Ростовского регионального отделения «Единой России», на сайте ТАНТК им. Бериева, упоминаний о суде и приговоре. В рассматриваемом случае наследник становится членом федеральной политической элиты. Он — освобожденный политик, делегированный семьей.

В таблице 6 представлен случай, в котором отец в силу своей смерти уже не может способствовать приходу сына в политику. Здесь видно,

Таблица 5

**Преемственность экономических и политических позиций
от отца к сыну (г. Таганрог, Ростовская область)**

Поколение	Отец	Сын
Персона	Кобзев Виктор Анатольевич (р. 1949)	Кобзев Юрий Викторович (р. 1972)
Экономическая/ хозяйственная позиция	1992–2002 — гендиректор ЗАО «БЕТА-ИР». 2007–2014 — гендиректор ОАО «Таганрогский авиаци- онный научно-технический комплекс им. Бериева». 10.2018–04.2019 — суд по ст. 201, ч. 2 УК РФ (зло- употребление). Приго- вор — три года лишения свободы с отсрочкой при- говора на три года	1997–2010 — директор в семей- ном гостиничном и ресторано- ном бизнесе в компаниях «Орион» и «Рибэкс+». 2010–2014 — главврач Муници- пального бюджетного учрежде- ния здравоохранения «Кон- сультативно-диагностический центр». 2014–2016 — главврач МБУЗ «Городская больница скорой медицинской помощи» № 5.
Политическая позиция	2008–2013 — депутат ЗС РО IV созыва.	2014–2016 — депутат Таганрог- ской городской Думы, одно- мандатный округ. С 2016 г. — депутат Госдумы VII созыва

Таблица 6

**Преемственность экономических и политических позиций
от отца к сыну (г. Шахты, Ростовская область)**

Поколение	Отец	Сын
Персона	Понамаренко Сергей Анатольевич (1965–2012)	Понамаренко Евгений Сергеевич (р. 1989)
Экономическая/ хозяйственная позиция	Мать — Понамаренко Ирина Николаевна, соучредитель (90,22 %) ООО «Шахтинский Мукомольный Завод»; соучреди- тель (98,33 %) ООО «Траст Групп»	2011–2013 — директор ООО «Юг-Строй». 2013 — директор ООО «Шахтинский мукомоль- ный завод»
Политическая позиция	Мэр г. Шахты (1997–2003, 2005– 2011). С должности ушел со скандалом, после чего стал фи- гурантом двух уголовных дел. 2012 — убит	С 2018 г. — депутат Зако- нодательного собрания Ро- стовской области VI со- зыва по списку «Единой России»

что усилия семьи (и, конечно, личные), ее ресурсы работают на продвижение. «Тень» отца, безусловно, присутствует. Его активность по использованию служебного положения (за что он и поплатился) способствовала накоплению семейного экономического и социального капиталов.

Наряду с постсоветскими экономическими нотаблями, где в силу маленького временного горизонта наблюдаются два поколения, сохраняются и укорененные глубже во времени семьи, которые можно отнести к советскому нобилитету. Основания для этого — многопоколенная публичная известность, и как следствие — большой социальный и символический капитал, позволяющий его конвертировать в административный, политический и т.п. Это явление будет рассмотрено на примере двух семей Ростовской области: Шолоховых и Кобелевых (Новочеркасск).

ТРАНСМИССИЯ И КОНВЕРТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ НОТАБЛЕЙ

Кумулятивный характер фамильного капитала можно наблюдать в семьях советских нотаблей. Крушение советской системы не означает всеобщего обесценивания и обнуления социального и символического капиталов, приобретенных семьями «знатных людей» Советского Союза. Как известно, это словосочетание после революции 1917 г. приобрело новое значение. В словаре С.И. Ожегова первое значение: «Выдающийся по своей деятельности в какой-н. области, такой о к-ром знает страна. *Знатные люди Советской страны. З. тракторист*» [Ожегов 1982: 208]. Также в «Толковом словаре языка Совдепии»: «*Известный, знаменитый, прославленный. Знатные люди Советской страны*» [Мокиенко, Никитина 1998: 220]. Здесь можно вспомнить панно А.А. Дейнеки «Знатные люди Страны Советов», написанное в 1937 г. для павильона СССР на Всемирной выставке в Париже (где оно получило золотую медаль). Портретного сходства не было, это были социальные типажи. Конкретизация произошла на одноименном панно «Знатные люди Страны Советов», созданном в 1939 г. бригадой художников во главе с В.П. Ефановым для Советского павильона на Международной выставке в Нью-Йорке. На нем было изображено шестьдесят выдающихся представителей Советского Союза — артистов, рабочих, писателей, летчиков, колхозников и т.п. Портреты писались с натуры.

Конечно, не все «знатные люди» стали советской знатью, и не все знатные семьи смогли свой советский символический капитал конвертировать в новых условиях в капитал капиталистический (будь то экономический или политический). Надо отметить, что путь социалистических «социальных нотаблей» был связан с долгим и непрерывным накоплением социального и символического капиталов не только родоначальником «знатности», но и всей семьей. В российских условиях мы имеем маленький исторический горизонт — всего 3–4 поколения. За это время (весьма бурное) приобрести «фамильную устойчивость» непросто. Социальный и символический капиталы в советских условиях очень сильно политизируются. Отсюда риски и нестабильность.

Возникает вполне естественное стремление увековечить позиции, должности и привилегии. Показателен случай с внуком писателя М.А. Шолохова. А.М. Шолохов в Кремле во время встречи Владимира Путина с активом «Единой России» предложил, чтобы представители наследных династий получили в «вечное владение» руководимые ими учреждения культуры. На что В.В. Путин возразил: «Но что, мне кажется, было бы неправильным: если бы мы по наследству передавали учреждения только потому, что человек принадлежит к династии. Поэтому династии — да, наследственные учреждения — нет. И всё, что касается занятия каких-то ведущих позиций, постов и так далее, нужно всё-таки делать не исходя из принадлежности к династии, а исходя из деловых, личных качеств и достижений в соответствующей области» [Волков 2016]. В борьбе за контроль над материальным символом победа досталась государству. Членам семьи остался символический капитал, который достаточно успешно конвертируется. В таблице 7 демонстрируется этот пример успешной трансмиссии и конвертации капитала.

Конечно, персональные способности и усилия имеют большое значение. Символический и социальный капитал — лишь потенциал, ресурс. В случае Шолоховых реализацию возможностей в политической сфере мы наблюдаем у одного члена этой многочисленной семьи. Приход в профессиональную политику (Госдума) может оказаться единовременным. Хотя видно устойчивое стремление обозначиться в публичном пространстве, что с перерывами удается.

В таблице 8 представлен случай потомственных геологов. «Династическое образование» [Колесник 2019: 42] (первое образование внука — «геологическая съемка, поиск и разведка месторождений полезных

Таблица 7

**Трансмиссия и конвертация социального капитала от деда к внуку
(Ростовская область)**

Поколение	Дед	Отец	Внук
<i>Персона</i>	<i>Шолохов Михаил Алек- сандрович (1905–1984)</i>	<i>Шолохов Михаил Михайлович (р. 1935)</i>	<i>Шолохов Александр Михайлович (р. 1962)</i>
Социальная позиция	Сын купца 3-й гильдии. Писатель. Член АН СССР (1939)	Преподаватель в Ростовской школе милиции; научный кон- сультант музея- заповедника М.А. Шолохова	1997–2001 — зам. директо- ра по культурным и дело- вым связям Государствен- ного музея-заповедника М.А. Шолохова. 2001–2016 г. — директор Государственного музея-за- поведника М.А. Шолохова
Политическая позиция	Чл. ВКП(б) с 1932 г., делегат XVIII–XXVI съездов; член ЦК КПСС с 1961 г.; депутат ВС СССР 1–10 созывов (с 1937 г.)	Избирался ата- маном Всевели- кого войска Донского	2003–2008 — депутат За- конодательного собрания Ростовской области III со- зыва. 2011–2012 — член Обще- ственной палаты Ростов- ской области. 2012–2016 — член Обще- ственной палаты РФ. 2016 — депутат Госдумы VII созыва

Таблица 8

**Трансмиссия и конвертация социального капитала от деда к внуку
(г. Новочеркасск, Ростовская область)**

Поколение	Дед	Отец	Внук
<i>Персона</i>	<i>Кобилев Алексей Григорьевич (1906–1980)</i>	<i>Кобилев Геннадий Алексеевич (1932–1992)</i>	<i>Кобилев Алексей Геннадьевич (р. 1959)</i>
Социаль- ная позиция	Доктор геолого-мине- рал. наук, профессор, директор геологической службы 1-го ранга. 1952–1958 — директор Новочеркасского поли- технического института	Доктор геолого- минерал. наук, профессор. Зав. ка- федрой общей и исторической ге- ологии, минерало- гии и петрографии	Доктор экономических наук, профессор Южно- го федерального уни- верситета

Окончание таблицы 8

Поколение	Дед	Отец	Внук
Экономическая позиция			2001–2015 — вице-президент, руководитель аппарата управления ТПП Ростовской области. 2015–2016 — первый вице-президент ТПП Ростовской области.
Политическая позиция	1940–1941 — второй секретарь Новочеркасского ГК ВКП(б.). 1941–1942 — первый секретарь Новочеркас. ГК ВКП(б.), председ. комитета обороны города. 1942–1943 — работал в Москве в ЦК ВКП(б) ответственным организатором организационно-инструктор. отдела. 1943–1947 — секретарь Ростов. ОК по угольной промышленности и энергетике, а затем — 3-й секретарь того же обкома. Неоднократно избирался членом бюро ГК КПСС Новочеркасска, членом Ростов. ОК КПСС, депутатом Новочеркасского город. и Ростов. обл. Советов депутатов трудящихся		1984–1985 — секретарь комитета комсомола горного факультета. 1985–1988 — второй секретарь Первомайский РК ВЛКСМ г. Новочеркасска. 1988–1989 — первый секретарь ГК ВЛКСМ г. Новочеркасска. 1990–2001 — неоднократно избирался в депутаты Совета народных депутатов и Городской Думы Новочеркасска, с 1992 по 2001 г. совмещал депутатские полномочия с работой в исполнительной власти города — был заместителем главы администрации, председателем комитета по управлению имуществом. 2016 — депутат Госдумы VII созыва

ископаемых»), солидные символические и административные позиции в профессиональном образовании и науке, общественная активность создают эффект транспоколенной успешности.

В обоих рассматриваемых случаях наиболее успешными оказываются первое и третье поколения. Второе поколение живет в тени достижений и благ, достигнутых отцами. При этом средние поколения не являются чистыми рантье, они трудятся. Но их успехи существенно ниже, чем у предков и потомков. Подобные примеры можно найти и в других семьях. Например, Аркадий Гайдар — Тимур Гайдар — Егор Гайдар (но здесь Е. Гайдар оказался еще и внуком П. Бажова). Правнучка же (Мария Гайдар), имея хороший символический и социальный капитал, не столь успешна. Но есть и вполне успешные в каждом поколении семьи и семейные кланы. Помимо персональных характеристик, большое значение имеет социально-политический контекст, востребованность тех или иных качеств. Здесь уместно будет привести слова депутата пяти созывов Законодательного Собрания Ростовской области, в прошлом заведомо райкома КПСС и заместителя главы области В.Д. Гребенюка: «Люблю людей, и мне часто задают вопрос: “Власть меняется, а Вы всегда у власти. Как это удается?” Но это всё потому, что меняется не власть, а ситуация. И тут вопрос найти самого себя и свою необходимость и нужность. Нужен ли ты в данный в конкретном месте? И не зря у многих единокороссов, идущих на выборы, лозунг: “Кто, если не я!”» [Дулина 2018]. Надо отметить, что советско-российская ситуация не уникальна. На примере управленцев ГДР Х. Бест с коллегами показали, что выходцы из национал-социалистических семей, имеющих многопоколенный опыт службы при разных режимах, ориентируясь на социальный успех и обладая хорошим образованием, могут быть очень успешными и в социалистическом государстве [Best 2009].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные процессы демонстрируют приобретение устойчивости российским социально-политическим порядком. Одновременно институционализируется система элитного сообщества, под которой понимается совокупность элитных и субэлитных групп, занимающих определенное место в иерархических и горизонтальных структурах и отношениях и играющих предписанные этими отношениями роли. Данная система принимается большинством элитного сообщества.

Существенной характеристикой этой системы является доминирование административно-бюрократического сегмента. На региональном

уровне это обеспечивается в том числе намеренной нормативной пониженностью профессиональности региональных legislatures (ограничение численности представительных органов и профессиональных депутатов в них).

В связи с этим число и доля эпизодических депутатов увеличиваются и среди них преобладают представители экономических структур. Наблюдается формирование довольно устойчивой группы семей, включенных в региональный политический процесс, но при этом их основной семейный бизнес связан с экономической активностью. Можно говорить о специфических семейных стратегиях. Происходит внутрисемейная передача позиций в политико-административных институтах, официально открытых и потенциально вакантных. Властные позиции остаются в семье. Длительность и воспроизводимость этих позиций происходит через передачу специфического семейного социального капитала. Таким образом снижается *представительность* legislatures. Можно предположить, что после крушения прежней политической системы и усиления социетальной неопределенности вопрос стабильности решается именно «семейным» образом. Это стабилизирующая социетальная рецессия. Не от олигархии к демократии, а наоборот (если иметь в виду малую демократизацию 1990-х).

Большое участие бизнесменов в представительном органе может говорить о фрагментации экономического элитного сообщества. Нет значимых организаций, могущих достаточно эффективно представлять интересы бизнес-элиты в публичной сфере. Это ставит под вопрос наличие функциональной плутократии на региональном уровне. То есть такой конфигурации элит, когда экономический сектор элит определяет политику в своих интересах. Но и этатистская конфигурация не вполне просматривается. Хотя тенденции в этом направлении достаточно отчетливые [Тев 2015; Доклад 2019: 15–16].

Скорее всего, это говорит о том, что приобретаемая устойчивость содержательно связана с тем, что отдифференцированность политической сферы и политических элит [Луман 2006: 106] застыла, «застряла». Однако уже существуют специфические институты и практики современного общества. В этом смысле прямолинейное тотальное инволюционное развитие вряд ли возможно. Но и движение вперед не получается, сдерживается. Можно ожидать усиления административно-бюрократического управления, фрагментации политического поля, усиления значения и значимости региональных экономических

лидеров, превращение их в *новый нобилитет* (конечно, надо понимать условность применения данного термина и его скорее критическую направленность) и дальнейшей деградации политики. Последнее в немалой степени связано также с ее экономизацией и усилением роли социальных менеджеров. Но всё это до известных пределов.

Нотабли исторически не являются профессионалами в сфере политического управления. Их сменяют профессиональные политики. Но в России, с одной стороны, есть стремление у экономических агентов обезопасить себя и непосредственно влиять на процессы принятия решений, так как неопределенность большая. С другой стороны, существует стремление максимально деполитизировать политическую сферу со стороны административно-бюрократического сегмента элитного сообщества (и центрального, и регионального). Поэтому нобилитет может приобрести временную устойчивость. Но, как отмечают исследователи, «стратегии профессионализации различаются в зависимости от социального, политического и исторического контекста» [Best, Vogel 2018: 354]. Можно еще добавить — культурного контекста, определяющего совместимость социальных ролей [Шютц 2003: 309; Дука 2015: 38].

Наряду с трендом, связанным с «экономическими» постсоветскими семьями, обнаруживается активность семей «знатных советских людей» по трансмиссии советского социального и символического капиталов. Можно предположить, что в обоих случаях имеют место различные варианты принципиально одного явления: семья выступает важным агентом в процессе продвижения персон на элитные позиции, используя для этого свои специфические семейные ресурсы (семейный капитал). Причем в условиях нестабильности и неопределенности значение этих ресурсов возрастает и конвертация семейного символического и социального капиталов в экономический и политический облегчается.

Литература

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: Основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества // *Власть и элиты*. Т. 4 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 147–169.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т.: пер. с нем. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. Социология.

Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты. Т. 2 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 14–72.

Князев С.Д. Профессиональный депутатский мандат: доступность и условия замещения в субъектах Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД. 2011. № 1. С. 93–100.

Колесник Н.В. Российские элитные семьи: методы изучения и практики функционирования // Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 34–47.

Луман Н. Дифференциация: пер. с нем. М.: Логос, 2006.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1982.

Парето В. Трансформация демократии // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2011. С. 23–94.

Словарь понятий Макса Вебера // Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т.: пер. с нем. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. Социология. С. 359–397.

Словарь понятий Макса Вебера // Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т.: пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. Т. 3. Право. С. 262–292.

Тев Д.Б. Высокопоставленные региональные администраторы: особенности карьеры после ухода с должности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 4. С. 37–52.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

Шмитт К. Политика // Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Наука, 2016. С. 409–414.

Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 33–236.

Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 260–310.

Aberbach J.D.; Putna, R.D.; Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. Cambridge, Mass.; London: Harvard Univ. Press, 1981.

Best H. Did Family Matter? The Formation and Reproduction of Functional Elites in a Socialist Society // Elites and Social Change: The Socialist and Post-Socialist

Experience / Ed. by Heinrich Best, Ronald Gebauer, Axel Salheiser. Hamburg: Krämer, 2009. P.13–24.

Best H. Elite Sectors: Differentiation and Integration // The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 331–338.

Best H., Vogel L. Representative Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 339–362.

Carey J. M. Legislative Organization // The Oxford Handbook of Political Institutions / ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder, B.A. Rockman. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 431–454.

Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven; London: Yale University Press, 1961.

Domhoff G. W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. New Brunswick, N.J.; London: Transaction Books, 1978.

Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. P. 489–506.

Lane R.E. Political life: why people get involved in politics. New York: Free Press, 1965.

Pakulski J. The Weberian Foundations of Modern Elite Theory and Democratic Elitism // Historical Social Research — Historische Sozialforschung. 2012. Vol. 37, № 1. Special Issue: Elite Foundations. P. 38–56.

Swedberg R., Agevall O. The Max Weber dictionary: key words and central concepts. Second ed. Stanford, California: Stanford Social Sciences, an imprint of Stanford University Press, 2016.

Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich; translators, Ephraim Fischhoff. Berkeley: University of California Press, 1978.

Источники

Александр Беглов во время дебатов заявил, что «время партий прошло» // Коммерсантъ. 20.08.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4066814?query=%D0%91%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%BE%D0%B2> (дата обращения: 20.08.2019).

В Таганроге осудили бывшего директора [ТАНТК] им. Бериева и тут же амнистировали // Блокнот. 14.04.2019. URL: <http://bloknot-taganrog.ru/news/v-taganroge-osudili-byvshego-direktora-im-berieva-> (дата обращения: 22.07.2019).

Волков С. Скандал с внуком писателя набирает обороты // Аргументы недели. 15.09.2016. URL: <https://argumenti.ru/society/n556/467240> (дата обращения: 26.07.2019).

Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год (версия 27.09.2019) // Сайт Федеральной Антимонопольной Службы Россий-

ской Федерации. URL: <https://fas.gov.ru/documents/685806> (дата обращения: 20.11.2019).

Дулина Н. В. Д. Гребенюк: «Кто, если не мы?» [интервью] // Интернет-газета «Родник». 21.03.2018. URL: <https://rodnik-gazeta.ru/index.php/bez-galstuka/953-кто-esli-ne-my> (дата обращения: 09.08.2019).

Ивушкина А., Астахов П. Политический эгоизм: депутаты и чиновники чаще начинают карьеру ради личных амбиций // RT. 30.11.2016. URL: <https://ru.rt.com/783g> (дата обращения: 10.11.2019).

Интерес к депутатским креслам на Дону упал из-за отчетов о доходах // RostovGazeta. 8.12.2017. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/politics/08-12-2017/interes-k-deputatskim-kreslam-na-donu-upal-iz-za-otchetov-o-dohodah> (дата обращения: 25.05.2019).

Лобанов П. Нотабли, или История наоборот // Независимая газета. 2003. 9 декабря. URL: http://www.ng.ru/ideas/2003-12-09/11_notabli.html (дата обращения: 30.08.2019).

Новгородский губернатор: Не надо политизировать закон об отмене выборов // Сайт «Новгород.ру». 03.12.2014. URL: <https://news.novgorod.ru/news/novgorodskiy-gubernator-ne-nado-politizirovat-zakon-ob-otmene-vyborov-137234.html> (дата обращения: 10.10.2019).

Полтавченко призывает не политизировать муниципальные выборы, которые пройдут в сентябре // ТАСС. 14.02.2014. URL: <https://tass.ru/spb-news/967149> (дата обращения: 10.10.2019).

Романова Е. Ашот Хбликян, генеральный директор ООО «Империя продуктов»: «В Ростове лучше быть федеральным инвестором, чем местным» // Сетевое издание «161.ру». 15.02.2011. URL: <https://161.ru/text/gorod/57538271/> (дата обращения: 10.08.2019).

Рублев И. На Урале депутат готов хорошо работать, только если ему будут платить 100 тысяч рублей // ИА «URA.RU». 16.11.2019. URL: <https://ura.news/news/1052407519> (дата обращения: 16.11.2019).

Сведения о численности избирателей, участников референдума, зарегистрированных на территории города Москвы по состоянию на 1 июля 2019 года // Сайт Московской городской избирательной комиссии. URL: http://www.moscow-city.izbirkom.ru/chislennost-izbirateley/77F4_1ri_07_2019_ЦИК.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

Стенограмма заседания 29 декабря 2003 г., № 1 (715) // Сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1386/> (дата обращения: 02.04.2016).

Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 16.10.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/FZ-ob-obwih-principah-organizacii-zakonod-i-ispolnit-OGV-subektov/> (дата обращения: 10.11.2019).

Уставный Закон Калининградской области «О Калининградской областной Думе» от 4 мая 2010 г. № 439. С последующими изменениями // Сайт Калининградской областной Думы. URL: <https://duma39.ru/duma/credentials/zakduma.php> (дата обращения: 23.09.2019).

NEW NOBILITY OF THE RUSSIAN REGIONS

A. Duka

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.8>

Abstract. *The article analyzes the processes of formation of the Russian regional political elite. The growing oligarchization and plutocratization of the regional elite community is recorded. Moreover, there is an intra-family transfer of positions in political and administrative institutions that are officially open and potentially vacant. Powerful positions remain in the family. The duration and reproducibility of these positions occurs through the transfer of specific family social and symbolic capital. Along with the action of such an important factor as the formal institutional design of regional legislatures, limiting the professionalization of regional legislators, this leads to socio-political involution. An essential aspect of this process is the depoliticization of the political sphere. Moreover, this is not a spontaneous, but guided process. In parallel, there is a partial politicization of the regional economic elite. Subjectively, economic notables seek to secure their business and directly influence political decisions by being elected to the legislature. An objective consequence of this development is the acquisition by the regional power elites of the features of pre-modern dominance groups with all the role characteristics. There is a transformation of them into a new Nobility. This term is not used in its original meaning; it serves as a “high relief shade” in the proposed text for the problems of social involution and degradation of politics. The conclusion is drawn about the incomplete differentiation of the political sphere and political elites.*

Keywords: *political elites, administrative elites, notables, nobility, nobles, nobles, noble people, legislature, family, family capital, social capital, symbolic capital, political capital, economic capital, continuity, transmission of capital, politics.*

References

- Aberbach, Joel D.; Putnam, R.D.; Rockman, Bert A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Mass.; London: Harvard Univ. Press, 1981.
- Best H. Did Family Matter? The Formation and Reproduction of Functional Elites in a Socialist Society. In: *Elites and Social Change: The Socialist and Post-Socialist Experience*. Ed. by Heinrich Best, Ronald Gebauer, Axel Salheiser. Hamburg: Krämer, 2009, pp. 13–24.

Best H. Elite Sectors: Differentiation and Integration. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Heinrich Best, John Higley. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 331–338.

Best H., Vogel L. Representative Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Heinrich Best, John Higley. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 339–362.

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. Regional'nyye vlastnyye grupy: Osnovnyye sotsial'no-strukturnyye kharakteristiki i rol' v razvitiy sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Regional power groups: basic social and structural characteristics and a role in development of today Russian society]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], vol. 4. St. Petersburg: Intersocis, 2017, pp. 147–169. (In Russian)

Carey J.M. Legislative Organization. In: *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and Bert A. Rockman. Oxford: Oxford University Press, 2006, pp. 431–454.

Chirikova A., Ledyayev V. *Vlast v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian town]. Moscow: HSE, 2017. (In Russian)

Dahl R. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven; London: Yale University Press, 1961.

Domhoff G.W. *Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined*. New Brunswick, N.J.; London: Transaction Books, 1978.

Duka A. Osnovaniya funktsionirovaniya vlastnykh elit [Reasons for Power Elites' Functioning]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], vol. 2. St. Petersburg: Intersocis, 2015, pp. 14–72. (In Russian)

Gaxie D. Political and Social Backgrounds of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London, United Kingdom: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 489–506.

Knyazev S.D. Professional'nyy deputatskiy mandat: dostupnost' i usloviya zameshcheniya v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Professional deputy mandate: accessibility and substitution conditions in the subjects of the Russian Federation], *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs], 2011, 1, pp. 93–100. (In Russian)

Kolesnik N.V. Rossiyskiye elitnye semyi: metody izucheniya i praktiki funktsionirovaniya [Russian Elite Families: Methods of Study and Practices of Functioning], *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg's sociology today], 2019, 11, pp. 34–47. (In Russian)

Lane R.E. *Political life: why people get involved in politics*. New York: Free Press, 1965.

Luhmann N. *Differenciatsiya* [Differentiation]. Transl. from German by A. Antonovskiy. Moscow: Logos, 2006. (In Russian)

Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdepii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. St. Petersburg: Folio-Press, 1998. (In Russian)

Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka*: ok. 57 0000 slov [Dictionary of the Russian language: approx. 57 0000 words]. Ed. by N.Yu. Swede. 14th ed., stereotype. Moscow: Russkiy yazyk, 1982. (In Russian)

Pakulski J. The Weberian Foundations of Modern Elite Theory and Democratic Elitism, *Historical Social Research — Historische Sozialforschung*, 2012, 37 (1), Special Issue: Elite Foundations, pp. 38–56.

Pareto V. Transformatsiya demokratiy [The Transformation of Democracy]. In: *Pareto V. Transformatsiya demokratiy [The Transformation of Democracy]*. Transl. from Italian to Russian by V. Yusim. Moscow: Izd. Dom “Territoriya budushchego”, 2011, pp. 165–186. (In Russian)

Schmitt C. Politika [Politics]. In: Schmitt C. *Ponyatiye politicheskogo [The Concept of the Political]*. Transl. from German to Russian. Moscow: Nauka, 2016, pp. 409–414. (In Russian)

Schmitt C. Ucheniye o konstitutsii (fragment) [The doctrine of the constitution (fragment)]. In: Schmitt C. *Gosudarstvo i politicheskaya forma [State and political form]*. Transl. from German to Russian. Moscow: HSE, 2010, pp. 33–236. (In Russian)

Schutz A. Ravenstvo i smyislovaya struktura sotsialnogo mira [Equality and the Meaning Structure of the Social World]. In: Schutz A. *Smyislovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii [Meaning Structure of the Everyday World]*. Compiler A.Ya. Alhasov, transl. from English to Russian by A.Ya. Alhasov and N.Ya. Mazlumyanova. Moscow: Institut Fonda “Obschestvennoe mnenie”, 2003, pp. 260–310. (In Russian)

Slovar’ ponyatiy Maksa Vebera [Glossary of Max Weber’s concepts]. In: Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. [Economy and society: an outline of interpretive sociology]*. Transl. from German to Russian. Vol. 1. Sotsiologiya [Sociology]. Moscow: HSE, 2016, pp. 359–397. (In Russian)

Slovar’ ponyatiy Maksa Vebera [Glossary of Max Weber’s concepts]. In: Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. [Economy and society: an outline of interpretive sociology]*. Transl. from German to Russian. Vol. 3. Pravo [Right]. Moscow: HSE, 2018, pp. 262–292. (In Russian)

Swedberg R., Agevall O. *The Max Weber dictionary: key words and central concepts*. Second ed. Stanford, California: Stanford Social Sciences, an imprint of Stanford University Press, 2016.

Tev D.B. Vysokopostavlennyye regional’nyye administratory: osobennosti kar’ery posle ukhoda s dolzhnosti [High-ranking regional administrators: career features after leaving office], *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2015, 4, pp. 37–52.

Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t. [Economy and society: an outline of interpretive sociology]*. Transl. from German to Russian. Vol.1. Sotsiologiya [Sociology]. Moscow: HSE, 2016. (In Russian)

Weber M. Politika kak prizvaniye i professiya [Politics as Vocation]. In: Weber M. *Selected works*. Transl. from German to Russian. Moscow: Progress, 1990, pp. 61–272. (In Russian)

Weber Mx. *Economy and society: an outline of interpretive sociology*. Ed. by Guenther Roth and Claus Wittich; translators, Ephraim Fischhoff. Berkeley: University of California Press, 1978.

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ УРАЛА: КРУПНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ¹

Т.Б. Витковская

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.9>

Аннотация. *Статья посвящена политической активности сильных экономических игроков — крупных промышленных предприятий — в промышленных городах Уральского региона. Предприятия описаны как игроки, действующие в публично-политическом поле. Вместе с тем предприятия рассматриваются именно как экономические игроки, вовлеченные в локальные политические процессы. Мы выделяем три модели политического участия крупных промышленных предприятий: «захват» предприятием органов местного самоуправления и активное включение в политическую жизнь города, присутствие в органах местного самоуправления и средняя степень вовлеченности в городские политические процессы, отказ от участия в локальной политике и муниципальном управлении. Исследование показывает, что в настоящее время первая модель реализуется редко, тогда как вторая и третья модели получили широкое распространение в промышленных городах Урала. Отдельное внимание уделено мотивам собственников предприятий, принимающих решения об участии их представителей в политических процессах. Особое внимание уделено формам*

---

¹ Статья подготовлена и исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-29 «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики».

политической активности предприятий и характеру их представительства в органах местного самоуправления. Показано, что высокий уровень контроля над локальным политическим полем может быть достигнут различными способами и обеспечение численного превосходства в органах местного самоуправления для этого необязательно.

Ключевые слова: *локальная политика, местное самоуправление, промышленный город, политическое пространство, социальное пространство.*

Изучение городской политики в современной России — актуальное направление исследований в отечественной политической науке [Чирикова, Ледяев 2017; Подвинцев, Рябова 2018; Пустовойт 2016; Зубаревич 2015; Сельцер 2014; Гельман 2010; Тев 2008 и др.].

Исследовательский интерес к политическому полю промышленных городов обусловлен спецификой представленного на нем состава игроков: наряду с городскими главами и муниципальными депутатами, зачастую в тесном взаимодействии с ними на нем действуют экономические игроки — промышленные предприятия. Интересен и расклад сил в промышленном городе: как правило, крупное предприятие обладает не меньшим потенциалом влияния на локальные политические процессы, чем глава с исполнительными полномочиями.

Статья посвящена проблеме политического участия крупных промышленных предприятий и характеру их взаимодействия с органами местного самоуправления в промышленных городах Урала. Представлены основные результаты исследования политических ландшафтов ряда уральских промышленных городов.

Эмпирической основой исследования стала база данных «Политическое пространство промышленных городов Урала»¹, содержащая информацию о 30 промышленных городах и расположенных на их территории 48 промышленных предприятиях в трех уральских регионах (Свердловской, Челябинской областях, Пермском крае). База данных, наряду с другими сведениями, предоставляет информацию о политико-

---

¹ База данных «Политическое пространство промышленных городов Урала» составлена исследовательским коллективом (Т.Б. Витковская, В.С. Ковин, М.В. Назукина, П.В. Панов, Р.И. Петрова, О.А. Рябова, Е.Ю. Филиппова) под руководством профессора П.В. Панова в рамках проекта «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики» № 18-6-6-29 Программы фундаментальных исследований УрО РАН.

экономическом поле городов: характеристики крупных промышленных предприятий, данные об их менеджменте, информацию о локализации контроля над предприятиями и т.д. База данных также предоставляет информацию о публично-политическом поле городов: данные о составе и структуре органов местного самоуправления, информацию об аффилированности городских глав с предприятиями, данные о численности и доле работников предприятий в составе представительных органов и т.д.¹ [Панов 2018: 79–81; 2019: 151–154].

Исследование также базируется на эмпирическом материале, полученном автором в ходе углубленного исследования политических ландшафтов в четырех уральских промышленных городах: Кушве и Верхнем Тагиле (Свердловская область), Лысьве и Губахе (Пермский край). Для сбора данных использовались интервью с представителями городской власти, экспертные интервью, анализ материалов СМИ, наблюдения.

И формы участия, и степень включенности крупных предприятий в политику и управление могут быть разными. Они определяются в первую очередь позицией собственников предприятия. Справедливо будет сказать, что в городе с крупным предприятием не столько локальный политический ландшафт задает политическую стратегию предприятия, сколько стратегия предприятия меняет картину расстановки политических сил. Выход предприятия в пространство публичной политики требует нескольких шагов на разных этапах: от отбора и проведения избирательных кампаний кандидатов, до выстраивания коммуникации с должностными лицами и депутатами и организации их работы в органах местной власти. Важно отметить, что интеграция в органы местного самоуправления через электоральные процедуры необязательна для обретения предприятием контроля над ними. В отдельных случаях предприятие может дистанцироваться от публичной политики, но оказывать влияние на главу или депутатский корпус. Это

---

¹ В базе данных содержится информация о явной аффилированности городских глав с предприятиями (глава оценивается как аффилированный, если до избрания был сотрудником предприятия) и о прямых представителях предприятий в органах городской власти (депутаты оцениваются как аффилированные, если являются работниками предприятия). Глава может защищать интересы предприятия, сотрудником которого он не был, представительство в органах городской власти может быть непрямым (это разъясняется далее в тексте статьи).

происходит неофициально, непублично и остается вне общественного контроля. Как правило, предприятие имеет и прямых представителей в органах местного самоуправления, и возможность использовать другие каналы и задействовать другие рычаги влияния на локальную политику. Присутствие представителей предприятия в органах местного самоуправления остается распространенной практикой, поскольку обеспечивает предприятию прямой и легитимный доступ к формированию локальной повестки, реализации политики и принятию решений, имеющих юридическую силу.

Мы выделяем три основные модели политического участия крупных предприятий, которые предполагают разную степень включенности в местные политические процессы, разную степень вовлеченности в городское управление и обеспечивают разный уровень контроля над локальным политическим пространством.

ПЕРВАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ: «ЗАХВАТ» ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Такая модель предполагает широкое присутствие представителей предприятия в органах местного самоуправления города, где оно расположено. Глава города аффилирован с предприятием. Половина депутатского корпуса городского представительного органа (или близкое к этому число депутатов) являются работниками предприятия.

Примером успешной реализации этой модели служит ситуация в городе Кировграде Свердловской области. В Кировграде расположено производство полиметаллов, работает филиал предприятия «Уралэлектромедь», находящегося в собственности Уральской горно-металлургической компании (УГМК) [Кировград... 2019]. Глава города Александр Оськин до избрания на пост мэра работал в филиале предприятия «Уралэлектромеди». Городской представительный орган состоит из 20 депутатов, 16 из них работают на производстве полиметаллов. Предприятие «Уралэлектромедь» фактически «захватило» органы местного самоуправления города, и УГМК через него может контролировать и регулировать городские политические процессы.

Кировград — небольшой город (численность населения — менее 20 тыс. человек), но крупное предприятие может контролировать и органы власти в большом городе. Показательным примером выступает

город Магнитогорск, второй по величине город Челябинской области (численность населения — 416 тыс. человек), один из мировых центров черной металлургии, где работает Магнитогорский металлургический комбинат. Вся карьера главы города Сергея Бердникова связана с предприятием, где он прошел путь от работника производства до топ-менеджера и при поддержке которого был избран на пост. Действующий глава Сергей Бердников, аффилированный с предприятием, сменил на этом посту предыдущего главу, также аффилированного с предприятием. В составе городского представительного органа, насчитывающего 32 депутата, работают 16 сотрудников Магнитогорского металлургического комбината и связанной с ним группы предприятий [Филиппова и Рябова 2018: 82]. Таким образом, металлургический комбинат напрямую контролирует исполнительную власть — через аффилированного главу — и представительную власть — через половину депутатского корпуса, составленную его прямыми представителями.

Что дает крупному предприятию столь активная интеграция в систему городского управления? Во-первых, возможность лоббировать интересы предприятия через органы и должностных лиц местного самоуправления. Во-вторых, возможность принимать решения, которые касаются не только предприятия, но и города в целом, и возможность контролировать принятие органами местного самоуправления решений, которые отразятся на предприятии. В-третьих, возможность контролировать распределение бюджетных средств в той мере, в какой это остается в пределах контроля органов местного самоуправления.

Широкое представительство в органах местного самоуправления обеспечивает высокий уровень прямого контроля над локальным политическим полем. Это позволяет не только использовать указанные возможности, но и не допускать того, чтобы их использовали иные игроки, возможно, другое предприятие-конкурент или амбициозный независимый глава. Предприятие может обращаться к стратегии «захвата», если, действуя в пространстве локальной политики, столкнулось с сильной оппозицией.

Примером может служить развитие политической ситуации в городе Губаха Пермской области, где работает предприятие химической промышленности «Метафракс», крупный производитель метанола. К концу 2000-х годов в Губахе сложилась конфликтная ситуация. Предприятие контролировало городскую легислатуру через своих представителей, со-

ставляющих депутатское большинство. Однако пост главы занял человек, карьерный путь которого проходил через административную службу, он не был аффилирован с «Метафраксом». Отношения главы и директора предприятия сразу стали напряженными, затем переросли в конфликт: к 2009 г. глава отказывался подписывать принятый депутатским собранием бюджет города и появляться на публичных мероприятиях вместе с руководителями предприятия. В итоге в 2009 г. предприятие провело две кампании, первую — по выборам депутатов, вторую — по выборам главы города, обе настолько активные и результативные, что местные эксперты назвали их «политической зачисткой», и «захватили» органы местного самоуправления [Витковская и Рябова 2011: 207–215]. Спустя десять лет, в 2019 г., представители «Метафракса» не составляют большинства в представительном органе, поскольку действующий глава города Николай Лазейкин учитывает интересы предприятия и их отношения остаются партнерскими.

В настоящее время такая модель политического участия крупных предприятий не распространена широко в промышленных городах Урала. Ее реализация более вероятна в моногородах, где предприятие тесно связано с муниципалитетом и городом: предприятие предоставляет рабочие места большому числу горожан, использует городскую инфраструктуру, делает значимые вклады в социальную сферу и т.п. Модель получила меньшее распространение в промышленных городах, где работают и конкурируют за представленность в органах городской власти несколько крупных предприятий.

Таблица 1¹

**Предприятия, которые «захватили» органы местного самоуправления
(города, в которых реализована первая модель
политического участия)²**

Город	Моно-город	Регион	Предприятие	Контроль	Глава	Депутаты	
Верхняя Пышма	да	СВР	Уралэлектромедь	регион	да	20	8
Киров-град	да	СВР	Производство полиметаллов	регион	да	20	16
Магнитогорск	да	ЧЛБ	Магнитогорский металлургический комбинат	регион	да	32	14
Красноуральск	да	СВР	Святогор	регион	да	15	7

¹ Здесь и далее (в табл. 1–3) названия столбцов предполагают следующее содержание: «моногород» — город имеет статус моногорода («да»), город не имеет статус моногорода («нет»); «контроль» — контроль над предприятием локализован в регионе, где оно расположено («регион»), в другом регионе РФ («иной регион»), в Москве («Москва»), не в РФ («не РФ»); «глава» — глава аффилирован с предприятием («да»), глава не аффилирован с предприятием («нет»); «депутаты» — в первом столбце указано число депутатов в представительном органе МСУ, во втором — число работников предприятия в представительном органе МСУ.

В таблицах 1–3 представлены данные о предприятиях, которые выбрали разные модели политического участия (табл. 1 — первая модель, табл. 2 — вторая модель, табл. 3 — третья модель). На территории одного города может находиться не одно, а несколько предприятий, и разные предприятия на территории одного города могут выбирать разные модели политического участия, поэтому некоторые города представлены в нескольких таблицах.

² Сведения для таблицы 1, взяты из базы данных «Политическое пространство промышленных городов Урала».

ВТОРАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ: ПРИСУТСТВИЕ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Такая модель предполагает, что представители крупного предприятия присутствуют в органах местного самоуправления. Городской глава может быть или не быть аффилирован с предприятием. В городском представительном органе наличествуют (но не составляют депутатское большинство) работники предприятия.

В настоящее время в промышленных городах Уральского региона эта модель политического участия крупных предприятий реализуется достаточно часто. Почему столь большое число промышленных предприятий отказывается от «захвата» органов местного самоуправления в пользу присутствия своих сотрудников в органах местного самоуправления, зачастую только в представительном органе и только небольшого числа?

«Захват» органов власти в городе — процесс затратный, причем требует вложения не только финансовых, но и организационных ресурсов, которые можно было бы перенаправить на развитие бизнеса. Обретение полного контроля над органами местного самоуправления через электоральные процедуры может быть масштабным политическим проектом, но обеспечивает результат на короткий период — один электоральный цикл, новые муниципальные выборы фактически обнуляют результат и требуют новых усилий и вложений.

Менеджмент крупных предприятий, к настоящему времени получив опыт политической деятельности, стал активнее использовать альтернативные стратегии лоббирования интересов предприятия. Прежде всего, в настоящее время они не стремятся обеспечить лояльность всех депутатов и должностных лиц изначально, «на входе», на момент их избрания или назначения. Предприятия не в меньшей степени полагаются также на переговорные процессы в ходе текущей работы органов власти, которые могут обеспечить лояльность депутатов или должностных лиц, ранее демонстрировавших относительную самостоятельность. Крупные промышленные структуры активно используют различные неформальные, непубличные практики взаимодействия с представителями местной власти, которые демонстрируют высокую эффективность. Кроме того, их руководители стремятся лоббировать свои интересы прежде всего на уровне региона, а не на уровне города, и если эта стра-

тегия оказывается успешной, вовлеченность предприятий в городскую политику и включенность их в городское управление снижаются.

Указанные альтернативные стратегии оказываются достаточно эффективными, чтобы обеспечивать как приемлемую для многих предприятий степень вовлеченности (не такую высокую, как в модели «захвата» власти), так и желаемый уровень контроля (достаточно высокий, как и в модели «захвата» власти). Специфика модели заключается в сочетании тактик прямого и непрямого представительства интересов предприятия в органах местного самоуправления и использовании в целом более гибкой стратегии политического участия.

Большое число крупных промышленных структур сегодня сохраняет интерес к локальной политике и муниципальному управлению. Однако причиной присутствия представителей предприятий в органах местного самоуправления необязательно является собственно лоббистский интерес в отношении органов власти городского уровня. Нередко они вовлекаются в городские политические процессы по иным причинам.

Исследователи локальных политических процессов в моногородах [Подвинцев и Рябова 2018] указывали на распространенность следующей практики: собственники крупных предприятий могут играть роль агентов региональной власти на местах, сохраняя контроль над локальным политическим полем, для того чтобы обеспечивать относительную предсказуемость политических процессов, по возможности желаемые результаты голосований, балансировать влияние самостоятельных глав городов. Если руководители предприятий берут на себя такую роль и справляются с ней, это помогает им лоббировать интересы бизнеса (и частные интересы) на уровне региона. Например, в Пермском крае региональная власть воспринимает промышленный город Губаха и соседние небольшие города Гремячинск и Кизел (в них нет действующего производства) как территорию, в которой ответственность за политические процессы, прежде всего за ход и итоги избирательных кампаний, несет руководство градообразующего предприятия «Метафракс», в первую очередь председатель совета директоров Армен Гарслян [Подвинцев и Рябова 2018: 140]

Некоторые собственники и топ-менеджеры сами являются политиками регионального уровня: они занимают посты в региональных отделениях партии «Единая Россия», избираются депутатами региональных парламентов. Когда они избираются от территорий, где рас-

положены предприятия, важен и их имидж, и имидж предприятий как социально ответственных и политически активных. Кроме того, присутствие в органах местного самоуправления помогает решать практические организационные вопросы, неизбежно возникающие в ходе ведения избирательной кампании.

Таблица 2

Предприятия, которые выбрали вторую модель политического участия (присутствие в органах местного самоуправления)¹

Город	Регион	Предприятие	Контроль	Глава	Депутаты	
Верхняя Салда	СВР	ВСМПО-АВИСМА	Москва	нет	20	7
Нязепетровск	ЧЛБ	Литейно-механический завод	регион	да	15	1
Соликамск	ПРМ	Уралкалий	Москва	да	25	8
		Соликамскбумпром	регион	нет		3
Аша	ЧЛБ	Ашинский металлургический завод	регион	нет	24	15
Каменск-Уральский	СВР	Синарский трубный завод	Москва	нет	25	6
		Уральский алюминиевый завод	Москва	нет		4
Полевской	СВР	Северский трубный завод	Москва	да	20	5
Усть-Катав	ЧЛБ	Усть-Катавский вагоностроительный завод	Москва	нет	15	6
Первоуральск	СВР	Первоуральский новотрубный завод	Москва	да	25	8
Березники	ПРМ	Уралкалий	Москва	да	25	6
		Азот	Москва	нет		5
		АВИСМА	Москва	нет		3
Сатка	ЧЛБ	Комбинат «Магнезит»	Москва	да	21	1
Кушва	СВР	Гороблагодатское рудоуправление	регион	да	20	2

¹ Сведения взяты из базы данных «Политическое пространство промышленных городов Урала».

Окончание таблицы 2

Город	Регион	Предприятие	Контроль	Глава	Депутаты	
Нижний Тагил	СВР	Нижнетагильский металлургический комбинат	Москва	нет	28	5
		Уральский вагоностроительный завод	Москва	нет		5
Ревда	СВР	Среднеуральский медеплавильный завод	регион	нет	20	5
Волчанск	СВР	Волчанский механический завод	Москва	нет	15	3
Губаха	ПРМ	Метафракс	регион	да	20	7
Чусовой	ПРМ	Чусовской металлургический завод	Москва	да	26	7

КОНФИГУРАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ЛОКАЛИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ НАД ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Конфигурация присутствия представителей предприятия в органах местного самоуправления может быть разной. Предприятие может рекрутировать большое число своих прямых представителей в легислатуру, если действующий глава дистанцируется от него, и предприятие будет прилагать усилия для получения большинства в легислатуре, если глава конфликтует с ним. Показательным примером является развитие политической ситуации и «политическая зачистка» в промышленном городе Губаха, описанные выше.

Вместе с тем городской глава имеет больший политический вес и большие возможности в пространстве локальной политики, чем муниципальные депутаты (и чем депутатское большинство), поэтому выстроенные партнерские отношения директората с главой могут быть причиной слабой интеграции предприятия в представительный орган власти. Такая ситуация, например, сложилась в городе Сатка Челябинской области, где работает комбинат «Магнезит», производящий огнеупоры. Глава города Александр Глазков до избрания на этот пост десять лет занимал руководящие должности в группе «Магнезит» и сейчас защищает ее интересы. В условиях, когда у предприятия в городе нет конкурентов, а у главы — оппонентов, широкое присутствие предприятия в легислатуре необязательно. В Сатке в представительном органе

власти работает 21 депутат, и только один является работником комбината «Магнезит» [Экономика Челябинской области... 2019]

Крупное предприятие может не участвовать в формировании депутатского корпуса, но контролировать легислатуру «через» аффилированного главу. В этом случае менеджмент предприятия не работает с депутатами напрямую, но рассчитывает, что лояльный им глава будет контролировать повестку и основные решения представительного органа, учитывая интересы предприятия. Эта тактика логична и основана на верном представлении о реальном распределении власти между исполнительными и представительными органами власти в городах. Однако в этом случае сохраняется опасность постепенного дистанцирования городского главы от предприятия, по мере того как амбициозный глава будет укреплять свое влияние и обретать собственные интересы. Показательно развитие политической ситуации в Чусовом в Пермском крае, где бывший глава района Николай Симаков до избрания был начальником одного из цехов градообразующего металлургического завода. Николай Симаков был избран при поддержке завода, но недолгое время сохранял с ним связь и партнерские отношения: в ряде избирательных кампаний команда Симакова и заводская команда выступали как конкуренты и боролись за должности и мандаты для своих представителей [Витковская и Рябова 2011: 149].

Стратегия политического участия крупного предприятия не обусловлена, но связана с тем, где локализован контроль над предприятием. Крупное предприятие может контролировать структура, которая находится в том же регионе, что и город, где работает предприятие, или находится в другом регионе России, или располагается в Москве, или остается не в России [Панов 2018: 80].

Если контроль над предприятием локализован в регионе, выше вероятность того, что предприятие вовлечено в местную политику и представлено в органах местного самоуправления. Как правило, предприятие имеет несколько прямых представителей в городской легислатуре, зачастую городской глава аффилирован с предприятием. Локализация контроля в регионе повышает вероятность того, что менеджмент связывает интересы предприятия, собственные частные интересы и политические амбиции с данным регионом и местными площадками.

Если контроль над предприятием локализован за пределами региона, это не означает автоматически, что предприятие не включено в локальные политические процессы и не вмешивается в городское управление. В этих

случаях менеджмент также может использовать все те возможности, которые предоставляет взаимодействие с должностными лицами и органами местного самоуправления. В тех случаях, когда контроль остается за пределами региона, в разных городах наблюдается разная степень вовлеченности предприятия в городскую политику, и вариативность велика: от активного участия до неучастия в местной политике.

ТРЕТЬЯ МОДЕЛЬ: ОТКАЗ ОТ УЧАСТИЯ В МЕСТНОЙ ПОЛИТИКЕ

Когда собственник крупного предприятия выбирает и менеджмент реализует модель неучастия в местной политике, состав органов местного самоуправления выглядит следующим образом: глава города не аффилирован с предприятием, в городском представительном органе нет резидентов предприятия. Можно предположить, что если в составе депутатского корпуса есть один или два работника предприятия, их выдвижение могло быть личной инициативой, а не частью стратегии предприятия [Филиппова и Рябова 2018: 84].

Как правило, крупное предприятие отказывается от присутствия в органах местного самоуправления города и попыток влияния на них тем или иным образом, когда его руководство не видит выгод от участия в политике (или в локальной политике).

В некоторых случаях отказ от политической активности — это выбор, сделанный собственником предприятия в сложной экономической ситуации. В таких случаях компания сосредоточивается на основной — экономической — деятельности. Например, в городе Верхний Уфалей Челябинской области расположено крупное предприятие «Уфалейникель» — производитель никеля и кобальта, второй по величине в России. С 2017 г. предприятие не функционирует, и за несколько лет до этого столкнулось с серьезными проблемами [Верхний Уфалей... 2017] Закономерно представители предприятия не приняли участия в последних выборах главы города и муниципальных депутатов, которые прошли в 2015 г., хотя ранее участвовали в избирательных кампаниях и побеждали.

Смена собственника или высшего менеджмента зачастую ведет к изменению политической стратегии крупного предприятия. Например, в городе Лысьве Пермской области градообразующий металлургический завод ранее активно участвовал в политической жизни. Так, работники завода избирались депутатами трех созывов городского представитель-

ного органа. Генеральный директор завода Владимир Ганьжин был депутатом двух созывов пермского регионального парламента [Витковская и Рябова 2011: 242–245]. Владимир Ганьжин продал свой пакет акций в 2006 г. и оставил пост генерального директора в 2010 г. В 2017 г. Лысьвенский металлургический завод перешел под контроль Магнитогорского металлургического комбината. Новое руководство металлургического завода не демонстрирует интереса к политической жизни города. В итоге в действующем созыве представительного органа местного самоуправления Лысьвы, избранного в 2017 г., только два депутата из 20 — работники металлургического завода [Филиппова и Рябова 2018: 84].

Дистанцирование крупного предприятия от локальных политических процессов стало одной из причин того, что выборы нового главы города, которые прошли в Лысьве 2017 г. (в формате конкурса на занятие должности) были действительно конкурентными, в отличие от выборов глав в целом ряде других городов Пермского края. По итогам конкурса пост главы занял Александр Гончаров, который не аффилирован с металлургическим заводом: во время первой выборной кампании в 2007 г. его поддерживало другое предприятие, расположенное на территории города, — «Привод», а перед последними выборами в Лысьве он несколько лет работал в соседнем Чусовом в команде главы района. Его основным конкурентом был местный предприниматель, лидер местного движения «Родина Лысьва» Всеволод Пузанов [Ковин и Петрова 2017: 6]. Выход крупного предприятия из локального политического пространства открывает новые возможности для других игроков, освобождает пространство для политической конкуренции.

Таблица 3

**Предприятия, которые не участвуют в местной политике
(третья модель)¹**

Город	Регион	Предприятие	Контроль	Глава	Депутаты	
Соликамск	ПРМ	Соликамский магниевый завод	неизвестно	нет	25	0
		Соликамский завод «Урал»	Москва	нет		0
Верхний Уфалей	ЧЛБ	Уфалейникель	иной регион	нет	20	0

¹ Сведения взяты из базы данных «Политическое пространство промышленных городов Урала».

Окончание таблицы 3

Город	Регион	Предприятие	Контроль	Глава	Депутаты	
Лысьва	ПРМ	Лысьвенский металлургический завод	иной регион	нет	20	2
		Электротяжмаш-Привод	Москва	нет		0
Кировград	СВР	Кировградский завод твердых сплавов	неизвестно	нет	20	0
Каменск-Уральский	СВР	Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов	Москва	нет	25	0
		Каменск-Уральский металлургический завод	Москва	нет		1
Кыштым	ЧЛБ	Кыштымский медеэлектродный завод	иной регион	нет	21	2
		Кыштымское машиностроительное объединение	Москва	нет		0
Горно-заводск	ПРМ	Горнозаводскцемент	иной регион	нет	17	0
Миасс	ЧЛБ	Уральский автомобильный завод	иной регион	нет	26	0
Южно-уральск	ЧЛБ	Южноуральская ГРЭС	Москва	нет	20	1
Верхняя Тура	СВР	Верхнетуринский машиностроительный завод	Москва	нет	16	2
Нытва	ПРМ	Нытвенский металлургический завод	Москва	нет	20	1
Кушва	СВР	Кушвинский завод прокатных валков	неизвестно	нет	20	0
Карабаш	ЧЛБ	Карабашмедь	иной регион	нет	15	2
Сухой Лог	СВР	Суходождскцемент	не РФ	нет	20	0
		Суходождский огнеупорный завод	неизвестно	нет		2
		Суходождский литейно-механический завод	регион	нет		0
		Суходождский крановый завод	иной регион	нет		0
Губаха	ПРМ	Губахинский кокс	иной регион	нет	20	1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в промышленных городах Урала крупные предприятия демонстрируют различные варианты включения в пространство местной политики. Можно выделить три основные модели политического участия крупных предприятий: «захват» органов местного самоуправления, присутствие в органах местного самоуправления, отказ от участия в местной политике. Варьируются степень включенности в политический процесс, уровень прямого контроля над ним, соотношение прямого и непрямого представительства в органах местного самоуправления. Распространенной остается модель присутствия в органах местного самоуправления, которая предполагает среднюю степень включенности крупного предприятия в систему городского управления, но обеспечивает менеджменту искомый уровень контроля над локальным политическим процессом. Отказ крупных предприятий от участия в городской политической жизни также достаточно распространен. Слабая включенность крупного предприятия в политические процессы не означает, что потенциал влияния на них снижен. Как правило, это указывает на то, что он в настоящий момент не реализован полностью.

Крупные предприятия зачастую используют неформальные практики осуществления контроля над главой города или муниципальным депутатским корпусом. При этом неформальные практики используются как при организации работы собственных представителей в органах местной власти, так и во взаимодействиях с их более самостоятельными коллегами. Если стратегия крупного предприятия предполагает активное использование неформальных практик, она оказывается более гибкой: смена персонального состава органов городской власти возможна только в соответствии с графиком муниципальных выборов, но переговоры с главой или депутатом «в кулуарах» можно начать на любом этапе. Вместе с тем поддержка менеджментом кандидата на пост городского главы или кандидата в муниципальные депутаты на этапе выборов — это прочная основа для договоренностей и будущего сотрудничества. Кроме того, представительство крупного предприятия в органах местного самоуправления города — это не только фасад, за которым идут неформальные переговоры и достигаются неофициальные договоренности. Это и эффективная форма участия экономического игрока — крупного предприятия — в политике: ее эффективность задана полномочиями должностных лиц и органов местного самоуправления.

Литература

Витковская Т.Б., Рябова О.А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 284 с.

Гельман В.Я. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России. // Политекс. 2010. Т. 6, №4. С. 116–129.

Зубаревич Н.В. Страна городов: теория и практика российской урбанизации. // Стимулы. Парадоксы. Провалы. Город глазами экономистов. М.: Стрелка-пресс, 2015. С. 20–34.

Ковин В.С., Петрова Р.И. Конкурентность на выборах в представительные органы власти в городских округах и муниципальных районах Пермского края в 2012–2017 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 4. С. 5–25.

Панов П.В. Политическое пространство промышленных городов Урала // Современный город: власть, управление, экономика. 2019. Вып. 9. С. 149–156.

Панов П.В. База данных «Политическое пространство промышленных городов Урала» // Вестник Пермского федерального исследовательского центра РАН. 2018. №3. С. 77–82.

Подвицнев О.Б., Рябова О.А. Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края). // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 138–147.

Пустовойт Ю.А. «Кто хозяин?»: формирование и развитие моделей власти в районах сибирского мегаполиса // Власть и элиты. Т. 3 / отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2016. С. 235–254.

Сельцер Д.Г. Малые города современной России: трансформация локальных элит. // Труды Вольного экономического общества России. 2014. Т. 187. С. 89–99.

Тев Д.Б. Капитал и местная власть: К вопросу о предпосылках участия бизнесменов в городской политике. // Элиты и власть в российском социальном пространстве / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 225–265.

Филиппова Е.Ю., Рябова О.А. Градообразующие предприятия в политическом пространстве промышленных городов Урала: вариативность включенности. // Вестник Пермского федерального исследовательского центра РАН. 2018. №4. С. 81–86.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: ИД ВШЭ, 2017. 414 с.

Источники

Верхний Уфалей теряет градообразующий завод // ФедералПресс. 06.02.2017. URL: <https://fedpress.ru/article/1738615> (дата обращения: 21.08.2019).

Кировград. Ассоциация муниципальных образований «Города Урала». URL: <http://amogu.ru/structure/487> (дата обращения: 19.09.2019).

Экономика Челябинской области: информационный сайт // Города и районы. Сатка. URL: <https://chelindustry.ru/info>. (дата обращения: 07.02.2019).

POLITICAL SPACE OF THE INDUSTRIAL CITIES OF THE URAL REGION: LARGE ENTERPRISES IN POLICY AND MANAGEMENT

T. Vitkovskaia

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.9>

Abstract. *The article focuses on the political activity of strong economic actors — large industrial enterprises in industrial cities of the Ural region. Enterprises are described as actors who operates in the public-political field; at the same time, enterprises are considered precisely as economic actors involved in local political processes, not as political actors. We distinguish three models of political participation of large industrial enterprises: the “seizure” of local government bodies by an enterprise and active inclusion of an enterprise in the political life of the city, the presence of an enterprise in local government and the average degree of involvement in urban politics, the refusal of an enterprise to participate in local politics and government. The study shows that at present stage the first model is relatively rare, while the second and third ones are widely used in industrial cities of the Ural region. Special attention is paid to the motives of owners of enterprises making decisions on the participation of representatives of enterprises in political processes. Particular attention is paid to the forms of political activity of enterprises and the nature of their representation in local government. It is shown that a high level of control over the local political field can be achieved in various ways, and ensuring numerical superiority in local government is not necessary for this.*

Keywords: *local politics, local government, industrial city, political space, social space.*

References

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossijskom gorode* [Power in a small Russian city]. Moscow: HSE, 2017. 414 p. (In Russian)

Filippova E.Y., Ryabova O.A. Gradoobrazujushhie predpriyatija v politicheskom prostranstve promyshlennyh gorodov Urala: variativnost' vkljuchennosti [City-forming enterprises in the political space of industrial cities of the Ural region: variability of inclusion]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN* [Bulletin of the Perm Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, 4, pp. 81–86. (In Russian)

Gelman V.Y. Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i «vertikal' vlasti» v sovremennoj Rossii [Local regimes, urban governance and the “vertical of power” in modern Russia], *Polytex*, 2010, 6 (4), pp. 116–129. (In Russian)

Kovin V.S., Petrova R.I. Konkurentnost' na vyborah v predstavitel'nye organy vlasti v gorodskih okrugah i municipal'nyh rajonah Permskogo kraja v 2012–2017.

[Competitiveness in elections to representative bodies of local government in urban districts and municipal districts of Perm region in 2012–2017. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm State University. Political science], 2017, 4, pp. 5–25. (In Russian)

Panov P.V. Baza dannyh «Politicheskoe prostranstvo promyshlennyh gorodov Urala» [Database “Political space of the industrial cities of the Ural region”]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN* [Bulletin of the Perm Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, 3, pp. 77–82. (In Russian)

Panov P.V. Politicheskoe prostranstvo promyshlennyh gorodov Urala. [Political space of the industrial cities of the Ural region]. *Sovremennyy gorod: vlast', upravlenie, jekonomika* [Modern city: power, management, and economics], 2019, 9, pp. 149–156. (In Russian)

Podvintsev O.B., Ryabova O.A. Tendencii transformacii lobbistskih struktur v organah mestnogo samoupravlenija malyh rossijskih gorodov (na primere Permskogo kraja). [Trends in the transformation of lobbying structures of local government in small Russian cities (on the example of Perm region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm State University. Political science], 2018, 3, pp. 138–147. (In Russian)

Pustovoi Y.A. «Kto hozjain?»: formirovanie i razvitie modelej vlasti v rajonah sibirskogo megapolisa. [“Who is the boss?”: The formation and development of power models in the regions of the Siberian metropolis]. In: *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. Duka, vol. 3. St. Petersburg: Intersotsis, 2016, pp. 235–254. (In Russian)

Seltzer D.G. Malye goroda sovremennoj Rossii: transformacija lokal'nyh jelit. [Small cities of modern Russia: the transformation of local elites]. *Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii* [Notes of the Free Economic Society of Russia], 2014, 187, pp. 89–99. (In Russian)

Tev D.B. Kapital i mestnaja vlast': K voprosu o predposylkah uchastija biznesmenov v gorodskoj politike. [Capital and local government: On the issue of the prerequisites for the participation of businessmen in urban politics]. In: *Jelity i vlast' v rossijskom social'nom prostranstve* [Elites and power in the Russian social space]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2008, pp. 225–265. (In Russian)

Vitkovskaya T.B., Ryabova O.A. *Monogoroda Srednego Urala: lokal'nye jelity i politicheskie processy* [Single-industry cities of the Middle Urals: local elites and political processes] Yekaterinburg: RAS, 2011, 284 p. (In Russian)

Zubarevich N.V. Strana gorodov: teorija i praktika rossijskoj urbanizacii [Country of cities: theory and practice of Russian urbanization] In: *Stimuly. Paradoksy. Provaly. Gorod glazami jekonomistov* [Incentives. Paradoxes. Failures. The city through the eyes of economists]. Moscow: Strelka-press, 2015, pp. 20–34. (In Russian)

КОНФИГУРАЦИЯ ОСНОВНЫХ АКТОРОВ В МАЛОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ И ЛИДЕРСТВО: ВЕКТОРЫ ПЕРЕМЕН¹

А. Чирикова, В. Ледяев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.10>

Аннотация. *Представлены результаты эмпирического исследования власти и лидерства в двух малых городах Ивановской области, проведенного в 2011–2015 и 2018–2019 гг. Основной материал получен на основе 76 глубинных интервью с представителями локальной и региональной элит. В фокусе исследования была динамика властных отношений и лидерства. Результаты показывают, что паттерны власти в обоих локальных сообществах в целом сохранились, но имели место и определенные изменения. Основными источниками изменений стали смена губернатора и кадровые перестановки в руководстве городов. В Шуе определяющим событием стало возвращение уволенной предыдущим губернатором бывшей главы города, однако в настоящее время у нее нет репутации наиболее влиятельного актора. В Кинешме иерархия власти, в которой глава администрации города не отводилось центрального места из-за частой смены лидеров исполнительной власти, сохранилась и четыре года спустя. Низкий персональный ресурс руководителей исполнительной власти в обоих городах стимулировал усиление влияния губернатора и членов его команды на отдельные аспекты городской политики для компенсации недостаточной эффективности муниципальных структур.*

Ключевые слова: *власть, лидерство, локальная политика, малые города.*

Управление городом представляет собой сложную систему взаимоотношений между различными социальными акторами, действующими в локальном политико-управленческом пространстве. Его характер, основные параметры и эффективность обусловлены различными факторами — общим социально-политическим контекстом, институциональной структурой и, наконец, конфигурацией и характером взаимодействия наиболее влиятельных акторов локального сообщества. При наличии приблизительно одинакового социального и институциональ-

---

¹ Исследование было выполнено при финансовой поддержке РФФИ, исследовательский проект № 19-011-31045опн.

ного контекстов жизнедеятельности российских городских сообществ определяющую роль в формировании специфики и особенностей локального политического процесса в различных городах приобретают конфигурация и иерархия акторов, определяющих городскую повестку и участвующих в принятии важнейших решений.

Властная иерархия во многом определяется формальными полномочиями, которыми обладают лица, занимающие ведущие позиции в системе государственного и муниципального управления. Однако сильным влиянием, как показывает опыт изучения власти в городских сообществах, обладают и другие акторы (прежде всего бизнес), которые могут играть важнейшую роль в социальной и политической жизни города [Ледяев 2012]. И наоборот, носители формальных полномочий отнюдь не всегда успешно реализуют ресурсы власти, которыми они обладают, занимая руководящие должности. Поэтому в складывании властной иерархии многое зависит от персональных качеств акторов, их способности и умения стать лидерами локального сообщества.

Кто и как правит в российских городах? Главы администраций городского и/или районного уровней? Руководители городской и/или районной легислатур? Бизнес-элита — руководители крупнейших (местных и/или внешних) экономических структур? Представители публичной власти более высоких уровней? Как складываются отношения между лидерами разных групп? Как быстро меняется состав городских элит и лидеров? Насколько успешна деятельность лиц, которым делегированы широкие полномочия по управлению городом? От чего зависит эффективность их деятельности и каким образом ее можно повысить? Эти и другие вопросы были в фокусе эмпирического исследования, на основе которого написана статья.

Исследование проводилось в два этапа — в 2013–2015 и 2018–2019 гг. — в двух типичных для России малых городах Ивановской области — в Шуе (59 тыс. жителей) и Кинешме (88 тыс. жителей). Основной материал был получен на основе 76 глубинных интервью с руководителями регионального уровня (губернатор, руководитель департамента, отвечающего за кадровую политику, руководители законодательной и исполнительной власти в г. Иванове), руководителями законодательной и исполнительной власти в изучаемых городах, депутатами местных легислатур, чиновниками и работниками аппарата исполнительной власти и легислатур, руководителями местных СМИ, руководителями промышленных предприятий и бизнесменами, лиде-

рами и активистами местных партийных и общественных организаций, экспертами. Состав респондентов первого и второго этапов, согласно замыслу исследования, отчасти совпал.

Проблематика и структура исследования выстроены в логике анализа городских режимов (*urban regime analysis*), ставшего начиная с 1990-х годов наиболее распространенным способом изучения власти в локальных сообществах в США (где зародилась эта отрасль политической социологии) и получила широкое признание во многих странах [Keizer 2015: 504; Davies, Imbroscio 2009; Stone 2017; Ледяев 2008]. Специальное внимание будет уделено городскому политическому лидерству, изучение которого традиционно фокусируется на трех группах факторов: (1) влияние контекста на поведение лидеров, (2) персональные характеристики индивидов, занимающих лидерские позиции, их способности, умения и (3) распределение власти и влияния в муниципальных организациях [Lowndes, Leach 2004; Greasley, Stoker 2009: 126].

Особую роль лидерство играет в переломные (кризисные) периоды развития социума. «Когда есть трудности, то неизбежно формируется запрос на лидерство. <...> У тех, кто претендует на лидерство, должно быть видение ситуации, план действий, способность добиться от людей экстраординарных усилий. Лидерство находится в сердце политики, в совместных действиях людей по достижению общих интересов. Люди стремятся изменить цепь событий... приостановить углубление кризиса» [Stone 1995: 97–98]. В России запрос на эффективное лидерство давно назрел как на федеральном, так и на локальном уровнях. Поэтому в фокусе нашего исследования, особенно на втором его этапе, — лидерский потенциал руководителей города и определяющие его факторы.

Поскольку результаты первого этапа уже описаны нами ранее [Чирикова, Ледяев 2017], здесь основное внимание будут уделено второму этапу исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам *первого этапа* исследования мы выявили следующую конфигурацию наиболее влиятельных акторов в двух городах.

Нами ожидалось, что наибольшим влиянием будут обладать руководители городских администраций, а последующие места в локальной иерархии власти займут крупный бизнес, городские легислатуры,

руководители предприятий, руководство «Единой России». Такая конфигурация власти нам представлялась вполне типичной не только для российских, но и для европейских городов, где обычно доминируют акторы публичного сектора [Ледяев 2012].

В целом наши ожидания подтвердились в полной мере в отношении Шуи. И скорее не подтвердились в отношении Кинешмы. Главное различие между властными иерархиями городов было связано с характером лидерства и потенциалом власти руководителей администраций. В Шуне глава администрации города (сити-менеджер) фактически однозначно являлась наиболее влиятельным актором — и в силу широкого набора формальных ресурсов, предоставляемых должностью (широкие полномочия в области планирования, бюджета и финансов, управления муниципальной собственностью, использования земли и др.), и благодаря солидному набору персональных ресурсов (личные качества, мотивация, знания, особенно в области финансов, умение обеспечивать город внешними источниками финансирования, жесткий авторитарный стиль управления).

В Кинешме в период проведения исследования не было сильной фигуры лидера, поскольку и руководители городской администрации, и руководство городской легислатуры постоянно обновлялись (4 руководителя администрации города за два года). Причинами были кадровый дефицит и неудачная кадровая политика предыдущего губернатора (намеченные и более или менее подходящие кандидатуры на посты в городе отказались руководить городской администрацией). Если в Шуне не было острых конфликтов внутри местной элиты, то в Кинешме между руководством городской легислатуры и городской администрацией имел место сильный конфликт, который завершился только в результате смены руководства городской легислатуры, осуществленный региональными властями.

По своему потенциалу влияния крупный (по меркам малого города) бизнес в Шуне и Кинешме был сопоставим с руководством города. Крупные предприятия относительно независимы: их руководство могло решать важные для них вопросы на более высоких (чем локальный) уровнях, от успешности крупных предприятий зависели бюджет и социальное благополучие значительной части населения локального сообщества. Поэтому с ними вынуждены были считаться руководители города и учитывать его интересы. Однако в обоих городах включенность бизнеса в локальную политику оказалась довольно ограниченной,

поэтому влияние бизнеса на управленческие процессы в городах было существенно слабее, чем могло быть, учитывая его ресурсы и возможности. Формально организации бизнеса были в обоих городах (советы директоров, «Опора России»), но фактически они не работали и никак не влияли на ситуацию, оставаясь в значительной степени декоративными.

Остальные локальные акторы и институции в обоих городах фактически не обладали ресурсами и возможностями, чтобы занять лидирующие позиции в локальной властной иерархии. В Шуе местная легислатура (Городская Дума) фактически находилась под контролем главы администрации (*«Влияние представительной власти на решения исполнительной власти ничтожно»*). Депутатский корпус был во многом сформирован городской администрацией, несамостоятелен и зависим от нее. «Послушное большинство» в Думе состояло в основном из депутатов-бизнесменов, защищающих с помощью депутатского статуса свои интересы. Это имело существенное значение в условиях слабой реальной защищенности местного бизнеса, характерной для современной России и других стран с неразвитым правовым государством. Также в целом лояльны городской администрации бюджетники и руководители муниципальных учреждений, которые хорошо знали, что стало с теми, кто отваживался идти на конфликт с администрацией (*«у нас снимали руководителей, которые как депутаты шли против администрации... и они уходили в никуда»*). В результате в Шуе фактически не было серьезных внешних трений между легислатурой и администрацией.

Иная ситуация имела место в Кинешме, где почти полтора года сохранялось противостояние легислатуры и исполнительной власти. В силу частой смены руководителей городской администрации ее позиции во взаимоотношениях с легислатурой существенно ослабли, временные фигуры, не имевшие серьезного персонального ресурса и авторитета, не смогли выстроить нужные им отношения с депутатским корпусом. В результате председатель местной Думы, изначально ориентированная на сотрудничество, почувствовала возможность успешно противостоять попыткам командования со стороны исполнительной власти. Кроме того, в отличие от Шуи, депутатский корпус не был «правильно подобран» и в нем оказалось достаточно много оппозиционеров. Наконец, причиной открытого конфликта стал тот факт, что руководителем Думы оказалась человек, не имевший серьезного управленческого и полити-

ческого опыта («женщина с фабрики»), но при этом принципиальная и решившая начать противодействовать коррупции в исполнительной власти («команда бывшего главы администрации четко отстаивала интересы бизнеса, а она — интересы людей»).

Противостояние ветвей власти не могло продолжаться слишком долго, поскольку это не устраивало областное руководство, которое в конце концов вмешалось, поменяв все основные властные фигуры в городе.

Партийные структуры в обоих городах играли довольно скромную роль в местной политике. Маловлиятельными оказались даже местные отделения правящей партии, которые, как подчеркивали наши респонденты, опирались не на потенциал партийного контроля, а на административный ресурс, которым располагали члены партии, находящиеся на муниципальных должностях. В Шуе были более активные по сравнению с Кинешмой организации гражданского общества — Экологический союз, общество краеведов, Общество защиты прав потребителей, этнические диаспоры, которые все настойчивее осваивали интернет-пространство и местные СМИ. Высоким авторитетом в Шуе обладал и местный епископ («Это настоящий духовный лидер»). Но центр власти и влияния в Шуе однозначно находился в городской администрации. Глава администрации города была одновременно формальным и неформальным лидером, что позволяло ей контролировать ситуацию в городе. В Кинешме, напротив, постоянная смена глав администраций привела к тому, что местная власть в лице главы администрации так и не смогла приобрести должного влияния. Глава администрации города, находившийся на этой должности в период исследования, позднее был арестован и посажен в тюрьму. Безвременье пытались нивелировать региональные чиновники, но и они вскоре оказались за решеткой.

Выстраивая иерархию локальных акторов мы, разумеется, учитывали, что активную роль в локальном политическом пространстве могут играть и субъекты регионального уровня. Исследование показало, что вышестоящие инстанции в лице федеральной и региональной властей обладают более чем достаточными возможностями для решения любого вопроса на локальном уровне. Хотя органы местного самоуправления формально независимы от государственных структур, фактически региональная власть имеет широкий набор административных, финансовых и других ресурсов для разрешения ситуаций в своих интересах. Более того, при необходимости она может переформатировать

все локальное политическое пространство. Местные структуры власти вряд ли способны этому помешать, поскольку их ресурсы несопоставимы с теми, которые имеют субъекты регионального уровня.

Влияние губернатора и его команды на ситуацию в малых городах проявлялось в разных ракурсах: решение кадровых вопросов (хотя формально назначение должностных лиц — прерогатива самих муниципальных структур), разрешение внутриэлитных конфликтов в городах, создающих угрозу стабильности территории, помощь в решении социально-экономических проблем в случае необходимости. Наиболее важный механизм воздействия губернатора и его команды на локальное социально-политическое пространство заключался не столько в конкретных интервенциях, сколько в выстраивании определенной системы норм и принципов, которыми должны руководствоваться местные элиты в своей политике. Последние должны принять спускаемые сверху «правила игры», причем не только формальные, и не выходить за рамки стандартов поведения, задаваемых сверху.

Все эти формы влияния на локальную политику имели место во взаимоотношениях региональных властей с руководством Шуи и Кинешмы. При этом специфика участия акторов регионального уровня в локальной политике городов и характер их взаимоотношений с местными элитами в момент первого этапа исследования во многом определялись тем обстоятельством, что губернатор находился на своем посту всего около полугода. Глава администрации Шуи — самый влиятельный актер в данном локальном сообществе — получила должность при прежнем губернаторе, который ее активно поддерживал. По отношению к новому губернатору она, по мнению наших информантов, вела себя слишком независимо (*«он мне пока неинтересен»*) и даже допускала возможность в случае необходимости вступить с ним в открытую конфронтацию. Ее самоуверенность в конце концов привела к отставке, причину которой четко выразил заместитель губернатора: *«Я не могу позволить такой роскоши — иметь главу администрации города, который не уважает региональные власти... поскольку это большой риск»*. Данный факт подтверждает, что многое во взаимоотношениях между региональными и местными властями зависит от персональных отношений, и если они не соответствуют принципам, заданным сверху, кадровые изменения становятся более чем вероятными. Конфликты с региональными властями могут дорого обойтись лидерам локальных сообществ, даже самым влиятельным. Исследование убедительно по-

казало, что лидерский потенциал глав администраций мог быть реализован только в том случае, если регионалы не блокировали действий местных лидеров. В случае противостояния даже лица с высоким лидерским потенциалом не могут эффективно управлять городом.

В Кинешме кадровые изменения также имели место. Но они не были обусловлены излишней самостоятельностью местных руководителей. Наши информанты уверены, что главная причина частой смены руководителей города и в целом кадровой политики региональных власти в данном локальном сообществе заключалась в том, что руководители региона изначально подбирали в руководители города людей, полностью зависимых и даже с сомнительной репутацией, чтобы *«держат их на крючке»*. Поэтому, в отличие от Шуи, причинами кадровых изменений были не отсутствие толерантности и подчинения со стороны городских властей, а неспособность слабых руководителей обеспечить нормальное управление городом, коррупция, некомпетентность, низкая профессиональная мотивация.

По результатам второго этапа эмпирического исследования было обнаружено, что паттерны власти и в Шуре, и в Кинешме в целом сохранились, но имели место и определенные изменения.

Одной из причин изменений в двух городах стала смена губернатора. *«Смена первого лица всегда ведет к смене общественной и политической парадигмы в регионе Она не может не меняться с приходом нового губернатора... Большинство изменений в регионе идут от губернатора. И это вряд ли кто-то будет оспаривать, кто разбирается в элитном раскладе сил»*. Эту мысль, высказанную известным ивановским журналистом, разделяют и другие наши информанты. Они отмечают, что, обладая существенными ресурсами влияния на локальную политику, губернатор во многом определяет ее характер и повестку, от него существенно зависят экономическое и финансовое благополучие города, внутриэлитные отношения и политическая стабильность.

Деятельность предыдущих губернаторов (первый из них был заменен за полгода до первого этапа исследования, второй — за 8 месяцев до начала второго этапа исследования) получила в основном негативные оценки наших информантов. Предшественник нынешнего губернатора, по их мнению, не просто плохо управлял регионом, но и извлекал из своей работы выгоду для себя: *«Губернатор и его приближенное лицо вытоптали все... Им нужны были деньги и только деньги... При нем проекты все встали... Это нулевой вариант для области... Он не при-*

нес для области ничего, кроме плохого. Все замы сели, а его просто не тронули, потому что было благословение сверху¹... Чтобы не было тени на федеральную власть. Много бюджетных денег пропало. Он просто неудачник. За что бы ни брался, все получалось плохо». Некоторые информанты даже высказывали сомнения в его легитимности, намекая на то, что на результатах выборов решающим образом повлиял административный ресурс: «Если его оценивать как политика, то он никакой... Мы знаем, как он избирался», — замечает один из представителей региональной элиты. Но главное, за что его упрекали, — это безразличие к региону и к конкретным городам («приехал, галочку поставил и уехал», «для губернатора люди были просто фишечки»).

Отношение к новому губернатору со стороны муниципальных элит пока в целом позитивное. Более настороженно приход нового губернатора в регион восприняла региональная элита, ссылающаяся на отсутствие у него должного управленческого опыта («новый губернатор не умеет работать на земле»). Основные претензии: «пришел человек, не имеющий управленческого опыта»; «у него ориентация на яркие шаги, которые характеризуют в первую очередь его... А внутренняя повестка проседает»; «он не видит принципиально местных элит. Он не видит местных СМИ. Его коронная фраза: 'СМИ — это РБК и Коммерсант'»; «на контакты [с крупным бизнесом] он не идет»; «губернатор самоустранился от одной вещи — от разборок в элите. Он становится бюрократом, а не политиком».

Однако не все представители региональной элиты разделяют эти упреки, при этом практически все понимают, что это губернатор новой формации, мотивация которого не ограничивается привычными стимулами извлечь из региона максимальную пользу для себя. «Он молодой... 42 года. У него все есть. Воровать не надо... Он явно рассматривает область, как возможность старта. Не обладая достаточными компетенциями, и не имея квалифицированных советников, он начал играть в хозяина... Это злит, но может быть все закончится хорошо». В целом отношение к новому губернатору, судя по всему, улучшается, а настороженность элит постепенно сменяется надеждой на будущие позитивные перемены благодаря обширным связям губернатора на федеральном уровне и его лидерским качествам.

---

¹ Недавно он также оказался под следствием: против него возбудили дело о нецелевом использовании средств.

Наиболее очевидным изменением ситуации в Шуе в связи с приходом нового губернатора стало возвращение уволенной предыдущим губернатором бывшей главы города, политическую карьеру которой мы преждевременно посчитали законченной. Главной причиной ее возвращения стала неудовлетворительная деятельность ее сменщика («город, когда был этот глава, ничего хорошего не получил»). При этом его реальное влияние и политический вес были на порядок ниже («он как-то сразу потерял позиции. Вот вам и роль личности. Ему личностного ресурса просто не хватило»), и он не воспринимался информантами как наиболее влиятельный актер в локальном сообществе. Представители городской элиты подчеркивали, что «он не любил и не понимал город», не умел выстраивать отношения с элитами и населением. В результате все основные локальные акторы, в том числе директора, предприниматели, депутаты, обратились к губернатору с просьбой о замене действующего главы, что он и сделал.

По мнению многих наших информантов, неудачный выбор главы администрации города был обусловлен тем, что региональные власти стремились посадить во власть «удобные и покладистые фигуры». В результате время нахождения этого человека во власти до сих пор воспринимается как «потерянное время» для города: провал политики благоустройства города, фактическое прекращение кропотливой работы по восстановлению его исторического лица («он изломал то историческое видение города, которое было») и др.

Почему в Шуе спустя 3,5 года произошло столь неожиданное возвращение во власть человека, политическая карьера которого, казалось бы, безвозвратно закончилась? Одна из причин состоит в том, что не все фигуры в руководстве области посчитали оправданным ее снятие несколько лет назад. Другая заключается в том, что «скамейка запасных выжжена. Выбирать становится не из кого... Все карты крапленые и замусоленные» (известный журналист). Наконец, при всех своих недостатках, она — «достаточно эффективный руководитель... В городе при ее руководстве многое было сделано...» (бывший мэр г. Иванова и вице-губернатор, курировавший город в период ее пребывания у власти).

Комментируя столь нетривиальный шаг со стороны губернатора, руководитель департамента внутренней политики, заместитель председателя областного правительства полагает, что в сделанном назначении риск не столь высок, как это может показаться: «В данном случае ее назначение обусловлено тем, что она за город грудью ляжет. И она

мотивирована на результат... А нам нужен результат. Мне нужен прорыв в городе. Мне не нужна просто нормальная ситуация».

Первые шаги нового старого главы администрации города, ныне главы города, пока не позволяют сделать однозначные выводы о том, будет ли она руководить в том же стиле, как и в свой первый приход на должность. По мнению большинства наших информантов, она стала более гибкой. Сама она уже не считает себя, как было ранее, наиболее влиятельной фигурой в городской политике, при этом признает необходимость внести коррективы в свой стиль управления: *«Я и раньше не позволяла себе делать что-то хуже других. И сейчас я понимаю, я должна выложиться полностью, но сделать все для города. Это во мне не изменилось. Но отношение к жизни и к людям изменилось... Я стала мягче относиться к людям и к их недостаткам... Мне большой опыт дали духовные наставники».*

Если сравнить нынешнюю иерархию власти в Шуе с той, которая фиксировалась нашими информантами на первом этапе исследования, то определенные изменения просматриваются. Ранее в их оценках наиболее влиятельной фигурой однозначно была глава администрации города; в настоящее время у нее (пока) нет такой репутации. Кроме того, ранее наши информанты не были склонны включать губернатора в число наиболее влиятельных локальных акторов (хотя упоминались отдельные фигуры регионального масштаба). Теперь же именно его они часто называют в числе самых влиятельных субъектов городской политики. Сказалось существенное ослабление местной исполнительной власти в период правления бывшего главы администрации города, которое пытались компенсировать региональные власти. *«Прежний глава... не обладал влиятельностью в городе, несмотря на то что он возглавлял исполнительную власть. Он как-то сразу потерял позиции. Вот вам и роль личности. Ему личностного ресурса просто не хватило... Пришел новый губернатор и все потихоньку, с оглядкой стали ориентироваться на него»* (известный предприниматель, ныне депутат Областной Думы); *«центра власти не было вообще... Были отдельные группы. Были депутаты, которые пытались решать проблемы. Нынешний председатель гордумы — неплохой исполнитель. Но как центра влияния в городе я его не вижу. Остается губернатор»* (бывший председатель Городской Думы).

Влияние остальных акторов — бизнеса, местной legislatury, партийных и общественных организаций — фактически осталось на преж-

нем уровне. Как и ранее, в числе потенциально влиятельных информантами назывался крупный бизнес, который в силу ослабления исполнительной власти усилил свои позиции. Подтвердили они и высокий потенциал влияния церкви (местный епископ), которая, судя по всему, усилила свой авторитет, поскольку на позицию церкви теперь ориентируется не только глава города, но и вновь избранный губернатор. *«Не исключено, что не только губернатор выбирал нынешнюю главу, а еще и РПЦ. Это означает, что влияние церкви в регионе нарастает... Церковь в области становится официальной политической силой»* (редактор газеты).

Более субъективной, по оценкам наших информантов, стала городская легислатура. Если предыдущая Дума являла собой достаточно типичный образец «карманной» Думы (*«она ничего не решала», «была молчаливо-согласная на все»*), то нынешняя Дума *«более еришистая», «более боевая»,* поскольку *«там есть достаточно независимые люди, ответственные перед городом, прежде всего предприниматели»*. Новая Дума часто оказывалась в оппозиции к предыдущему неавторитетному главе администрации города, несмотря на давление и риски (*«Тогдашний глава был тем человеком, которому было можно и нужно противостоять, глядя на то безобразие, которое здесь творилось»*). Отчасти этому способствовала смена вектора отношений с руководством региона (*«Раньше, скажи хоть одно слово, из области сразу полетит сообщение, чтобы ты помалкивал»*).

Несмотря на боевой характер Думы, ее председатель признает, что проводить решения, расходящиеся с мнением «Единой России», практически невозможно: *«У нас есть фракция, 14 человек. 7 лояльных и 7 — не очень. Этих 7 голосов хватает, чтобы заблокировать любое решение»*. Однако споры по важнейшим городским проблемам всегда имеют место. *«По некоторым вопросам приходится договариваться и искать компромисс. Ярким примером здесь является принятие решений по бюджету. Каждый год это порождало жаркие дискуссии. Особенно активно это обсуждалось представителями бюджетных учреждений, у которых есть свое видение, как должны распределяться городские блага... В итоге мы бюджет каждый год принимали. Город без бюджета никто оставить не может... Несмотря на диаметрально противоположные позиции по ряду вопросов. Но консенсус все равно искался всегда»* (бывший председатель Городской Думы).

Вернувшаяся в свое кресло глава города уверена, что взаимодействие с депутатским корпусом у нее непременно получится: *«Меня устраи-*

вает абсолютно существующая Дума... Она ершистая, но это связано с закрытостью власти... У прежнего главы изменения в бюджет они не приняли. Буквально через три дня я выходила с изменениями в бюджет, со своей аргументацией, проблем не возникло... Я увидела, что, когда депутатам объясняешь, они понимают, что к чему. Люди адекватные». Председатель Думы также убежден в том, что депутаты будут поддерживать главу, хотя бы потому, что она полна желания изменить ситуацию в городе к лучшему: «Сейчас депутаты команде нашей главы дали карт-бланш. Власть проверяется от бюджета к бюджету... Так как этот бюджет наполовину разграблен и ей сейчас тяжело, мы решили поддержать ее шаги по улучшению ситуации».

Векторы перемен в городе Шуе позволяют убедиться в том, что даже лидер с высоким потенциалом при изменившейся ситуации должен заново подтверждать претензии на лидерство, не рассчитывая только на прежние заслуги. При этом недостаточно иметь формальные атрибуты власти, чтобы эффективно управлять городом, добиваясь поставленных целей. Требуется как минимум умение взаимодействовать с общественностью и способность сформировать пул последователей.

Важную роль в лидерстве играет команда лидера. В Шуе старому новому главе города удалось вернуть часть бывших членов команды, работавших с ней четыре года назад. Но в полной мере добиться эффективной работы новой команды, по ее признанию, пока не удалось: «Команда была мной по возвращению частично восстановлена, после того как ее “зачистил” прежний глава. В нее вернулись три человека. Однако сейчас задачи изменились по сравнению с более ранним периодом. Сегодня им не хватает темпа. Я просто натыкалась на стену непонимания. Сейчас этот маховик раскрутился. Они под меня подстроились. Сейчас понимания больше. И они ускорились значительно. Но пока недостаточно».

Формулируя принципы подбора кадров для команды, новая глава на первый план выдвигает такие качества, как работоспособность, инициативность и компетентность: «Мне сейчас нужны люди, которые будут работать и днем, и ночью. Причем абсолютно бескорыстно. Выполняя любую работу... Люди должны быть инициативные и грамотные. Мне надо сначала вернуться на старую ступеньку, а потом сдвинуться с мертвой точки... И двигаться вперед. Для этого надо работать и днем, и ночью. Иначе мы долго-долго не вернемся к старой отметке».

Соглашаясь с тем, что команда — это львиная доля успеха, она убеждена: *«Мне необходимо работать с командой до тех пор, пока не будет достигнут требуемый результат»*. Она и преданные ей члены команды уверены, что накопившиеся проблемы, обострившиеся за годы «безвременья», можно решить, какой бы сложной ни была ситуация в городе. Уже самые первые ее действия на новой старой должности дают определенные основания для оптимизма. Инициировав ряд судебных процессов, глава хочет вернуть потерянное городом имущество, выстраивая с губернатором рабочие отношения, она стремится привлечь в город дополнительные ресурсы, работая с крупным бизнесом, пытается привлечь его к более активному участию в развитии города. Местная элита, зная ее характер, в целом уверена в том, что она справится: *«Если она собралась воевать, то обязательно вернет то, что было распродано прежним главой для личного обогащения. Это сделать трудно, но она своего добьется, потому что привыкла побеждать»*, — считает известный в городе предприниматель, последовательный оппонент главы, ныне депутат Областной Думы. Сможет ли эффективное лидерство взять верх над трудностями, обусловленными общим не вполне благоприятным контекстом, покажет время.

В Кинешме за последние годы кардинальных перемен в конфигурации влиятельных акторов не произошло. Иерархия, в которой главе администрации города не отводилось центральное место из-за частой смены лидеров городской власти, сохранилась и почти четыре года спустя. При этом, как и в Шуе, произошла смена руководства исполнительной власти: глава администрации города, занимавший свой пост на момент проведения первого этапа исследования, был посажен в тюрьму за взятку. Он проработал на своей должности чуть больше года, но оставил у местной элиты массу противоречивых воспоминаний.

На его место был вновь назначен варяг, который и сейчас занимает данную должность. Отношение к нему со стороны местной элиты весьма неоднозначное, но в целом довольно скептическое. Большинство наших информантов считают, что, будучи «чужаком», он оказался неспособным занять лидирующее место во властной иерархии, не сумев эффективно использовать предоставляемые его позицией ресурсы. При этом они высказали немало претензий как к его личности, так и к результатам его деятельности: *«Это не его город. Он работал в маленьком городке, почти деревне»; «он город не чувствует, у него нет энтузиазма и планомерности.... А здесь нужна системная и планомерная работа»*;

«у него ничего за душой нет; бизнес он не может организовать; нет у него харизмы», «он не терпит чужого мнения»; «он ничего не сделал»; «главу губит то, что у него дилетантская команда».

Сам глава города понимает, что не справляется с функцией лидера. Его объяснение: *«Сегодня выше всех на этой пирамиде власти находится губернатор. Все ожидания кинешемцев связаны именно с ним. Он находится выше всего. Местная власть не обладает высоким рейтингом. В том числе я могу сказать это о себе. У меня лидировать не получается... Наверно надо больше общаться с местным населением. Я люблю строить, но я не люблю заниматься публичными вещами. Я не люблю политику. На это надо тратить время, которого просто нет».*

На вопрос о том, кто же является влиятельной и авторитетной фигурой в городе, если он сам не сумел стать лидером, глава города вполне обстоятельно отвечает: *«Есть фигуры, исторически сложившиеся в городе. Они обладают высоким доверием населения. Одна из фигур — Морозов Борис Александрович... Директор Поликора. Ему 70 лет... с небольшим. Я его называю с его разрешения своим учителем. Он человек мудрый и системный. У меня с ним хорошие доверительные отношения. Я с ним советуюсь по каким-то вопросам. У него ясный взгляд, и он фигура независимая. Может ли он влиять на губернатора? Или кто-то еще? Нет таких людей в городе, которые бы могли оказывать влияние на губернатора. У губернатора свой взгляд, и это хорошо. Губернатор — главная фигура в области и в городе».*

Не получилось в полной мере у главы города и сформировать команду последователей в муниципальном органе власти. Арест бывшего главы деморализовал команду. В ней остались люди, либо очень любившие свою работу, либо те, кому просто некуда уйти. Нынешний глава города, продвинутый на должность бывшим губернатором, сразу не стал делать резких шагов. Но спустя полтора года решил разбавить местную команду людьми со своего прежнего места работы, которым он доверял: *«Я первые полтора года работал здесь практически один. И пытался на кого-то опираться. Я привел несколько фигур, с кем работал раньше.... И кому доверял. Мне нужна спина. Я за членами команды смотрю, там, где можно что-то утащить... Лично смотрю. Смотрю, что подписывается и какие документы уходят. Спина должна быть закрыта. Я должен понимать, что если что-то будет происходить, то у меня есть тыл».*

Не зная подоплеки многих происходящих внутри администрации процессов, местные элиты, желая перемен, отнеслись к кадровым перестановкам в целом негативно, поскольку назначенные главой новые фигуры в его команде не воспринимались как люди, способные изменить ситуацию к лучшему. По их оценкам, команда не вполне профессиональна и не способна к самостоятельным действиям. Это фактически подтверждает и сам глава города.

Некоторые представители элит понимают, что ответственность за не (вполне) удачную деятельность главы города несут прежде всего те, кто поставил его на эту должность, при этом следует учесть и доставшееся ему тяжелое наследство: *«Я помню его своим коллегой по соседнему району... У него все получалось... Это не его вина, что он здесь оказался... Это вина других людей... Системное решение приняли ручным образом. И вот результат. Так кто виноват?»*

Насколько тяжелая ситуация в городе обусловлены недостатком лидерских качеств главы города или же «виноват» контекст — совокупность объективных условий, препятствующих успешному управлению городом? Может быть, неудачи варяга во власти зависят исключительно от трудностей сложившейся ситуации? Однозначно ответить на этот вопрос вряд ли возможно. Некоторые наши информанты убеждены: *«Отсутствие лидерских качеств только усугубляет сложившуюся ситуацию в городе. Вместо того, чтобы действовать вопреки сложившимся негативным тенденциям, он целиком и полностью сориентировался на губернатора и ждет от него помощи, не предпринимая никаких собственных действий»*.

Другие полагают, что в городе накопилось столько проблем, что их вряд ли можно решить даже сильному лидеру: *«Проблемы города сложились не сегодня. Они накопились. Особенно в ситуации безденежья. Да будь он хоть семи пядей во лбу, их ему не решить. Особенно проблемы ЖКХ. Другое дело, что у него нет доверия жителей, у него не работает команда, это другой разговор, вот это действительно зависит от лидерских качеств, которых у него просто нет»*, — считает известный в городе директор завода.

«Вакуум власти», образовавшийся и сохранившийся в силу слабых фигур в руководстве городской администрации, компенсировался некоторым образом вмешательством со стороны областных чиновников и активностью криминала и криминального бизнеса. В результате место лидера локального сообщества, традиционно занимаемое руководите-

лем исполнительной власти, фактически занимает губернатор и члены его команды, вынужденные активно вмешиваться в локальный управленческий процесс. Соответственно усилились позиции отдельных представителей администрации города, имеющих тесные связи с губернатором.

Новый губернатор, хотя и не имеет (пока?) устойчивого высокого рейтинга у населения, не только реально исполняет роль лидера городского сообщества, но и пытается влиять на конфигурацию и иерархию локальных акторов, стремясь усилить позиции промышленного сектора. Фактически он инициировал создание Совета предпринимателей, призванного объединить крупный бизнес. Кроме того, он активизировал деятельность общественных организаций путем создания общественного движения «За будущее Кинешмы», которое возглавил уже упоминавшийся директор завода.

Относительно высокий потенциал влияния в городской политике имеют отдельные представители крупного бизнеса: *«Наибольшей поддержкой среди горожан пользуется директор завода «Поликор» Это крупный бизнес, но в лице определенного человека»* (секретарь местного отделения «Единой России», ранее — председатель Городской Думы). В перспективе влияние бизнеса, по мнению информантов, может усилиться в связи с деятельностью Совета предпринимателей. Хотя практически никто из входящих в него представителей бизнеса не ожидает, что совет может что-то принципиально изменить в городе, его создание по инициативе губернатора воспринимается как потенциальная готовность крупного бизнеса к интеграции.

Позиции городской легислатуры и ее взаимоотношения с местной администрацией в настоящее время вполне традиционные. После острого конфликта, закончившегося снятием «женщины с фабрики», новому председателю легислатуры была изначально уготована роль ведомого. Последний, по его словам, стремился достичь равноправного взаимодействия структур муниципальной власти, но особых надежд не питал: *«Сегодня доминантой остается администрация. В любом вопросе... Так заведено: у кого деньги, у того и власть; а другие во власть только играют... Хотя и говорится, что мы контрольно-надзорный орган... Но кто позволит контролировать власть исполнительную?»* Спустя некоторое время сменился руководитель городской администрации, однако это фактически не изменило сложившийся паттерн взаимоотношений между структурами муниципальной власти.

При этом в связи с реформированием высшей должности в городе (ранее — глава города и одновременно глава местной легислатуры, теперь — просто председатель Городской Думы) политическое влияние председателя Думы, а вместе с этим и влияние легислатуры в целом заметно снизилось: *«Сегодня глава администрации и глава города существуют в одном лице. Когда я пришел, было иначе: я был главой города и одновременно председателем гордумы. Раньше я был чуть побольше... ко мне лучше прислушивались».*

Партии за прошедшее время снизили и без того ограниченные ресурсы влияния на городскую ситуацию. Исключение — КПРФ, которая на волне протестных настроений больше других партий, хотя и незначительно, поддерживается людьми старшего возраста. Некоторым оппозиционным потенциалом, как это ни странно, обладает и фракция «Единой России», хотя в итоге она всегда голосует «как надо»: *«Среди депутатов от ЕР образовалось два лагеря. Они между собой конфликтуют. Оппозиционность во фракции ярко выражена, но на Думе они четко голосуют»* (руководитель местных коммунистов).

Относительно влияния силовиков наши информанты в обоих городах высказывают очень разные, подчас противоречащие суждения. Одни полагают, что именно представители силовых структур наряду с губернатором могут реально влиять на решения муниципальных органов власти, другие уверены, что их влияние не стоит преувеличивать. Скорее всего, оно есть (*«прокуратура может сказать главе..., и глава против них не пойдет»*), однако определить его степень наши информанты, как и ранее, затруднились.

Влияние криминалитета за прошедшие пять лет, судя по всему, не усилилось. Но оно вряд ли исчезло. Определить его степень и динамику наши информанты также затрудняются¹. По их мнению, в Шуе они не оказывают существенного влияния на городскую политику, и нет предпосылок для изменения ситуации к худшему. Наши информанты связывают это с хорошей работой силовых структур, которые контролируют ситуацию в городе. В Кинешме ситуация, по-видимому, улучшилась (*«Время глобального криминала ушло... Город не выделяется*

---

¹ Судить о наличии или отсутствии криминальных связей сегодня можно лишь по отрывочным суждениям отдельных представителей элит. Свои представления о том, что произошло на самом деле, элиты строят исходя из личного отношения и близости дистанции общения.

среди других городов области по выраженности криминального влияния»). Некоторые наши информанты связывают это со снижением уровня коррупции («в администрации перестали брать взятки») и уходом из власти людей, связанных с криминалом.

Что касается взаимоотношений между основными акторами в контексте перспектив складывания режимов стоуновского типа, то ситуация существенно не изменилась. По-видимому, без сильных и стабильных лидеров городских администраций реальные правящие коалиции в малых городах вряд ли могут быть сформированы. При этом высокий потенциал влияния губернатора на локальную политику («вертикаль власти») создает дополнительные трудности в формировании самостоятельной локальной коалиции, определяющей повестку, назначения и ключевые решения в городе. Наконец, сказывается и сильная авторитарная составляющая российской политики, ограничивающая автономию локальной политики и ее акторов. По этим причинам мы, как и на первом этапе, не обнаружили в городах каких-либо коалиций, способных претендовать на статус стоуновских режимов. Обнаруженные нами властные практики скорее напоминают элитистские паттерны власти, где важнейшие решения принимаются очень узким кругом лиц, в том числе и прежде всего представителями региональной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительный анализ ситуации в двух малых городах показывает устойчивость сложившейся конфигурации основных акторов и одновременно сохраняющуюся вариативность и динамику локального политического пространства, обусловленную главным образом субъективным (персональным) фактором. Результаты исследования подтверждают предположение о том, что не всегда руководители исполнительной власти являются наиболее влиятельными фигурами в городском сообществе (хотя потенциально и обладают наиболее значимыми формальными ресурсами), поскольку лидерство не является автоматическим, структурно предопределенным, а зависит от личного ресурса и выстроенных взаимоотношений с руководством региона. Чтобы реально управлять городом, недостаточно иметь соответствующий статус и даже административные рычаги. Фактор лидерства был и остается обязательным элементом эффективного управления, лидерство может существенно скорректировать институциональные правила и практики.

Смена фигур во власти может существенно влиять не только на стиль управления и характер внутриэлитных взаимоотношений, но и на властную иерархию. Более того, как показывает ситуация в Шуе, даже персональная эволюция локальных лидеров может привести к существенным изменениям как в их политических стратегиях, так и в балансе власти в локальном сообществе. Поэтому запрос на эффективное лидерство, способность выходить за границы существующих ограничений и умение продвигать свои идеи в сложных условиях становится все отчетливее.

Однако исследование показало, что в малых городах имеет место дефицит потенциальных лидеров. *«Нам не хватает лидеров, людей, мотивированных на то, чтобы сделать городу лучше, несмотря ни на что»*, — такова типичная позиция наших информантов, при этом сфера поиска подходящих руководителей потенциально сужается в силу настороженного отношения городских элит к «варягам», которое, как показали события в обоих городах, не лишено оснований. Дефицит лидерства в малых городах обусловлен разными причинами. Главные из них задаются общим политическим и институциональным контекстом, символом которой является выстроенная властная вертикаль, внутри которой главы городов оказываются простыми исполнителями указаний сверху и не готовы выйти за рамки предписанных схем действия, даже если они не способствуют успешному развитию территории.

Исследование показало, что эффективность деятельности руководителя во многом зависит от качества его команды, ее способности воплотить стратегические планы по развитию города. На момент исследования у руководителей городов таких команд не было. Поэтому вопрос об их способности существенно улучшить ситуацию в городе остается открытым.

Открытым остается и вопрос о соотношении структурного и персонального факторов в формировании властного потенциала руководителей городов. Исследование дает основание для осторожного вывода о том, что несмотря на ограниченные контекстом возможности локальных акторов, их роль и лидерские качества могут стать ресурсом, который способен как минимум противостоять негативным тенденциям. В противном случае неблагоприятная ситуация в малых городах может только усугубляться.

В обоих городах реальное влияние руководителей городских администраций существенно варьировалось, и не всегда глава городской

администрации оказывался наиболее влиятельным локальным актором. В те периоды, когда на должности оказывался слабый руководитель, существенно усиливалось влияние губернатора и членов его команды на отдельные аспекты городской политики — как компенсация недостаточной эффективности муниципальных структур. При этом возможности региональной власти влиять на ситуацию в малом городе, как подтвердило наше исследование, практически не ограничены, о чем свидетельствует и история с отставкой и переназначением нынешнего главы администрации в Шуе.

С этой точки зрения выстроенная президентом В. Путиным «вертикаль власти» безусловно действует, хотя ее эффекты, как свидетельствует ситуация в Кинешме, отнюдь не обязательно позитивные. В контексте взаимоотношений между локальными и региональными элитами роль персонального фактора также весьма значительна: смена губернатора, как показало исследование, вносит коррективы, подчас существенные, во взаимоотношения с местными элитами и в локальные политические процессы. Эти коррективы реализуются не только через кадровые перестановки и управленческие директивы, но и через инициацию проектов, призванных стимулировать позитивные изменения в экономике и социальной сфере локальных сообществ.

Другие акторы локального уровня — легислатуры, бизнес, партийные и общественные организации, обладая определенным потенциалом влияния, играют второстепенные роли в локальном политическом процессе и в силу естественных ограничений, налагаемых авторитарным контекстом, и в связи с концентрацией ресурсов в административной вертикали. Крупный по меркам малого города бизнес в обоих городах мог бы играть более значимую роль в локальной политике, но он недостаточно организован. Легислатуры сильно зависят от местных и региональных администраций, а потому способны навязывать волю только при слабых руководителях местной исполнительной власти. Другие акторы в обозримом будущем вряд ли будут способны играть первые роли в политическом процессе. С этой точки зрения реальные перемены в локальных властных практиках зависят от вектора развития российской политической системы.

В этих условиях возрастает фактор лидерства глав городов, обладающих высоким потенциалом влияния в локальных сообществах и способных реализовать запросы населения. Отсутствие эффективного лидерства глав городов может компенсировать только активная деятель-

ность губернатора и членов его команды, но вряд ли это возможно в отношении всех малых российских городов. Поэтому поиск фигур, способных стать лидерами городских сообществ, остается крайне актуальным.

Литература

Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32–60.

Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт изучения власти в городских сообществах. М.: ГУ-ВШЭ, 2012.

Чурикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.

Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: Urban politics in the twenty-first century // Theories of Urban Politics / ed. by J.S. Davies, J.S. Imbroscio. 2nd ed. London: Sage, 2009. P. 1–14.

Greasley S., Stoker G. Urban political leadership // Theories of Urban Politics / ed. by J.S. Davies, J.S. Imbroscio. 2nd ed. London: Sage, 2009. P. 125–136.

Keizer R. Urban regime change: A silver lining for scandals // Urban Affairs Review. 2015. Vol. 51, № 4. P. 504–532.

Lowndes V., Leach S. Understanding local political leadership: constitutions, contexts and capabilities // Local Government Studies. 2004. Vol. 30, № 4. P. 557–575.

Mossberger K. Urban regime analysis // Theories of Urban Politics / ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. 2nd ed. London: Sage, 2009. P. 40–54.

Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.

Stone C. Political leadership in urban politics // Theories of Urban Politics / ed. by D. Judge, G. Stoker, H. Wolman. London: Sage, 1995. P. 96–116.

Stone C.N. Trends in the study of urban politics: A paradigmatic view // Urban Affairs Review. 2017. Vol. 53, № 1. P. 3–39.

LEADERSHIP AND POWER IN A SMALL RUSSIAN TOWN: VECTORS OF CHANGE

A. Chirikova, V. Ledyayev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.10>

Abstract. *The paper presents the outcomes of a research project conducted in two small towns in Ivanovo region. The basic material was obtained in the course*

of 76 in-depth face to face interviews with representatives of local and regional elites. The focus of the study is the dynamics of power relations and leadership. The outcomes of the study show that the patterns of power in both local communities are largely preserved, but there have also been some changes. The main sources of changes are the new governor and personnel shifts in the leadership of the towns. In Shuya, the most important event was the return of the former head of the town dismissed by the previous governor. However, she currently does not have a reputation of the most influential actor. In Kineshma, the power hierarchy, in which the head of the town administration was not assigned a central place due to the frequent changes in the municipal leadership, remained 4 years later. The low personal resources of the leaders of the executive branch in both towns increased intervention by the governor and members of his team in community affairs to compensate for the inefficient activities of the municipal structures.

Keywords: power, leadership, local politics, small towns.

References

- Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: Urban politics in the twenty-first century. In: *Theories of Urban Politics*. Ed. by J.S. Davies, J.S. Imbroscio. 2nd ed. London: Sage, 2009, pp. 1–14.
- Greasley S., Stoker G. Urban political leadership. In: *Theories of Urban Politics*. Ed. by J.S. Davies, J.S. Imbroscio. 2nd ed. London: Sage, 2009, pp. 125–136.
- Keizer, R. Urban regime change: A silver lining for scandals. *Urban Affairs Review*, 2015, 51 (4), pp. 504–532.
- Lowndes V., Leach S. Understanding local political leadership: constitutions, contexts and capabilities. *Local Government Studies*, 2004, 30 (4), pp. 557–575.
- Mossberger K. Urban regime analysis. In: *Theories of Urban Politics*. Ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. 2nd ed. London: Sage, 2009, pp. 40–54.
- Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence: University Press of Kansas, 1989.
- Stone C. Political leadership in urban politics. In: *Theories of Urban Politics*. Ed. by D. Judge, G. Stoker, H. Wolman. London: Sage, 1995, pp. 96–116.
- Stone C.N. Trends in the study of urban politics: A paradigmatic view. *Urban Affairs Review*, 2017, 53 (1), pp. 3–39.
- Ledyaev V. Gorodskiy politicheskiy regimi: teoriya i opit empiricheskogo issledovaniya [Urban political regimes: theory and empirical research experience], *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2008, 3, pp. 32–60. (In Russian)
- Ledyaev V. *Sotsiologiya vlast: Teoriya i opit empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Theory and experience of studying power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. (In Russian)
- Chirikova A., Ledyaev V. *Vlast v malom rossiyskom gorode* [Power in a small Russian town]. Moscow: HSE, 2017. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (abc_46@mail.ru).

Витковская Татьяна Борисовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра Уральского отделения РАН (vit.tatiana@gmail.com).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов Государственного университета — Высшей школы экономики (valeri_ledyaev@mail.ru).

Масловский Михаил Валентинович, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (maslovski@mail.ru).

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (dvpokатов@gmail.com).

Пустовойт Юрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАН-ХиГС, Новосибирск (pustovoit1963@gmail.com).

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории факультета политологии МГИМО (У) МИД России; заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (alesol@mail.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (chirikova_a@mail.ru).

CONTRIBUTORS

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Chirikova, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher, Federal State Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (chirikova_a@mail.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (alexander-duka@yandex.ru).

Ledyaev, Valeriy, PhD, Dr. of Sc. (Political Sc.), Professor of the Department of the Analysis of Social Institutions (Moscow) (valeri_ledyaev@mail.ru).

Maslovskiy, Mikhail, Dr. of Sc. (Sociology), Prof., leading researcher of the Department of the History of the Russian Sociology, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (maslovski@mail.ru).

Pokatov, Dmitry, Dr. of Sc. (Sociology), associate professor; head of the history department, theory and applied sociology; The Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky (dvpokatov@gmail.com).

Pustovoyt, Yury, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assoc. Prof., Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management — the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk) (pustovoyt1963@gmail.com).

Solovyev, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (Email: alesol@mail.ru).

Tev, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Federal State Institution of Science, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Vitkovskaya, Tatyana, Candidate of Sc. (Political Sc.), research fellow of the Department for the study of political institutions and processes, Perm' Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences vit.tatiana@gmail.com).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

ТОМ 6

Выпуск 1

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *Д.В. Ткачук*
Компьютерный макет *Н.И. Пащковской*

Подписано в печать 25.11.2019.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 14. Уч.-изд. л. 13.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Ренеме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40